

**МИХАИЛ
ИВАНОВИЧ
ПЫЛЯЕВ**

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
ЧУДАКИ И ОРИГИНАЛЫ
(СБОРНИК)

Михаил Пыляев

**Замечательные чудаки
и оригиналы (сборник)**

«Public Domain»

1898

Пыляев М. И.

Замечательные чудаки и оригиналы (сборник) / М. И. Пыляев — «Public Domain», 1898

Русский писатель, историк и краевед Михаил Иванович Пыляев (1842–1899) снискал популярность не только у своих современников. Его книги, наполненные любопытными сюжетами, с интересом читаются и сегодня. «Замечательные чудаки и оригиналы» – это собрание курьезных рассказов о характерах российских людей и причудах быта аристократии в XVIII и первой половине XIX столетия. Обычай, мода, игры, увеселения представителей разных общественных слоев дополняют картину русской жизни прошедших веков в книге «Старое житье».

© Пыляев М. И., 1898

© Public Domain, 1898

Содержание

Замечательные чудаки и оригиналы	5
Глава I	5
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	23
Глава V	27
Глава VI	33
Глава VII	36
Глава VIII	42
Глава IX	45
Глава X	51
Глава XI	58
Глава XII	65
Глава XIII	71
Глава XIV	78
Глава XV	85
Глава XVI	89
Глава XVII	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

М. И. Пыляев

Замечательные чудаки и оригиналы. Старое жительство

Замечательные чудаки и оригиналы

Глава I

Чужачества Н-на; его расточительная жизнь. – Дорогой домик-игрушка. – Страсть к столоверчению. – Оригиналы-гости. – Историческая игрушка голландца Брандта. – Н-на цыганка и ее мальчик. – Эскулап-колдун. – Полковник Ч., филантроп-оригинал. – Причуды Аракчеева. – Его собачки. – Азартная поспешность графа. – Страсть к чистоте и привязанности к одной форме и внешности

В обыкновенной жизни чудака есть человек, отличающийся не характером, не нравом, не понятиями, а странностью своих личных привычек, образа жизни, прихотями, наружным видом и прочее. Он одевается, он ест и пьет, он ходит не так, как другие, он не характер, а исключение. Замечательно, что в простом сословии, близком к природе, редко встречаются чудаки, там все растут, воспитываются, чувствуют, мыслят и действуют, как внушила им природа или пример других, но с образованием начинаются причуды, и чем оно выше у народа, тем чаще и разнообразнее являются чудаки.

В старину, даже не более пятидесяти лет тому назад, было гораздо более людей странных, с резкими особенностями, оригиналов и чудаков всякого рода, чем теперь. Такое явление понятно, причудливость есть следствие произвольности в жизни, и чем более произвольность господствует в нестройном еще обществе, тем более она порождает личных аномалий.

В двадцатых годах текущего столетия весь интеллигентный мир в Петербурге и Москве был в дружественных сношениях с симпатичным гвардейским офицером-измайловцем П.В. Н-м. Своеобразный ум последнего, его талантливая широкая натура и превосходное сердце высоко ценились всеми тогдашними нашими писателями; как Пушкин, так и Гоголь были его друзья.

Н-н воспитывался вместе с Пушкиным в Царскосельском лицее. Несмотря на то, что Н-н прожил на своем веку не одну тысячу душ и спустил на разные затеи целый ряд наследств, Пушкин высоко ценил его житейскую опытность и любил следовать его советам. По его рассказу он написал «Дубровского», которого сам видел Н-н в остроге одного белорусского города; герой повести небогатый дворянин был доведен до нищеты богатым своим соседом; по просьбе Пушкина Н-н написал несколько очерков своего детства и рассказов о своих предках. Н-н не раз выручал в трудные минуты поэта. Существует предание, как после смерти Пушкина Н-н с Вяземским и еще с кем-то разделили последние деньги, нашедшиеся у него в бумажнике, с клятвой их хранить навсегда, в знак памяти. Это были три двадцатипятирублевки, на которых они написали год, день, число и час его смерти. Интересно, уцелели ли эти бумажки. Н-ну Гоголь посвятил несколько лучших глав во второй части своих «Мертвых душ». Известный петербургский откупщик, миллионер Бенардаки, близкий к Гоголю, предлагал Н-ну, когда его дела приняты тугой оборот, принять у него место воспитателя его детей. Н-н был человек очень добрый; он прожил на своем веку несколько состояний; судьба почти до последней минуты баловала его. Случалось, что у него в доме не было копейки и он топил камин мебелью –

и вдруг новое богатое наследство валилось ему с неба. Н-н, избалованный богатой матерью, почти с юношеских лет предался свободной и совершенно независимой жизни; живя на всем готовом в доме родительницы, он нанимал бельэтаж одного большого барского дома на Фонтанке для своих друзей. Сюда он приезжал ночевать с ночных игр и кутежей, и сюда же каждый из знакомых его мог явиться на ночлег, не только один или сам-друг, но мог приводить и приятелей, вовсе незнакомых хозяину, и одиноких и попарно. Многочисленная прислуга, под управлением карлика «Карлы-головастика», обязана была для всех раскладывать по полу матрацы со всеми принадлежностями приличной постели, парным – в маленьких кабинетах, а холостякам – в больших комнатах, вповалку на полу. Сам хозяин, являсь ночью, спрашивал только, много ли ночлежников. Утром все обязаны были явиться к кофе и чаю. Случалось, что в торжественные дни рождения его гвардейская молодежь с красотками, после великолепного завтрака или обеда, сажали в четырехместную карету, запряженную четверкой лошадей, его карлика-дворецкого с кучей разряженных девиц, а сами, сняв мундиры, в одних рейтузах и рубашках, засеив на место кучера и форейтора и став на запятках, вместо лакеев – летели во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всем лучшим улицам! Конечно, все это могло совершаться в начале 20-х годов, а в 30-х об этом времени вспоминали только с сожалением.

Так, в период буйной и безумной молодости Н-на деньги были ему нипочем: он удивлял многих обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками и экипажами, выписанными прямо из Вены, и своими вечерами, на которых собирались все, как русские, так и французские актеры. Умный и образованный человек со вкусом, он бросал деньги, покровительствуя художникам и артистам; он любил жить и давал другим жить. Залы у него были полны произведениями начинающих художников; одних собственных его портретов было более сотни, он их раздавал знакомым, как теперь дарят фотографические карточки; все его кучера, собаки, лошади были тоже перерисованы молодыми художниками. Он покупал все, что попадалось ему на глаза: фарфор, бронзу, бриллианты и бирюзу, которую считал за амулет. В особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисам. Причудам его не было конца, так что однажды за маленький восковой огарок, пред которым Асенкова учила свою лучшую роль, он заплатил ее горничной шальную цену и обделал в золотой футляр, который вскоре и подарил кому-то из знакомых. Н-н одно время был страстно влюблен в эту актрису и, чтобы вылечиться от безумной страсти, придумал следующую хитрую штуку. Он нарядился в женский наряд и прожил у артистки в качестве горничной более месяца. Это обстоятельство и послужило Пушкину сюжетом к его «Домику в Коломне». Щедрость Н-на к артистам доходила до того, что известному Вьетану он подарил скрипку, с которою знаменитый артист объехал всю Европу. Подобные дорогие причуды, да вдобавок карточная игра, в которой он являлся, впрочем, не игроком, алчущим выигрыша, а страстным любителем сильных ощущений, в 30-х годах сильно порасстроили его состояние, тем более, что он обзавелся цыганкой, известной в то время в Москве красавицей Ольгой Андреевной, дочерью Стеши, прозванной Каталани. В то время любовь к цыганке была самая разорительная, песни чернооких красавиц разнеживали и одуревали всех кутящих богачей. На вечерах гитара такой цыганки наполнялась по несколько раз золотом и ассигнациями, и много раз была опоражниваема и потом снова наполнялась. Эти приношения носили название «угольковых» и многим опустошали карманы. Н-н для цыганки держал экипаж с парой вятков и шведок, за нее он дал крупный выкуп хору; у нее собиралось самое разнообразное общество: цыгане, франты, актеры, литераторы, купцы, сюда заезжал и Пушкин слушать цыганские песни. Постоянным гостем ее был и известный князь Гагарин, тоже чудак большой руки, прозванный за свою худобу «Адамовой головой»; он был бретер и храбрец, выигравший в 1812 году у офицеров пари, что доставит Наполеону два фунта чая. И доставил, и только по благосклонности императора благополучно возвратился в русский лагерь. У Н-на от цыганки был сын, дворняжка, ненавидевший комнаты. Находя в мальчишке

сходство с квартальным надзирателем их квартала, он велел портному сшить на мальчика полный мундир квартального того времени, указав и треугольную шляпу, и оправдывался в этой проделке, говоря «ведь наряжают же детей гусарами, черкесами, казаками, почему же мне не нарядить его квартальным, когда я так уважаю полицию».

Однажды у цыганки Н-н проиграл все, что у него было – часы, столовое серебро, накопец, карету с лошадьми и даже Оленькины сани с парой вятков. Выигравший, захватив серебро, вещи, в выигрышной карете еще темным утром поехал домой, приказав сани с вятками отправить за ним. Н-н добродушно посмеивался над подобной аккуратностью игрока. Цыганка, узнав утром об исчезновении вятков, нисколько не огорчилась: она привыкла или знала, что все скоро возвратится к ней, и, действительно, скоро зажила прежнюю роскошную жизнь. Любовь к цыганке Н-на послужила Куликову сюжетом для его водевиля «Цыганка». Н-н сам рассказывал, что, сидя в театре, он видел на сцене себя и свою сожительницу. От этой цыганки он освободился тем, что, оставив ей весь свой дом в Москве, вместе с хорошей суммой денег в шкатулке, сам тайком уехал в подмосковную, к приятелю, где переименовался на своей однофамилице и поселился на некоторое время в Туле.

Н-н, как мы заметили, любил хорошо покушать и также кормить своих гостей почти насильно. Обеды заказывать и говорить про кушанья он был большой охотник. За столом у себя он потчевал гостей до упаду, ежеминутно вскакивал и кричал на прислугу: видишь, мало взяли, попроси, поклоняйся, и если это было неуспешно, то сам упрашивал не хуже известного крыловского Демьяна. Не возьмет гость – он считал большой обидой. Редкий из его гостей выходил у него из-за стола не упитавшись так, что еле несли ноги. На обеды он приглашал за несколько дней, а в день обеда присылал дворецкого напоминать, чтобы не забыли. У него нередко подавали на стол паштет, при вскрытии которого выходил карлик, держа в одной руке паштет уже съедобный, а в другой руке – букет с цветами.

Существует предание, что Петр Петрович Петух списан Гоголем с Н-на.

По смерти Пушкина Н-н переехал жить в Москву, тут уже пошла нерадужная сторона его жизни, но он не унывал и вел почти ту же самую петербургскую жизнь. Он ездил почти ежедневно в английский клуб, выписал себе из Парижа дорогой кий, хранившийся всегда под сбережением маркера, и продолжал мотать деньги, ссужая встречного и поперечного. Иногда, в критические минуты, ему вдруг падали наследства от какого-нибудь дальнего родственника, то уплачивал ему кто-нибудь старый карточный должок и т. д. Но все эти неожиданности скоро исчезли. Своей роскошной жизни он не покидал и понемногу стал распродавать свои богатые коллекции: монеты, картины, фарфор, бронзу и т. д. Между замечательными редкостями, находившимися в его квартире, был один двухэтажный стеклянный домик аршина два длины, каждая отдельная часть и украшения которого были им заказаны за границей в Вене, Париже и Лондоне. На этот домик, стоивший ему до сорока тысяч рублей, съезжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество. Домик этот был потом заложен и перезаложен в Москве за двенадцать или тринадцать тысяч и теперь неизвестно у кого находится как редкая, трудно сбываемая игрушка. Домик был продолговатый, правильный четырехугольник, обрамленный богемскими зеркальными стеклами, и образовывал два отделения, верхнее и нижнее. В верхнем помещалась сплошная танцевальная зала со столом посередине, сервированным на шестьдесят кувертов. По четырем углам залы поставлены были четыре стола и бронзовые канделябры на малахитовых подстоях, на потолке, вылепленном в мавританском стиле, висели три серебряные люстры, каждая по пятидесяти свечей, в одном углу стоял рояль, в другом арфа, первый был работы Вирта, вторая – Эрара, на первом жена владельца играла небольшие пьесы, употребляя для ударов по клавишам вязальные спицы. В зале помещались ломберные столы с картами, были даже щеточки и мелки для карточной игры. Вся зала была украшена тропическими растениями, так искусно сделанными в Париже, что, казалось, эти растения были живыми. Нижний этаж представлял жилые покои и был наполнен всем, что только требовалось

для какого-нибудь царственного жилища. Заказывая эту игрушку и долго обдумывая ее, он не позабыл ни малейшей безделицы богатого домашнего быта. В этих жилых покоях, стены которых были то мраморные, то покрытые разноцветным штофом, были и микроскопические картины, писанные масляными красками, и пианино, и ноты, и полная миниатюрная библиотека, и целый арсенал оружия, ящик с пистолетами Лепажя, сигары, бильярд и т. д. И все эти лилипутные вещи, серебряные столовые тарелки и блюда, сделанные отдельно, замечательными художниками, должны им были стоить большого труда и терпения, начиная от рояля, фортепиано, до библиотеки; для печатания только одних заглавий книг необходимо было придумывать такой мелкий шрифт, который можно видеть только на наших ассигнациях. Паркет в обоих этажах был мозаичный. Сводчатый подвал под домиком вмещал погреб, в котором в открытых ящиках хранились всевозможные дорогие вина, укупоренные за границей.

Не забыта ни одна мелочь, даже восковая свечка, приготовленная для зажигания канделябр. В одной из комнат сидят пестро одетые дамы, а в дверях – фигура военного, времен Очаковских. Хозяйка приветствует его рукой, в другой комнате хозяин и гость кушают кофе, в бильярдной идет игра, все фигуры одеты в надлежащие того времени костюмы. Жизнь старого русского дома искусно схвачена в целом ряде моментов.

Разорившись, Н-н заложил курьезную модель своего московского дома нотариусу Пирогову, последний рассчитывал с хорошим барышом продать ее чуть ли не в казну, как большую редкость, покупка не состоялась, и модель долю не продавалась у известного в Москве в пятидесятых годах антиквария Волкова. Эта старинная барская редкость несколько лет тому назад была выставлена на ремесленной выставке и затем продавалась с аукциона.

Говоря о причудных игрушках доброго старого времени, мы не можем не упомянуть о другом таком же миниатюрном домике, который назначался для поднесения императору Петру Великому.

В Утрехте в начале XVIII столетия жил богатый негоциант Брандт, посвятивший себя искусству, для которого нет настоящего имени, но которое можно назвать миниатюрною механикою. Он достиг в этом такого совершенства, что все его работы ценились очень высоко. Когда Петр Великий приехал в Амстердам, Брандт находился в этом городе. Государь, увидев работы его, удивился терпению и искусству, с какими они сделаны. «Дорого бы я дал, чтоб иметь у себя какую-нибудь особенную отличную работу Брандта», сказал однажды государь. Брандт, узнав об этом, решился сделать для государя миниатюрный голландский домик со всем убранством, мебелью, домашними принадлежностями. Он работал не отрываясь только двадцать пять лет. И что это была за прелесть! Что за чудо! Это настоящий дом со всеми мелочами, со всем голландским комфортом, до малейшей безделицы. Здесь были обои, сделанные на утрехтских фабриках Белье, вытканное лучшими утрехтскими мастерами, серебряная посуда была отлита в нарочно приготовленных самим Брандтом формах, которые он потом уничтожил. Фарфор был выписан из Японии. Этого мало, даже книга была напечатана в Майнце такая, что ее можно было спрятать в ореховую скорлупу. Потом хрустальная люстра, отделанная с удивительным искусством, клетка, в которой и муха едва могла бы поместиться, столовая комната с мраморным полом, чайный стол со всем прибором, картинная галерея, кабинет редкостей, спальная с кроватью, убранныя самыми роскошными тканями, и проч. Окончив все это, Брандт послал в Петербург письмо, в котором уведомлял, что работа эта окончена, и просил позволения представить ее государю. Петру Великому в то время было не до игрушек – он находился в походе. Резидент, получивший в Петербург известие о том, велел, прежде доклада царю, осведомиться, сколько Брандт хочет взять за свою работу. Такой вопрос огорчил художника, двадцать пять лет жизни посвятившего на эту работу и по богатству своему не имевшего нужды в деньгах, он не захотел после этого посылать в Петербург свое произведение, которое, таким образом, осталось в Голландии и, как любопытная вещь, показывается путешественникам в Гааге.

Возвращаясь опять к характеристике Н-на, мы находим, что иногда на вечера к нему собиралось немало оригиналов и чудачков того времени, он ловко умел их вызывать на разговоры и воспоминания. Так, у него бывала одна старушка княгиня, которая в молодости была страстно влюблена в Потемкина и выпросила у него на память голубую ленту, с которой всю жизнь не расставалась ни днем ни ночью. Притом, эта барыня отличалась необыкновенною скаредностью и не шила себе платьев чуть ли не с кончины великолепного князя Тавриды, вместо чепца носила она на голове шлык из платка – платье было заплатанное, грязное, и при всем своем неряшестве носила через плечо на груди потемкинскую ленту. Он особенно покровительствовал также всем вралям и собирал их для потехи целыми десятками на свои вечера. В последние годы своей жизни Н-н предался модной тогда страсти к вызыванию духов и столоверчению. Он беседовал с духами посредством столиков и тарелок с укрепленными в них карандашами. Он вызывал большею частью умерших своих друзей – Пушкина, Брюллова. Исписав горы бумаги, он вскоре сжег все написанное и отслужил в доме молебен. После этого он познакомился с одним евреем-доктором, известным тогда в Москве и проживавшим в глуши – в Сокольниках. Этот эскулап привлекал к себе богатых москвичей тем, что будто бы нашел средство делать золото и при лунном свете, с помощью розы сгущать его на левой ладони руки в настоящие рубины. Н-н оказался одним из первых его адептов, он полюбил алхимию. Доктор стал тянуть у него деньги и обирать последние его крохи. При алхимических опытах он говорил ему:

– Нам недостает только одного растения, которого не найдешь в России.

– Какое же это растение? – спрашивал Н-н.

– Баранец.

– Что это за баранец?

– Трава, которая пищит по зарям, как ребенок, когда вытаскиваешь его корни.

– А где можно ее достать?

– В Азии, на горах.

– Что ж, – произносил решительно Н-н, – мы можем туда съездить. В скором времени я получу с князя десять тысяч рублей.

– Будем надеяться!

Н-н, получив эти деньги, повез их доктору, но последний за разные мошенничества был выслан на жительство в Сибирь. Н-н приуныл. Скоро полученные деньги были истрачены, кредита также нигде не было. Жил тогда в Москве полковник К., человек более чем богатый, добрый, известный франт и волокита до поездки за границу, но сделавшийся отъявленным филантропом по возвращении в Москву, про него ходили слухи, что будто он, как и Ч-ев, принял католичество. К., по первому требованию, вручал по пяти рублей бедным офицерам и по десяти – штаб-офицерам. Н-н стал обращаться к нему в критические минуты.

– Подай вспомоществование бедному штаб-офицеру, Александр Степанович, – говорил он серьезным тоном. Н-н получал постоянно от К. этот пенсион, когда приходила ему крайняя нужда. К. тоже был большой оригинал. Перед смертью Н-н опять получил довольно порядочное наследство, принимал к себе калик перехожих, странников, странниц и разных бродяг, которые всегда что-нибудь у него воровали.

Известный граф Аракчеев, о котором в свое время иначе не говорили как шепотом и пред домом которого, на Литейной, проезжая мимо, всякий сдерживал дыхание и затаивал мысль, – отличался большими странностями. Аракчеев очень боялся отравы и за обедом каждое блюдо, прежде чем его начать, давал немного своей собачке Жучке¹ и после того уже ел сам; даже

¹ Впоследствии у графа была другая собака – Дианка. Памятники этим собачкам «верному Жучку» и «милой Дианке», с чугунными изображениями и мраморными плитами, находятся в его саду в Грузине. Под конец жизни Аракчеева любимым его четвероногим другом был Азор.

после стола, когда подавали кофе, то он сперва отливал немного собаке на блюдечко и после того уже пил из своей чашки.

Аракчеев безмерно любил быструю езду – в свое Грузино из Петербурга он ездил в восемь часов. Грузино от Петербурга отстояло на 121 1/2 верст; выезжал он постоянно из столицы в 6 час. утра, и в 2 часа пополудни был уже у себя в Грузине, – ему выставляли поставу на каждой полустанции. Таких верст между Петербургом и Грузино он сделал во всю свою жизнь около 90 тысяч. Был еще и другой такой любитель скорой езды – это военный генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков; за такую страсть последний поплатился жизнью, нажив смертельную болезнь в почках. Корсаков, несмотря на частые приезды в столицу из дальней Сибири, во всю свою службу не проехал и четверти того расстояния, что сделал на лошадях Аракчеев.

В числе странностей Аракчеева была какая-то во всем азартная поспешность, а затем ранжир. Он нетолько людей, но и природу подчинял своему деспотизму. Когда Грузинское имение поступило к нему, то ровнять и стричь было главной его заботой: ни одно дерево в саду, по дороге и деревням не смело расти выше и гуще назначенного ему Аракчеевым; сад и все деревья в имении по мерке стриглись. Деревни все он вытянул в прямую линию, и если случалось по необходимости сделать поворот, то он шел или под прямым углом, или правильным полукругом.

Все старое было истреблено с корнем – следов не осталось прежних сел и деревень; даже церкви, если они приходились не по плану, были снесены, а кладбища все заровнялись так, что не осталось и следов дорогих для родных могил. Немало было пролито и слез, когда солдаты ровняли кладбища; многих старух замертво стаскивали с могил, так они упорно отстаивали эту святыню, по русскому поверью. Берега реки Волхова, на которых было расположено имение, были покрыты лесом. Аракчеев приказал вычистить берега; лес рубился на свал и сжигался на месте. Все распоряжения были невозможно бестолковы. Так, канавы копались зимою, во время морозов, дороги насыпались в глухую осень под проливными дождями. Деревни строились разом и с такою поспешностью, точно будто к смотру!

Помещичья жизнь Аракчеева отличалась неслыханной дисциплиной. У Аракчеева был написан свой талмуд для крестьян, в котором излагались мельчайшие правила на все случаи жизни крестьянина, даже, напр., как и кому ходить в церковь, в какие колокола звонить, как ходить с крестным ходом и при других церковных церемониях. Несколько тысяч крестьян были превращены в военных поселян: старики названы инвалидами, взрослые – рядовыми, дети кантонистами. Вся жизнь их была поставлена на военную ногу – они должны были ходить, сидеть, лежать по установленной форме. Например, на одном окошке № 4 полагалась занавесь, задерживаемая на то время, когда дети женского пола будут одеваться. Обо всех мелочах в жизни каждого крестьянина Аракчеев знал подробно; в каждой деревне был шпион, да еще не один, который являлся лично к самому Аракчееву каждое утро и подробно рапортовал о случившемся.

Чуть ли не первое шоссе в России от Чудова до Грузина было построено руками его крестьян. Строено оно было на остатки сумм, отпущенных на военное поселение. Обошлось оно в миллион рублей ассигнациями. Подряд взял голова грузинской вотчины или, вернее, сам Аракчеев, потому что барыши он брал себе, а задельная плата поступала в банк за бедных должников: богатые крестьяне ничего не получали за свою работу. Зачем? Они и без того были богаты. Чистого барыша от этой постройки Аракчеев взял 600 тыс. рублей, остальные 400 поступили в банк за долги. Аракчеев любил ссылаться на свою бедность и бескорыстие. Так, при вступлении на престол императора Николая I, Аракчеев недомогал, в это время при дворе с особенным участием стали заботиться о расстроенном его здоровье и настойчиво советовали ему ехать за границу для лечения. Аракчеев говорил, что у него нет на это денег, тогда в уважение его стесненных обстоятельств ему было выдано высочайшее пособие в размере

50 тыс. рублей. Сконфуженный такой неожиданностью, Аракчеев пожертвовал эти деньги в Екатерининский институт, а чтобы вывернуться из затруднительного и неловкого положения, предложил чрез министра двора купить у него за 50 тыс. фарфоровый сервиз, подаренный ему императором Наполеоном I, мотивируя свое предложение тем, что сервиз с императорским гербом неприлично иметь в частных руках. Предложение Аракчеева было принято, и сервиз куплен, и ему пришлось отправиться за границу. За границей Аракчеева принимали более чем равнодушно, здесь он, желая напомнить о своем прежнем величии, напечатал в Берлине по-французски письма к нему императора Александра I. Этот поступок усилил справедливое к нему негодование императора и окончательно подорвал его поприще. Когда Аракчеев выезжал во Францию, таможня отобрала у него серебряные вещи, предлагая возвратить ему при обратном выезде его из Франции или изломать их и отдать ему. Он выбрал последнее, но когда таможенный служитель стал разбивать серебряный чайник, он пришел в бешенство, бросился на него и схватил за горло. Сопровождавшие Аракчеева с трудом освободили его. По возвращении своем из-за границы Аракчеев, лишенный уже всех своих должностей, проводил время уединенно, развлекаясь только в обществе молодых экономок. Так влачил дни до своей кончины этот замечательный человек, только не по уму и способностям, как говорит Михайловский-Данилевский в своих записках, цитируя слова императора Александра I, а по усердию и трудолюбию, по холодности и жестокости, по отсутствию мысли в действиях, по привязанности к одной форме и внешности.

Глава II

Суевер и педант Н.И.Д-ов. – Боязнь его встреч с духовенством. – Манера его менять на себе сорочку. – Чудачества генерала В.Г. Костенецкого. – Спартанская его жизнь. – Феноменальная его сила. – Подражатель странностям Суворова, князь Г.С.Волконский. – Другой такой же чудак граф М.Ф. Каменский. – Странности генерала Вельяминова. – Простота графа Платова.

Всеми Петербургу, лет шестьдесят тому назад, был известен своими эксцентрическими странностями и своим служебным педантизмом, превосходившим самый педантизм известного графа Аракчеева – генерал Н.И. Д-ов, бывший начальником всех кадетских корпусов. Одно из главных его чудачеств было, на котором он был помешан до смешного, что он вылитый портрет императора Наполеона I, сходство некоторое он имел с этим государем, но не до того поразительное, как он полагал. Кроме этого, он был суеверен до невозможного. У всех его дверей были прибиты найденные им подковы, как знак благополучия. В его спальне сидел в клетке петух для отогнания домового. К числу других его предрассудков принадлежал в особенности тот нелепый русский предрассудок, который считает встречу с священником самым несчастным предзнаменованием. Рассказывали хорошо знавшие этого генерала люди, что неоднократно, выехав со двора и увидев из окна кареты переходящего ему дорогу священника, он выскакивал из экипажа, спрашивал у батюшки с почтительнейшим видом благословения и затем убедительнейше упрашивал его сесть в его карету. Как только священник исполнял его желание, Д-ов приказывал кучеру скорее ехать домой.

Приехав к себе, он учтиво высаживал священника из экипажа и вводил его в свои комнаты, где в одной из комнат с одною дверью он, делая вид, что ему нужно отдать какое-нибудь домашнее приказание, быстро выходил из комнаты и столь же быстро запирает дверь на ключ, который брал в карман, суверенный в том, что этот священник уже не перейдет ему дорогу, сам быстро уезжал туда, куда призывали его дела. Такие похищения духовных лиц долго подавали повод к весьма странным недоразумениям. Затем уже местное духовенство (генерал жил на Васильевском острове) и причты, завидя высокую карету четверкою цугом, с двумя лакеями в военных ливреях на запятках, навастривали лыжи и быстро утекали, чтобы не попасть на несколько часов под ключ его высокопревосходительства.

Он имел весьма оригинальную манеру менять на себе сорочку. Камердинер должен был держать перед ним чистую таким образом, чтобы он мог вскочить в нее. Д-ов, сняв рубашку, отходил от слуги шага на три, крестился, бросался к сорочке и опять назад, и так до трех раз; в третий раз он вскакивал в растопыренную перед ним рубашку и уже оставался в ней. В доме у него, находившемся в Москве, на Басманной, там, где теперь Константиновский межевой институт, была образная, наполненная множеством икон, размещенных в несколько ярусов. Однажды в образной с ним находился священник, к которому Д-ов был расположен. Генералу пришлось в голову приложиться к какому-то образу, находившемуся наверху. Он был в затруднении, как это исполнить, уже хотел было приказать снять образ, но священник заметил, что это совершенно лишнее и что в подобном случае достаточно одного усердия почтить святыню. Что же делает генерал? Он складывает пальцы, целует их и посылает образу воздушный поцелуй.

Генерал очень любил играть в карты и, отправляясь на игру, входил предварительно в свою образную и там пред образом молился о выигрыше, обещаясь, в таком случае, принести ему в жертву какое-либо украшение.

Во время стоянки кадет в лагере вернейшее средство удержать его от прихода к кадетам, на которых он наводил тоску постоянными и однообразными нравочениями, было положить

на пути от его палатки к лагерю кресты из соломинок или из чего придется. Увидя такой крест, Д-в обыкновенно возвращался назад.

В числе больших причудников был известен в русской армии в царствование Александра I генерал В.Г. Костенецкий. Жизнь вел он необыкновенно оригинальную: одевался в длинно-полый военный сюртук и носил какую-то необыкновенно высокую форменную фуражку. Комнат зимою никогда не топил, и ему в них не было холодно. Возле крыльца дома была всегда наметена большая куча снега, и он как только поутру встанет с постели, т. е. с жесткого кожаного дивана, с такой же головной подушкой, без простыни и одеяла, тотчас же отправляется голым в эту кучу снега и в ней барахтается, и когда потом войдет в комнату, то пар идет с него, как после бани. Чай пил он тоже не по-обыкновенному: он обходился без чайника, клал чай прямо в стакан, наливал его горячей из самовара водой, и когда чай настаивался, тогда он пил его без сахара и потом жевал чайные листья. Пища его была самая простая: борщ, каша и изрезанная говядина. Водки и вина не пил вовсе. Костенецкий, несмотря на свой миролюбивый характер, боялся мщения и предполагал, что его когда-нибудь да отравят. Чтобы предупредить такую опасность, он хотел приучить себя не бояться никакой отравы, и для этого он носил всегда в кармане кусок мышьяку, который ежедневно поутру лизал языком по несколько раз, каждый день постепенно увеличивая количество лизаний, и таким способом довел себя до того, что уже довольно значительный прием мышьяка, который был бы смертельным для всякого другого человека, на него не производил никакого вредного действия. Он производил преоригинальные учения. Рано на заре он приказывал находившемуся при нем трубачу трубить тревогу, указывал куда скакать батарее, а сам, вскочив на коня, скакал туда во весь опор и, прискакав на место, в поле долой с коня – и голый катался по траве и росе. Это была его суворовская утренняя ванна. Между тем, батарея по тревоге летела туда же во весь опор и находила уже К-го выкатавшимся на росе, одетым и на коне, и тотчас же начиналось ученье все на марш-марше и по-боевому. Вдруг К-ий командует: «№ такой-то ранен!» И этот № должен был слезть с лошади и пешком отойти в сторону, а другой заступить его место. Затем опять команда: «№ такой-то убит!» И убитый должен был упасть на землю и лежать, а другой заступить его место, и подобно тому в этом же роде. Генерал Костенецкий был высокого роста, широк в плечах, стройный и красивый мужчина с самым добрым и приветливым лицом и обладал необыкновенною физической силою. Характера был доброго, имел нежное сердце, но вспыльчив в высокой степени. Человек он был с сильными страстями, любил женщин, а еще более был любим ими, по никогда не был женат. Он был страстно влюблен в красавицу княжну Р-в и вел себя как влюбленный юноша-прапорщик, давая пищу насмешкам всего лагеря под Красным Селом. Генерал служил в артиллерии, знал превосходно свое дело и был в полном смысле военным. Много ходило в то время рассказов о его необыкновенной физической силе; он разгибал подковы, сгибал серебряные рубли. Однажды, в Киеве в одном обществе дамы, желая подшутить над ним, поднесли ему на тарелке очень искусно сделанную каменную грушу и просили его скушать. Костенецкий, заметя обман, взял грушу в руку и, как бы нечаянно раздавивши ее, воскликнул – ах! – какая она мягкая.

Один из случаев его жизни рассказан Михайловским-Данилевским. В одном из сражений с французами в 1809 году, когда на батарею, которою он командовал, бросились польские уланы, перебили всю прислугу и, разумеется, взяли бы батарею, Костенецкий, схвативши банник, начал валять им направо и налево, многих перебил, а других прогнал. Когда император Александр Павлович благодарил его за такой подвиг, он сказал государю, что надобно бы ввести в артиллерию вместо деревянных железные банники. Государь возразил ему: «Мне нетрудно сделать это, но где найти таких Костенецких, которые могли бы владеть ими!» Генерал Костенецкий носил в обществе кличку всеславянского генерала и был известен шутками вроде таких: *cabinet* (как бы нет), *domestique* (дом мести) и т. д. Этими корнесловами извест-

ный адмирал Шишков хотел в свое время доказать, что все языки происходят от славянского. Костенецкий умер в Петербурге от холеры в 1831 году.

Великий Суворов, отличавшийся, как известно, большими странностями, которые даже у его современников рождали сомнения, в здравом ли он уме, имел также многих подражателей. Особенно в ряду таких отличался чудачествами старик князь Гр. Сем. Волконский, живший долгое время в Оренбурге и командовавший тамошними войсками. Он вставал также рано, как и Суворов, и тотчас отправлялся по всем комнатам и прикладывался к каждому образу. Между тем все форточки в его доме были открыты, и в комнатах дул сквозной ветер. К вечеру ежедневно у него служили всенощную, при которой обязан был присутствовать дежурный офицер. Обедал он не раньше семи часов. Выезжал к войскам во всех орденах и, по окончании ученья в одной рубашке ложился где-нибудь под кустом и кричал проходившим солдатам: «Молодцы, ребята, молодцы!» Любил ходить в худой одежде, сердился, когда его не узнавали, выезжал в город лежа на телеге или на дровнях. Вообще корчил Суворова. Во время кампании 1806 года он просил императора назначить его командовать действующей армией. Император, ввиду его старчества, ласково отказывал; старик не унимался, писал письма к покровительствовавшей ему императрице, жаловался, что Аракчеев мешает ему служить отечеству и проч.

Другой подражатель Суворова был уже фельдмаршал граф Михаил Федорович Каменский, личность бесспорно талантливая, с большим знанием военного дела и личною храбростью, но необыкновенно честолюбивая и крайне нервная в обращении с людьми. Императрица Екатерина II не любила с ним разговаривать. Вот что она сказала своему секретарю Храповицкому про Каменского: «к нам будет скучнейший человек в свете». Король прусский отзывался о нем: «это молодой канадец, однако же, довольно вылощенный». Император Павел любил Каменского, а граф Аракчеев был большой почитатель его воинских талантов. Каменский был строгий служака и педант, он в частной жизни подражал Суворову и также часто оригинальничал и юродствовал. У себя в деревне фельдмаршал жил в своих комнатах совершенно один, в кабинет его никто не впускался, кроме камердинера, у дверей комнаты были привязаны на цепи две огромные меделянские собаки, знавшие только его и камердинера. Он носил всегда куртку на заячьем меху, покрытую голубою тафтою, с завязками, желтые мундирные штаны из сукна, ботфорты, а иногда коты и кожаный картуз; волосы сзади связывал веревочкою в виде пучка, ездил в длинных дрожках цугом, с двумя форейторами, лакей сидел на козлах, он имел приказание не оборачиваться назад, но смотреть на дорогу.

Чудачества Каменского этим не ограничивались – он также пел на клиросе, ел за столом сам только простую грубую пищу и очень оскорблялся всяким невниманием к его заслугам. Так, когда перед второю турецкою войною императрица послала ему в подарок пять тысяч золотом, он захотел показать, что подарок слишком ничтожен, и нарочно истратил эти деньги на завтраки в Летнем саду, к которым приглашал всех, кто ему попадался на глаза.

Вызванный для войны с Наполеоном, предпринятой для защиты Пруссии, он явился в Петербург и поместился в убогом помещении, в третьем этаже, в плохой гостинице. Женат он был на княгине Щербатовой, и относительно брака судьба его похожа на судьбу Суворова. Супруги виделись довольно редко, однако плодом их супружества были дочь и два сына. Старшего сына отец не любил и, по рассказам Энгельгардта, однажды, когда сын уже был в чинах, граф публично дал ему двадцать ударов арапником за то, что он не явился в срок по какому-то служебному делу. Младшего сына, известного театрала, граф очень любил. Каменский никогда не был любим никем за свой крутой и вместе вспыльчивый и жестокий нрав – фельдмаршал, как и многие вельможи того времени, был не разборчив в своих связях и подпал под влияние грубой необразованной и некрасивой простой женщины Граф М.Ф. Каменский очень верно обрисован Л.Н.Толстым в его романе «Война и мир» под именем князя Волконского.

Большими странностями также отличался командующий на Кавказе и в Черномории генерал Вельяминов, известный славный сподвижник войн 1812 и 1814 гг. Проживая в Ставрополе со всем штабом, генерал высказывал много оригинального в своем характере.

Так, он имел привычку говорить почти всем «дражайший», и его видали только тогда, когда он отправлялся в экспедицию против горцев, иначе он не выходил из комнат занимаемого им дома. Отправляясь в экспедицию, когда спрашивали его подчиненные генералы: «Куда?», он отвечал им: «Дражайший! Барабанщик вам это укажет». В походе он ходил подобно Наполеону I: сверх мундира в сером коротком сюртуке. У него был открытый стол, к которому приглашались все небогатые офицеры и штабные. Сам он никогда не выходил к столу, и кушанье с этого стола не вкушал, а ему подавали в его кабинет одно особое кушанье – ужа, так называемого желтобрюха, под желтым соусом, откормленного прежде молоком. Это кушанье он чрезвычайно любил. Вельяминов был одинок и умер от полной апатии ко всему.

Герой отечественной войны знаменитый атаман донцов граф М.И. Платов был большой оригинал во многих привычках своей жизни, происходя из казаков, он ревниво оберегал патриархальные нравы своих соотечественников и щеголял настоящей казацкой речью, часто очень нецензурной. Образ жизни его был самый простой. Когда армия наша покинула Москву и первопрестольная столица осветилась заревом пожара, Платов зарыдал, объявив всем окружающим его: «Если кто, хоть бы простой казак, доставит ко мне Бонапартишку – живого или мертвого – за того выдам дочь свою!» Это восклицание главного вождя дошло до Англии, и в 1814 году появился в Лондоне портрет девицы в национальном донском костюме с надписью «мисс Платов», «по любви к отцу – отдаю руку, а по любви к отечеству – и сердце свое». Впоследствии эта дочь Марья Матвеевна вышла замуж за донского генерала Т.Д. Грекова. В 1814 году Платов в свите императора Александра I ездил в Лондон, откуда привез молодую англичанку в качестве компаньонки. Известный партизан Денис Давыдов выразил ему удивление, что, не зная по-английски, сделал он подобный выбор. Я скажу тебе, братец, отвечал он, это совсем не для физики, а больше для морали. Она добрейшая душа и девка благонравная, а к тому же такая белая и дородная, что ни дать ни взять ярославская баба.

Тот же Денис Давыдов рассказывал, что когда Ростопчин представлял Карамзину Платову, атаман, подливая в чашку свою значительную долю рому, сказал: «Очень рад познакомиться, я всегда любил сочинителей, потому что они все пьяницы».

Глава III

Военные повесы былых времен. – Герой Нечволодов. – Полковник А-н. – Проказы К.Я. Бултакова

В доброе старое время отличительную черту характера, дух и тон кавалерийских офицеров – все равно, была ли это молодежь или старики – составляли удалство и молодечество. Девизом и руководством в жизни были три стародавние поговорки «двум смертям не бывать, одной не миновать», «последняя копейка ребром», «жизнь копейка – голова ничего!». Эти люди и в войне, и в мирное время искали опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удалством. Любили кутить, но строго помнили поговорки «пей, да дело разумей», «пей, да не пропивай разума». Попировать, подраться на саблях, побушевать, где бы иногда и не следовало, все это входило в состав военно-офицерской жизни мирного времени. Молодые кавалерийские офицеры, по характеристике Ф. Булгарина, в молодости служившего в уланах, и сами того не зная, были почти то же, что немецкие бурши, они точно также вели вечную войну с «рябчиками», т. е. со статскими, как бурши с филистерами. Эта молодежь нашей кавалерии и знать не хотела никакой власти, кроме своей полковой и высшей военной, беспрестанно противодействуя полиции. Буйство хотя и подвергалось наказанию, но не считалось пороком и не помрачало чести офицера, если не выходило из известных условных границ. Стрелялись редко, только за кровные обиды, за дело чести, но рубились за всякую мелочь. После таких дуэлей обыкновенно следовала мировая, шампанское и т. д. Дуэль еще больше скрепляла товарищескую дружбу. По замечанию современников, в те годы не каждый решился бы говорить дурно про товарища и, хотя бы и не прямо в лицо, клеветать заочно и распространять клевету намеками. За офицера одного полка сразу вступались по десятку товарищей. Офицеры в полку принадлежали одной семье, у них все было общее – честь дух, время, труды, деньги, наслаждения, неприятности и опасность. Офицерская честь ценилась очень высоко. Офицер, который бы изменил своему слову, не вступился бы в потребную минуту за однополчанина или обманул кого бы то ни было, положительно не был терпим в полку. В случае крайности, офицеры складывались и платили денежный долг товарища, который впоследствии выплачивал им свой долг. Столпами службы в те времена были эскадронные командиры, многие из них были зрелых лет старики, прошедшие очень суровую военную школу и не раз надевавшие за дуэли и проказы солдатскую шинель, такие в критическую минуту и заменяли молодым офицерам «отцов командиров» не по одной пустой кличке. У эскадронных командиров, по установившемуся издавна обычаю, всегда был открытый стол для своих офицеров; обеды были, положим, неприхотливы: щи, каша, биток да стакан вина. В кавалерии, по отзывам современников, жили не только весело, но отчасти и бестолково; щеголеватость фронта, разные тонкости и порядки в муштре и в службе перенимались армией у гвардии, но выпадали годы особенно после походов, когда и гвардия жила «по-армейски», подражая походной бивуачной жизни. Например, в старину существовал обычай в среде товарищей, хотя и знавших французский язык, говорить между собою всегда по-русски, в силу того принципа, что они – русские офицеры и служат русскому царю и отечеству, тех же, которые употребляли всегда французский язык вместо русского и старались отличиться светскою ловкостью, прозывали «хрипунами». Вообще, чванство, надутость, фанфаронство, важничанье не были терпимы в полках.

В описываемое александровское время у молодых военных повес была великая страсть к так называемым «гросс-шкандалам» с немцами. Петербургские бюргеры и ремесленники любили повеселиться со своими семействами в трактирах на Крестовском острове, в Екатерингофе и Красном Кабачке, военная молодежь ездила туда как на охоту. Начиналось обыкновенно с того, что заставляли дюжих маменек и тетушек вальсировать до упаду, потом подпай-

вали мужчин, наконец, затягивали хором: «Freut euch des Lebens»,² упирая на слова «Pflücke die Rose»³ – и пошло волокитство, а в конце концов обыкновенно следовала генеральная баталия с немцами. После кутежа всю ночь напролет тройки разлетались в разные стороны, и к девяти часам утра ночные повесы, как ни в чем не бывало, присутствовали на разводе – кто в Петербурге, кто в Стрельне, в Петергофе, в Гатчине. Через несколько дней обыкновенно приходили в полк жалобы, и виновные тотчас же сознавались по первому спросу. Кто был там-то – лгать было стыдно. На полковой гауптвахте частенько бывало тесно от арестованных офицеров. По словам кавалериста той эпохи, в Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках господствовал тогда особый дух и тон. Офицеры этих трех полков принадлежали к высшему обществу, отличались изяществом манер, утонченною изысканностью и вежливостью в отношениях между собою, многие владели французским языком лучше, чем русским. Офицеры же других полков показывались в обществе только по временам, предпочитая жизнь товарищеской среды, жизнь нараспашку. Конногвардейский полк держался нейтрально, соблюдая смешанные обычаи. Но зато лейб-гусары, лейб-улань, лейб-казаки, измайловцы и лейб-егеря жили по-армейски и следовали тому духу беззаветного удалства, который являл собою главнейшую черту военного характера этой эпохи, которую так пылко и ярко воспел в своих стихах Денис Давыдов. О походе кавалергардских офицеров сохранилось много рассказов; особенно шалости их в Новой Деревне и на Черной речке в свое время наделали много шума. На Черной речке в конце двадцатых годов по ночам стал разъезжать черный катер с поставленным на нем черным же гробом; гребцы, сидевшие с факелами около гроба, все заунывно пели «Со святыми упокой» и этим будили и пугали крестьян и дачниц... Вскоре узнали, как это рассказывает в своих воспоминаниях дочь графа Толстого, что факельщики эти были не кто иные, как молодежь-кавалергарды, а в гробу почил не покойник, а шампанское. Днем они тоже не сидели спокойно, а с криками и шумом галопом носились на своих собственных пожарных трубах, все стоя на ногах, в сюртуках без эполет, в голубых вязаных шерстяных беретах с серебряными кистями. Проказы молодых повес нередко пробирались и на дачи, где тогда жили актрисы французского театра. По тогдашним рассказам, веселая мундирная молодежь иногда пробиралась ночью в палисадник хорошенькой дачки, занимаемой одною известною итальянскою певицею, и, сняв осторожно ставни, любовались ночным туалетом красавицы; то устраивали засады в женских купальнях, то врывались через окошко в спальню какой-нибудь молоденькой дамы и затем учтиво извинялись ошибкой, полагая, что здесь живет их товарищ. Подобные проказы сходили в то время зачастую без особых последствий, но кто-то раз довел о них до сведения великого князя Михаила Павловича; тот доложил государю, и дело разыгралось для повес совсем неожиданным образом. Однажды ночью их всех потребовали в ордонанс-гауз, и когда они явились, без дальних объяснений посадили их на почетные тележки вместе с фельдъегерями, и борзые тройки умчали их из Петербурга. Из таких шалунов был отправлен на Кавказ поручик Жерве; последнего вез целые две недели угрюмый фельдъегерь, не говоря куда он везет, и только когда он перенесся через Кавказские горы и приехал в Карагач и сдал его полковому командиру, Жерве узнал свою участь.

Многие из таких военных повес ссылались на Кавказ с лишением офицерского звания, прямо рядовым; понятно, это делалось не без суда. Из числа таких людей, замечательным по превратности своей судьбы, как рассказывает В. Потто, был некто Нечеволодов, служивший на Кавказе в 1822 г. Когда ему было более сорока лет, он был только простым рядовым. Жизнь его была полна приключений. Родился он в 1781 году, в Харьковской губернии, и жил в родительском доме брошенным без всякого призора. Рос он веселым, буйным и своенравным ребенком; четырнадцати лет от роду его взял к себе дядя, к великой радости соседей, не имевших от него

² Радуйтесь жизни (нем.).

³ Срывай розу (нем.).

покая. Через четыре года Нечеволодов был уже офицером и участвовал в походе Суворова; здесь, при защите крепости Бреста, он поместился в амбразуре и, как отличный стрелок, бил оттуда французов на выбор, но вдруг ядро, пущенное с неприятельской батареи, сбило амбразуру, и ветхая каменная стена рухнула и придавила его; его вытащили полураздавленного и едва живого. В Италии Нечеволодов участвовал с Суворовым не раз в сражениях, переходил с ним Альпы, Чертов мост и из уст знаменитого полководца несколько раз слышал благодарность и похвалу. Окончил войну поручиком с брильянтовыми знаками св. Анны 2-й степени на шее, – награда в этом чине в то время была исключительная; пред ним развевалась блестящая военная карьера, но обстоятельства сразу разрушили все честолюбивые надежды. Семейные предания смутно передают только, что это была какая-то роковая дуэль, чуть ли не с родным братом, окончившаяся тем, что он получил сабельные удары в голову, а противник был изрублен насмерть. Нечеволодов был лишен чинов, орденов и сослан в далекий пустынный город Колу. Жизнь ему здесь не понравилась, и он бежал на корабле в Англию, где, не имея средств к существованию, нанялся волонтером в английские войска, готовившиеся к отплытию в Индию. Его сюда хотя и манили помыслы, но план службы ему не удался. Слух о его похождениях дошел до нашего посла, графа СР. Воронцова, и он потребовал его к себе. Воронцов сумел оценить ум, таланты, даже пылкость нрава молодого несчастливца, отговорил его от его мечтаний, взял с собою в Россию и выпросил ему у императора Александра I полное помилование. В 1803 году он был определен с прежним чином в 20-й егерский полк, но ордена не были ему возвращены. К этому времени относится первая его романическая женитьба на одной из польских магнаток, графине Тышкевич. Гордая родня не соглашалась на брак с русским, но Нечеволодов, при помощи товарищей, увез графиню из ее великолепного замка и повенчался с нею в бедной деревенской церкви. Пока шло венчание, церковные двери были заперты наглухо и, на случай погони за беглянкой, стояли у них на страже офицеры-товарищи. Затем наступают беспрерывные боевые походы и ряд новых сражений, в которых он добывает себе старые суворовские ордена, чин капитана.

В 1813 году он находился в составе летучего корпуса Платова. Кампания не обошлась для него без новых ран и увечий. Под Лейпцигом он в одной из атак был окружен французами, сбит с лошади тупым концом пика, и через него пронесся целый уланский полк; каждый француз считал своим долгом кольнуть его пикой или ударить саблей. Ударов этих было так много, что Нечеволодов был превращен, можно сказать, в кусок битого мяса. Но, при быстрой скачке французов, ни один удар не был смертельным; Нечеволодов догадался надвинуть на голову кивер и этим, быть может, обязан спасением себе жизни. Через несколько дней, несмотря на раны, он с лихвой отплатил неприятелю – он со своими солдатами положил лоском более 280 человек и 180 нижних чинов с офицерами и полковым командиром были им захвачены в плен. Он за это дело получил вторично орден св. Владимира и чин подполковника. Но страшная судьба опять вмешивается в блестящую его карьеру. По возвращении из Франции он был переведен в один из драгунских полков, где он и проиграл 17 тыс. казенных денег. Его опять разжаловали в рядовые. Государь, помня его молодецкую боевую службу, приказал перевести его на Кавказ, где, после одного геройского дела, Ермолов просил о полном и безусловном его помиловании, но его только произвели в прапорщики – и после четырех лет службы он возвратился в полк опять майором и с теми орденами, что заслужил еще при Суворове. Нечеволодов кончил жизнь в 30-х годах в с. Карагаче, на Кавказе; он был женат вторично на черкешенке.

В двадцатых годах командовал правым флангом большой чудак генерал-лейтенант Засс, имя которого туземцами произносилось стрепетом и им даже пугали маленьких детей. В доме его постоянно преобладала какая-то таинственность; часто случалось, что при гостях его вызывали, и он вдруг пропадал на неделю и более. В его комнатах и во всех углах постоянно дежурили загадочные лица. Засс нарочно окружал себя тайной, чтобы сохранить к себе поболее уважения и страха, а эти два чувства сильно действуют на толпу. Про него существует много

рассказов, почти половина которых, конечно, выдумки, но во всех их проглядывает какое-то таинственное влияние, которого и добивался Засс. Он разными шарлатанствами успел уверить всех сынов Кавказа, что сам знает с шайтаном и может узнавать их сокровеннейшие мысли. Часто он дурачил у себя диких горцев с помощью новейших открытий наук и не пренебрегал ни электрической машиной, ни вольтовым столбом, ни гальванизмом. В поддержание проповедуемой Зассом идеи страха, на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа постоянно на пиках торчали черкесские головы и бороды их развевались по ветру. Тяжело и грустно было смотреть на это отвратительное зрелище. Войдя однажды в его кабинет, как рассказывал один из его друзей, все были поражены каким-то нестерпимым отвратительным запахом, но хозяин, смеясь, вывел всех из недоразумения, сказав, что люди его, вероятно, поставили под кровать ящик с головами, и, в самом деле, вытащил пред гостями огромный сундук с несколькими головами, которые страшно смотрели на всех своими стеклянными глазами.

– Зачем они здесь у вас? – сказал кто-то из присутствующих.

– Я их вывариваю, очищаю и рассылаю по разным анатомическим кабинетам и друзьям-профессорам моим в Берлине.

Шутки Засса, нельзя сказать, чтобы отличались большим разбором и нередко могли стоить жизни человеку, с которым они были сыграны. У него проживал в доме старинный друг его, майор в отставке; майору, наконец, надоела вечная суета у Засса, и он решил расстаться с другом и уехать в ближайший город. Приближались праздники, майор получил приглашение от Засса приехать погостить к нему и отпраздновать Мартына Лютера жареным гусем с яблоками и черносливами. Майор собрался и пустился в дорогу; не доезжая до станицы, на экипаж мирного старого майора нападает партия черкесов, завязывают ему глаза и рот, берут в плен и связанного мчат в горы; пленник, окруженный толпой горцев, громко говорящих на своем варварском наречии, предан горькому жребию и был ни жив, ни мертв; наконец, он чувствует, что находится подле огня, который несколько его согревает, а шум и спор между похитителями продолжаются; вероятно, думает бедный старик, они делят меня и спорят о праве владеть мною. Но вдруг снимают с него повязку и, к удивлению майора, представляется кабинет Засса и он сам, довольный, смеющийся генерал и много казаков. Майор рассердился на злую шутку, плевался, бранился самыми отборными словами и едва было не рассорился со своим другом, который только и умилился своего разгневанного земляка-курляндца, что если б, чего Боже сохрани, подобная беда разразилась бы над майором в самом деле, то дружба заставила бы непременно освободить его из плена. Вкусно приготовленный гусь помирил друзей, однако майор долго прохворал от душевных тревог или от несварения желудка – неизвестно.

В тридцатых годах проживал на Кавказе отставной полковник, некто А-ни, родом рагузинец, долго служивший в Черногории. Этот человек был замечателен тем, что очень счастливо играл во все игры в карты. По недоверию к нему играющих, когда приходила очередь сдавать ему карты, то он надевал на руки перчатки. Игрою в карты и разными пари он составил себе очень недурное состояние. Много денег он выиграл, держа самые сумасбродные пари. Так, он раз держал заклад, что проведет целый год на лошади, отдыхая только пять часов в сутки, – и выиграл. В другой раз он держал пари, что взойдет на крутую гору, делая три шага вперед и два назад, – и тоже выиграл. Он бился на заклад в несколько тысяч, что, привязанный к двум лошадям, он проскачет известное расстояние вскачь, рискуя быть разорванным во всякую минуту, – и тоже выиграл. Он держал пари в Таганроге с известным богачом А-ки, что в течение полугода будет питаться маслинами и корнем салапа, первых съедая полфунта, а второго пять золотников, и тоже остался с выигрышем.

В тридцатых годах в гвардии служил блестящий офицер Константин Яковлевич Бултаков, большой повеса и остряк, которого великий князь Михаил Павлович называл ужасное дитя. Фарсы Бултакова почти ежедневно рассказывали все в городе, разумеется, люди военного общества. Вот несколько проказ Бултакова. Раз, после попойки, он возвращался пешком

с двумя приятелями из гостей ночью по Петербургской стороне. В числе его приятелей был известный силач артиллерист Чагин. Вдруг увидели они круглую будку будочника со спавшим в ней часовым, отложившим в сторону свою алебарду. Им пришлось в голову, в особенности Бултакову, своротить будку на землю, но так, чтобы дверь пришлось плотно на мостовую. При помощи такого силача, каков был Чагин, им это удалось. Бедный будочник в этой могиле поднял страшный крик, разбудивший всех окрестных дворников, поднявших будку и освободивших полумертвого часового. И только дядя Бултакова (почт-директор) упросил тогда обер-полицмейстера замять эту историю, кончившуюся смехом.

Из числа анекдотов о бултаковских повесничествах известен следующий. Император Николай Павлович, заметив, что офицеры стали носить сюртуки до того короткие, что они имели вид каких-то камзольчиков, обратил на это внимание великого князя Михаила Павловича. По гвардейскому корпусу был отдан приказ с определением длины сюртучных пол, причем за норму был принят высокий рост. Военные портные тотчас же смекнули ошибку в приказе и, не пользуясь ею, стали шить сюртуки длины пропорциональной росту заказчика. Но шутник Бултаков, рост которого был гораздо ниже среднего, потребовал от своего портного сюртука точь-в-точь с полами именно той длины, какая определялась приказом, почему полы его сюртука покрывали ему икры и он был карикатурен до комичности, гуляя по Невскому и возбуждая смех не только знакомых, но и незнакомых офицеров. Едва успел он два пройтись в таком виде среди гуляющей публики по тротуару Невского проспекта, как попался навстречу великому князю, который, увидя его в таком шутовском наряде, воскликнул: «Что это за юбка на тебе, Бултаков? На гауптвахту, на гауптвахту, голубчик! Я шутить не люблю». – «Ваше высочество, я одет как нельзя более по форме и наказания, ей-богу, не заслуживаю», – возразил почтительно Бултаков, держа пальцы правой руки у шляпы, надетой по форме. «Я одет согласно приказу по гвардейскому корпусу. И вот доказательство!» При этом он вынул из кармана пресловутый приказ и подал великому князю. Его высочество, прочитав приказ, засмеялся, назвав Бултакова шутком гороховым и приказал ему вместо гауптвахты тотчас же ехать к корпусному командиру и чтобы тот немедленно сделал дополнение к приказу с обозначением трех родов роста.

В другой раз, Бултаков, куда-то торопившийся, забыл вдеть в португепю шпагу и шел по улицам без шпаги. На беду его ветрел великий князь. «Офицер расстается с своею шпагой или саблей только в двух случаях: в гробу и под арестом!» – воскликнул он. – «В гроб тебя я не положу, а на гауптвахту посажу, но прежде отправления на гауптвахту в Чекушу, я хочу дать тобою полюбоваться твоему полковому командиру и полковым командирам всей гвардии. Садись ко мне в коляску». Бултаков сел в коляску великого князя, который и привез его в Михайловский дворец и, сказав: «ты мой арестант», оставил его в своем кабинете, а сам вышел в приемный зал, где его уже ожидали полковые командиры, ежедневно являвшиеся к нему перед разводом. Великий князь долго говорил им о распущенности гвардейских офицеров и в подтверждение своих слов обещался показать одного такого. Говоря это, он отворил дверь своего кабинета и позвал Бултакова, который смело выступил для осмотра. «Любуйтесь, любуйтесь вашим офицером», – сказал великий князь полковому командиру Московского полка, где служил Бултаков. Генерал, осматривая провинившегося офицера со всех сторон и во всех подробностях, не находил провинности в амуниции.

– Ну, видел, каков молодец! На месяц на гауптвахту.

– Ваше высочество, – объяснил полковой командир, – я не нашел в нем никакой ошибки.

– Ты и не мог найти того, чего нет, – вскричал великий князь. – А где же его шпага?

– Шпага на своем месте, – отвечал начальник Бултакова. И действительно Бултаков был при шпаге. Великий князь назвал его новым Пинети, приказал командиру взять шпагу и возвратить тому офицеру, которого арестовал вчера, и ослабил его шпагу в кабинете у себя, позабыв отослать к коменданту.

– А все-таки пусть Пинети отправится на гауптвахту на Сенную, и я, может быть, постараюсь одурачить этого фокусника.

На другой день Бултаков отбыл свое дежурство как нельзя более счастливо. Но, однако, спустя некоторое время Бултакову снова надо было быть в дежурстве на той же гауптвахте. День пришелся как раз в именины Бултакова, и вот, зная, что великий князь в Павловске, Бултаков устроил такой фестиваль, что перепоил всех, включая солдат и арестованных. Великий князь, ночью возвращаясь из Павловска, заехал на Сенную, где нашел всех полупьяных и спящих; он распорядился, за отсутствием часового у барабана, своему лакею взять барабан и отвезти его в Павловск. На следующее утро в Московском полку получается приказ, чтобы к 12-ти часам полк был на полковом дворе в сборе. Бултаков, проспавшись, понял, какое ожидает наказание. Он призывает к себе одного из рядовых, у которого на дежурстве пропал барабан. Рядовой во всем полку пользовался репутацией отъявленного вора. Бултаков обещал ему 25 руб. награды, ежели до смотра барабан будет, а если нет, то получит строгое наказание. Часа через два рядовой имел двадцатипятирублевую бумажку. Он ловко украл его в Гвардейской артиллерийской батарее. При осмотре рота была с барабаном. Изумленный великий князь потребовал объяснения у Бултакова, который, принимая вину на себя, объяснил, как было дело. В другой раз великий князь встретил кутящего в компании, в ресторане, Бултакова в сюртуке за несколько верст от лагеря. «Как ты здесь, Бултаков, ведь ты в лагере дежурный по полку! Хорош гусь, хорош!» И вслед затем он крикнул кучеру: «В лагерь, живо, к Московскому полку». – Коляска быстро донесла великого князя до лагеря, гневный великий князь крикнул: «Дежурные по полкам сюда!» Мигом все дежурные в форме собрались к великому князю, и в числе их был и Бултаков. Великий князь глазам своим не верил и, вышедши из коляски, отозвал Бултакова в сторону и сказал ему: «Даю тебе, Бултаков, слово, что тебе ничего не будет за твою неисправность, скажи мне только, каким образом ты здесь в одно время со мною?» – «Самым простым образом, ваше высочество, – отвечал Бултаков, – вы сами меня привезти изволили в вашей коляске, только на запятках». Существовал и другой вариант такого же случая с Бултаковым. Однажды его высочество был в театре, и, к его удивлению, Бултаков сидел напротив в ложе, хотя, по распоряжению великого князя, должен был сидеть на арсенальной гауптвахте под арестом. Великий князь выходит из театра и едет на гауптвахту. Бултаков опять в караульной. Его высочество возвращается в театр, и снова Бултаков напротив него в ложе; великий князь вторично едет на гауптвахту и опять застаёт Бултакова спокойно сидящего под арестом. Удивленный этим, великий князь спрашивает Бултакова: «Я тебя прошу; скажи, как ты это сделал?» – «Очень просто, ваше высочество, я всякий раз ехал у вас на запятках». В другой раз великий князь встречает его на Невском; Бултаков делает ему фронт, великий князь замечает, что он одет не в порядке; он сажает его к себе в сани, Бултаков не успел еще сесть, как великий князь оттолкнул его и уехал. «Ну, что?» – спрашивает его товарищ. «Его высочество лично хотел посадить меня под арест и приказал сесть к нему в сани, а я нечаянно наступил ему на мозоль, он меня выбранил, а я ему в ответ: имею счастье доложить вашему императорскому высочеству, что надо мной оправдалась пословица: „Не в свои сани не садись“, его высочество рассмеялся и оттолкнул меня».

Михаила Павловича немало забавляла находчивость этого офицера.

Однажды Михаил Павлович встречает Бултакова у Аничкина моста. На этот раз его высочество видит, что Бултаков в полной форме с головы до ног. «Ваше высочество, – говорит он, подойдя к нему, – осмелюсь просить оказать мне великую милость: дозволейте пройти с вами по Невскому». – «Для чего тебе это нужно?» – спрашивает его великий князь. – «Чтоб поднять мой кредит, который сильно упал». Великий князь дозволил ему дойти до Казанского моста.

В двадцатых годах особенным повесничеством отличались армейские гусары; изящная внешность мундира, щедрость, лихость и беззаветная удаль были отличительными их признаками; жизнь кавалеристов тех годов текла, как веселый пир. Удаль гусарская посейчас слы-

вет чуть не пословицей. Вероятно, небызвестен читателям факт, как один молодой офицер побился об заклад, что проскачет нагим по Петербургу, и выиграл пари. По рассказам современников, гусары в Варшаве устраивали на улицах целые облавы на женщин, оставляя более красивых в плену; в евреев, приходивших за получением долгов, прямо стреляли, только не пулями, а солью; по узким мостовым носились в карьер на четвернях, сокрушая все попадавшееся на пути. Для развлечения в театр привозили с собой громадные астрономические трубы и в них рассматривали дам. Известный эксцентрик гусар Лунин иначе не выходил гулять в Вилановский парк, как в сопровождении большого ручного медведя: владельница его приказывала запирать все окна и двери при виде косматого гостя на прогулках. Изобретательность гусар достигла однажды до того, что они устроили бал в одном из губернских городов в квартире командира полка и пригласили весь город. Чтобы избавиться от ревнивых взоров маменок, папенок и тетушек, а также, чтобы иметь более свободного пространства для танцев, придумано было следующее: когда гости съехались и мамы чинно расселись с ридикюлями в руках по длинным, обтянутым сукном, скамьям с платформами, раздались страшный визг и крики: десяток дюжин гусар вздернули на блоках всех маменок на платформах к потолку, где они оставались во все время бала и только с птичьего полета могли наблюдать за танцующими. В старые годы нетолько что юный корнет проказничал, но были кавалеристы, которые не покидали шалости даже в генеральских чинах.

Глава IV

Эксцентричности князя В-ского. – Странности графа Бенкендорфа. – Замечательная рассеянность графа Лонжерона и графа Остермана. – Оригинал Козловский

Из оригиналов двадцатых годов в Петербурге был довольно известен вельможа екатерининских времен, князь В-ий, генерал-аншеф, отличавшийся различными эксцентричностями, которые, впрочем, не мешали ему быть всеми любимым за его доброту и ум. Князя можно было встретить во всякую пору года разъезжавшим по Петербургу с обнаженной седою как лунь головою, высокий лакей в военной ливрее, стоявший на запятках, держал торжественно над его головою генеральскую шляпу с огромным белым султаном. Сам же князь почти всегда имел в руке калач, морковь или яблоко, которое изволил жевать во время езды в открытой коляске, запряженной шестернею с двумя форейторами, предлинноногими парнями, а горбатый кучер-карлик с подвязанною черною широчайшею бородою сидел на козлах и покрикивал на форейторов.

У В-го была одна загадочная привычка, которая была всеми замечена. Каждое утро, ровно в 11 часов, появлялась на Невском его коляска, в ней сидел один князь. Поровнявшись с собором, коляска поворачивала налево и, подъехав под колоннаду, которая выходит на Казанскую улицу, останавливалась под колоннами. Там генерал выходил и на некоторое время скрывался за экипажем. Проходящие по улице обходили колоннаду. Затем князь садился в коляску и уезжал обратно. Это случалось каждый день, час в час, минута в минуту.

Этот князь, будучи андреевским кавалером с времен императора Павла I, так любил этот орден, что носил его звезду не только на мундире, но и на шубе, халате, ватном сюртуке, надеваемом на случай холода. Князь очень любил быть на воздухе, несмотря ни на какую непогоду, и у себя в саду он обедал, ужинал и проводил большую часть дня. Посещавшим его гостям тоже нередко приходилось делить с ним там часы, и когда гости видимо зябли с ним, он приказывал подавать свои теплые вещи, сюртуки, халаты с нашитыми звездами. Таким образом, все прозябшие его гости превращались в импровизированных андреевских кавалеров.

В числе лиц отличавшихся чрезвычайною рассеянностью, известен отец графа А.Хр. Бенкендорфа, один из самых близких людей при дворе Павла Петровича и Марии Федоровны. Однажды он был у кого-то на балу. Бал окончился довольно поздно, гости разъехались. Остались друг перед другом только хозяин и Бенкендорф. Разговор не вязался, оба хотели отдохнуть и спать. Хозяин, видя, что гость его не уезжает, предлагает, не пойти ли им в кабинет. Бенкендорф, поморщившись, отвечает: «Пожалуй пойдем». В кабинете было им не легче. Бенкендорф, по своему положению в обществе, пользовался большим уважением. Хозяину нельзя было сказать ему напрямик, что пора ехать домой.

Прошло еще несколько времени, наконец хозяин решился ему заметить:

– Может быть, экипаж ваш еще не приехал, не прикажете ли, я велю заложить вам свою карету.

– Как вашу карету? Да я хотел предложить вам свою. Дело объяснилось, оказалось, что Бенкендорф вообразил, что он у себя дома, и сердился на хозяина, который у него так долго засиделся.

Бенкендорф был до того рассеян, что раз, проезжая какой-то город, зашел на почту узнать, нет ли там писем на его имя. «А как ваша фамилия?» – спрашивает его почтмейстер. «Моя фамилия», – повторяет он несколько раз и никак ее не может вспомнить, с тем и уходит из почтамта. На улице встречается он с знакомым, у которого он и спрашивает, как его фамилия, и, узнав, тотчас же бежит на почту.

В последние годы своей жизни, проживая в гор. Риге, ежегодно в день тезоименитства и день рождения императрицы Марии Федоровны он писал ей поздравительные письма. Но он был чрезвычайно ленив на письма и, несмотря на верноподданнические чувства, очень тяготился этой обязанностью, и когда подходили сроки, мысль написать письмо беспокоила и смущала его. Он часто говаривал: «Нет, лучше сам отправлюсь в Петербург с поздравлением. Это будет легче и скорее».

Известный одесский военный генерал-губернатор граф Ланжерон также был чрезвычайно рассеян и часто от рассеянности мыслил вслух в присутствии других, что нередко делало его очень, смешным и подавало повод к разным анекдотам и комическим сценам.

Раз у него был обед, на котором было несколько иностранных негоциантов. За обедом он выхвалял удовольствия одесской жизни и, указывая на негоциантов, сказал, что с такими образованными людьми можно приятно провести время. На беду его, в то время был он особенно озадачен просьбою о прибавке ему столовых денег – «А не дадут мне прибавки, я этим господам, – стал он мыслить вслух, – и этого не дам!». При этих словах схватил с тарелки своей косточку, оставшуюся от котлетки.

Кто-то застал его в кабинете – он сидел с пером в руках и писал отрывисто, с размахом, и после подобного размаха повторял на своем ломаном русском языке: «Нье будет, нье будет». Что же оказалось? Он пробовал, как бы подписывал фельдмаршал граф Ланжерон, если бы его пожаловали в это звание, и вместе с тем чувствовал, что никогда фельдмаршалом ему не бывать.

В другой раз, чуть ли не в заседании какого-то военного совета, заметил он собачку под столом, вокруг которого сидели присутствующие члены. Сначала он неприметно для других стал пальцами призывать ее к себе, затем стал ласкать, когда она подошла, и вдруг, причмокивая, обратился к ней с ласковыми словами. Все эти выходки Ланжерона не сердили, а только забавляли и смешили зрителей и слушателей, которые уважали в нем хорошего и храброго генерала. В турецкую войну, в армии, известно сказанное им во время сражения подчиненному, который неловко исполнил приказание, ему данное: «Вы пороуху нье боитесь, но за то вы его нье видумали».

Ланжерон был умный и довольно деятельный генерал, но ужасно не любил заниматься канцелярскими бумагами – он от них прятался или скрывался из дому, выходя по черной лестнице, и пропадал из дому на несколько часов. Во время турецкой войны молодой Каменский у него в палатке объяснял планы будущих военных действий. Как нарочно на столе лежал французский журнал. Ланжерон машинально раскрыл его и напал на шараду. Продолжая слушать положение военных действий, он невольно занялся разгадыванием шарады. Вдруг, перебивая Каменского, вскрикнул он: «Что за глупость!» Можно представить себе удивление Каменского. Но вскоре дело объяснилось, когда он узнал, что восклицание относилось к глупой шараде, которую он разгадал.

Во время своего начальства в Одессе был он недоволен чем-то купцами и собрал их к себе, чтобы сделать им выговор «Какой ви негоцьянт, ви маркитант, – начал он свою речь, – какой ви купец, ви овец», – и движением руки своей выразил козлиную бороду.

В приезд Александра I в Одессу, как рассказывал князь Вяземский, был приготовлен для него дом, занимаемый Ланжероном. Встретив государя и проводив его до кабинета, после разговора, продолжавшегося несколько минут, он откланялся, вышел из кабинета и, по своей привычке, запер дверь на ключ. Государь оставался несколько времени взаперти, но наконец постучался, и его освободили из заточения. Встречая же государя, он хотел представить его величеству рапорт о благосостоянии вверенного ему края, долго искал в своих карманах и, не найдя, сказал: «Право, не знаю, государь, куда положил мой рапорт». Император улыбнулся и пожал руку покорителю Монмартра.

Граф Ланжерон по происхождению был француз, вступил на службу при Екатерине в 1785 году прямо в чине полковника и вскоре успел в наших войсках стяжать славу храброго и распорядительного офицера. Граф Ланжерон участвовал почти во всех наших войнах при императрице и двух императорах и в течение многолетней своей боевой службы и девятнадцати сделанных им походов заслужил все знаки отличия и много сделал в мирное время в бытность свою градоначальником Одессы.

Граф Ланжерон, столько раз выдавший смерть перед собою во многих сражениях, не оставался равнодушным перед холерою. Он так был поражен мыслью, что умрет от нее, что, еще пользуясь полным здоровьем, написал духовное завещание, начинающееся так: умирая от холеры и пр. Предчувствия его не обманули, уже в отставке, прибыв в Петербург в 1831 году, он внезапно заболел и скончался также скоропостижно 4-го июля. Император Николай I приказал его останки похоронить в Одессе, в католической церкви.

Необыкновенною рассеянностью славился также граф Федор Андреевич Остерман. Особенно последняя одолевала его под старость, так что садясь в кресла, часто кричал, чтобы везли его в сенат, чесал за обеденным столом ногу у соседа, вместо своей ноги, плевал в его тарелку, выходил на улицу из кареты и более часа неподвижно стоял подле какого-либо дома, уверяя лакея, что он еще не кончил своего занятия, между тем как с крыши лил дождь, являлся иногда в гости в таком наряде, что приводил в стыд прекрасный пол, вступал с хозяином в ученый разговор и, не окончив, мгновенно засыпал. Остерман очень любил науки и вел переписку на латинском языке с митрополитом Платоном, у которого в старости учился богословию. Рассеянность его была просто изумительна. Однажды шел он по паркету, по которому было разостлано посредине полотно, он принял его за свой носовой платок, будто выпавший, и начал совать его в карман. Только общий хохот присутствующих дал ему опомниться. В другой раз приехал он к кому-то на большой званый обед. Перед тем как войти в гостиную, зашел он в уединенную комнатку. Там оставил он свою шляпу и вместо ее взял деревянную крышку и, держа ее под мышкою, явился с нею в гостиную, где уже собралось все общество. Граф Остерман, несмотря на свою безмерную доброту, иногда умел быть и злопамятным. Думая, что граф Кутайсов был его врагом в царствование императора Павла I, он его не принял к себе, когда тот сделал ему визит, проживая в Москве в царствование Александра I, но тотчас же после его визита прислал ему свою карточку. После того Остерман продолжал в большие праздники посылать ему ответные визитные карточки. Остерман жил очень открыто, и каждое воскресенье у него были обеды на пятьдесят и более кувертов. Раз кто-то, разговаривая с Кутайсовым о его странном платеже визитов Остерману, выразил удивление, что граф сам не поедет когда-нибудь в воскресенье обедать к гордому барину? «Ну, как я поеду? Остерман никогда не зовет меня». – «Э, ничего, – отвечал тот, – никто не получает приглашений на его воскресные обеды и все к нему ездят. У него дом открытый». Думал, думал Кутайсов и поехал к Остерману перед самым обедом. В гостиной Остермана тогда уже сидели все тузы и вся сила Москвы. Кутайсов вошел. Остерман как увидел незваного гостя, тотчас с приветствиями пошел навстречу к нему, усадил его на диван и, разговаривая с ним, через слово величал «ваше сиятельство, ваше сиятельство»... Долго ждали обеда... Наконец камердинер доложил, что кушанье готово. «Ваше сиятельство, – сказал Остерман Кутайсову, – извините, что я должен оставить вас, теперь я отправляюсь с друзьями моими обедать». И, приветливо обращаясь к другим гостям, проговорил «Милости просим». Граф Кутайсов остался один в гостиной. Он не помнил, что с ним было и как его привезли домой.

Отец этого Остермана, известный дипломат, отличался тоже большими странностями и необыкновенною неряшливостью. Комнаты его были постоянно не прибраны и грязны, прислуга ходила в лохмотьях, серебряная посуда, которую он каждый день употреблял, походила на оловянную, и только в торжественные дни был у него порядочный обед. Одежда графа, особенно под старость, так была замарана, что поселяла во всех отвращение.

Таковыми же странностями страдал и другой дипломат александровской эпохи, князь Козловский, внук того человека, которого Екатерина отправила к Вольтеру как образец русского просвещения и русской вежливости. Князь Козловский признан был в обществе одним из умнейших людей своего времени, разговор его был исполнен разнообразия, огня и красноречия. Князь был в милости у императора Александра I, которого забавлял своими остроумными выходками. После венского конгресса Козловский занимал место русского посланника при штутгартском дворе, позднее провел он довольно много времени в Англии. В этой стране он был предметом разных карикатур. Эти карикатуры впрочем относились более до его физического сложения и необыкновенного дородства. Так, например, в одной из них он был представлен танцующим с княгиней Ливен, которая была очень худошава. Под карикатурой была надпись долготы и широты России. Вигель про него говорит, «он всегда смеялся и смешил, имел, однако же, искусство не давать себя осмеивать». Несмотря на свое обжорство и умышленный цинизм в наряде, которым прикрывал он бедность или скупость, Козловский блистал остроумием во всех салонах избранного петербургского общества. Жуковский и князь Вяземский часто навещали его и заставляли то в ванной, то на кровати. Несмотря на участие в его недугах, нельзя было без смеха видеть барахтающуюся в воде эту огромную человеческую массу. Пред нами, говорит Вяземский, копошился морской тюлень допотопного размера. До цинизма доходящее неряшество обстановки комнаты его было изумительно. Тут уже не было ни малейшего следа, ни тени англomanии. Он лежал в затасканном и засаленном халате, из-за распахнувшихся халата и сорочки выглядывала его жирная и дебелия грудь. Стол обставлен и завален был головными щетками, окурками сигар, объедками кушанья, газетами. Стояли склянки с разными лекарствами, графины и недопитые стаканы разного питья. В неллицемерной простоте виднелась здесь и там посуда вовсе не столовая, и мебель вовсе не салонная. В таком беспорядке принимал он и дам, и еще каких дам, самых высококорoжденных и самых изящных. Все это забывалось и исчезало при первом слове чародея, когда он в живой и остроумной беседе расточал сокровища своих воспоминаний и наблюдений.

Глава V

Чудачества Андрея Борисовича. – Живой скелет. – Таланты моряка Б-на. – Оригинал К-ий. – Поэт-эксцентрик Кр-ов. – Его прошения министрам. – Золотопромышленник Н-ов и его банкеты

В Москве, в тридцатых годах, проживал восточный человек, не то армянин, не то переkreщенный персиянин, по имени Давьяк, по профессии колдун, предсказатель и алхимик. В его квартире можно было найти все атрибуты средневекового волшебника и астролога. У него в полумрачной комнате, с очагом в середине, сидела на печке сова, был и ручной ворон, черный кот и другие аксессуары колдунов и ведьм. Несомненно, что Давьяк был большой шарлатан, но интересны были и его посетители, ездившие к нему, чтобы узнать свою будущую судьбу и секрет делать золото и драгоценные камни. Одним из самых ревностных посетителей этого кудесника был некто Андрей Борисович, некогда очень богатый барин, масон-филантроп, у которого от прошлых времен оставалось только знатное имя, важный чин, многочисленная, богатая родня, но очень мало денежных средств, чтобы расточать их по-прежнему и вправо и влево, с полною барскою щедростью. Главною целью Андрея Борисовича было стремление на пользу страждущего и бедствующего человечества. Мистик от рождения, он более всего вдавался в месмеризм, в переселение душ. Его библиотека была полна книгами, в которых говорилось о таинствах природы. Сведенборг и Эккартсгаузен были его любимыми авторами. Он с трудолюбием пчелы высасывал все, что только было заманчивее его воображению и недоступнее простому человеческому смыслу. Дитя сердцем, он постоянно окружал себя детьми и бегал от взрослого человечества, только одних детей он считал честными и благородными, хотя эти честные и усердно обкрадывали его сад и оранжереи. Заботливость о детях была очень оригинальна. Он был крестным отцом всей своей деревни и давал своим крестникам такие мудреные для крестьян имена, что последние так и умирали, не умея правильно затвердить своего названия. У него был крестный сын то Фусик, то Садик, то Тихик, то Зотик, то Капик, то Псой, то Дада, то Кукша, то Пуд. Крестницы его именовались: Стадулиями, Праскудиями, Кикилиями, Пуплиями. «Ишь имена какие выбирал наш барин, – говорили крестьяне. – Ум за разум у него зашел, не знаем, когда и праздновать их именины». И в такие минуты обращались к барину, спрашивая, когда надо праздновать их именины. Барин торжественно разрешал их сомнение. «Как, бишь, твоего сынишку-то зовут?» – спрашивал, бывало, он пришедшего. «Да Кукшею, ваше сиятельство, его именовали», – отвечал крестьянин, тоскливо махнув рукой. «Празднуется 21 —го августа. А твой?» – обращался барин к пришедшей бабе. «Уж и не говоришь, батюшка! Сиглия, кажется». – «Сиглии нет, – отвечал, бывало, барин, – Сиглителия – так есть. Празднуется января 5-го, октября 24-го». – «В какое же число праздновать прикажете, ваше сиятельство?» – «А когда родилась Сиглителия?» – «Да в самой серединке. Месяцы-то мы плохо помним». – «Ну, так 5-го января праздновать надо». – «С панталыку спятил наш барин», – говорили крестьяне. И, действительно, добрый к своим крестьянам, попечительный и заботливый, он последние годы стал сходиться с ума. Он завел у себя на дому школу для своих крестников и крестниц, но вместо того, чтобы учить их грамоте, он приказал им затверживать параграфы масонской ложи, к которой он сам принадлежал, строго наблюдая, чтобы эти параграфы были твердо заучены. Барин хотел всех своих крестьян сделать масонами и образовать их верными сынами отечества. Наставления его не были многочисленны и ограничивались всего тремя параграфами. Под конец он даже впал в галлюцинацию: ему стали представляться ожившие души, с которыми он будто бы беседовал и прозревал будущее, а то мысли его бродили в подземном пространстве, и ему виделись гномы, над которыми он воображал себя властелином. На гномах, созданных кабалистами, и сосредоточились все его любимые

мечтания и надежды. Когда строилась московская железная дорога, он подавал прошение генералу Клейнмихелю, предлагая ему сотрудничество своих подчиненных гномов, уверяя своим честным словом, что эта сволочь, которая разрабатывает подземные жилы благородных металлов и бронзовых руд, будет гораздо полезнее всех инженеров и землекопов в мире. Он так часто подавал Клейнмихелю прошения, что его даже формально просили не предлагать более своих услуг. Разумеется, на такой ответ он сильно негодовал и каждому из своих знакомых, встречая, жаловался: «Вообразите, мне отказали, я бы с ними кончил дорогу менее, чем в год. Вообразите, на этой неделе они в моей спальне праздновали свадьбу; вообразите, вернулся я от Давьяка усталый и лег; вдруг слышу шороху моей постели; открываю глаза и вижу, что к моему матрацу маленькие существа приставляют лестницу. „Что вам нужно?“ – вскрикнул я в изумлении. – „К вам с покорнейшею просьбою: позвольте нам сыграть у вас свадьбу, в вашей спальне“. – „Как это можно? – возразил я. – У нас есть другие комнаты“. – „Нам их не надо, – отвечал один, – необходимо только одно ваше присутствие“. Нечего было делать, я согласился, вижу через несколько минут вся моя спальня осветилась, из всех щелей вылезли маленькие уродцы, все одежды их блистали золотом, брильянтами, изумрудами, вдруг явились столы, сервизы и пошел пир, мысли мои мешались, я начал дремать под их музыку, как слышу, что кто-то ползет ко мне на кровать, то был гном, он тащил с собою три огромных мешка с брильянтами, рубинами и изумрудами, с просьбою принять их в знак благодарности, и сунул ко мне под подушку, я чувствовал, как голова моя высоко поднялась от этих мешков. „Только берите завтра их левою рукою, ваше сиятельство“, – добавил мне гном и скрылся». «А наутро нашли вы ваше сокровище?» – спрашивали барина. – «Нет, вообразите, я полез под подушку правою рукою, позабыв главное условие». Андрей Борисович под конец своей жизни занялся составлением жизненного эликсира, благодаря которому хотел прожить Мафусаиловы годы; он был убежден, что молодеет, принимая какую-то вонючую жидкость, он даже начал танцевать, чтобы показать, что молодость к нему возвращается, и собирался жениться; он умер, говоря, что секрет бессмертия им найден.

Лет сорок назад в Гостином дворе и по Апраксину, по линиям, бродил худой старик из отставных чиновников, по рассказам, некогда занимавший довольно видное место в служебной иерархии, но за какие-то проступки принужденный покинуть службу. Эта личность имела одну замечательную физиологическую способность; он мог по неделям и более ничего не есть, а также употреблял непременно пищу испортившуюся, прокислую и с запахом. Для него купцы нарочно гноили мясо, пироги, которые давали ему, и он все это истреблял у них на глазах; ему нередко предлагали по полусотне протухлых яиц, которые он съедал не поморщась, даже со скорлупой. Этот субъект однажды был найден на улице умирающим и страшно худой, видимо от голода. Подобные приключения, кажется, нельзя отнести к довольно редким, но в данном случае представляется одна редкая своеобразная сторона. Дело в том, что этот отставной чиновник до того исхудал от ненормальной пищи, что тело его уподобилось скелету и, казалось, создано было лишь для анатомических занятий. Он попытался воспользоваться этим как средством для своего существования, и в своем небольшом углу начал за известную плату показывать себя как живой скелет. Спекуляция удалась гораздо лучше, чем можно было ожидать. Привлечены были не только любопытные купцы, но и доктора приходили исследовать этот живой костяной остов. Спустя несколько лет у него было достаточно средств, чтобы удовлетворить свой голод, но, увы, благословение обратилось ему в проклятие. Чем он больше ел, тем, конечно, становился жирнее, пока, наконец, принужден был прекратить свое ремесло, и так как в сытые дни он ничего не скопил, то и принужден был возвратиться к своему старому ремеслу уличного нищего. На этом поприще его и унесла смерть.

В тридцатых годах текущего столетия, в петербургском высшем обществе был известен офицер-моряк Б-н, красавец собой, очень образованный, владевший свободно несколькими языками. Это был, что называется, «душа общества», он имел, кажется, все веселые таланты,

был забавный рассказчик, прекрасный музыкант на нескольких инструментах, комический актер, редкий чревовещатель, очень искусно подражавший пению многих птиц, жужжанию пчелы, мухи, лаю собак, мяуканью кошки и проч. Куда бы он ни появлялся, его неистощимая веселость и таланты всюду вносили всеобщий смех и веселье. Пел он превосходно как романсы, так и комические куплеты, ловко подражая немцам, евреям, англичанам, в роли пьяного англичанина он был неподражаем. Все свои песни, рассказы он исполнял с художественной мимикой, его густые черные волосы на голове отличались необыкновенной подвижностью и сползали, как парик, на лоб и на бока, стоило их только тронуть. Он мог свободно шевелить и своими ушами. Он устроил в кругу своих приятелей тайное общество «кавалеров пробки», все члены которого носили в петлице сюртука пробку. Заседания этого веселого общества происходили в доме известного богача Н-на, жившего в своем роскошном палаццо, вблизи Исаакиевского собора. Члены этого общества садились между дам и пели известную застольную песню. «Поклонись сосед соседу, сосед любит пить вино, обними сосед соседа, сосед любит пить вино». После каждого припева по уставу исполнялось пропетое. Автор этой песни был Б-н, и он же был гроссмейстер общества. В то время часто практиковалось у разгулявшихся господ под конец попойки хоронить напившихся мертвецки пьяными, и вот таких импровизированных похорон был всегда режиссер Б-н, он костюмировал всех и учреждал кортеж. Опьяневшего до бесчувствия несли со свечами, с пением, все серьезные, и хоронили летом в сене, а зимою в сугробе снега. Б-н впоследствии долго жил в Сибири, и по возвращении умер в Петербурге чуть ли не девяностолетним стариком, в большой бедности, любимая его страсть была в последние годы читать Библию и Иоанна Златоустого, которого он знал чуть ли не наизусть. Родная сестра его отличалась поэтическим талантом и писала стихи.

В описываемые годы в Петербурге славился умом и отличной способностью писать превосходным слогом бумаги, в особенности проекты, некто К-ий, человек небольшого роста, приземистый, толстенький, рябой, с чрезвычайно узким лбом и блистающими карими глазами. Он был сын сельского священника и долго служил в канцелярии начальника Главного Штаба, где в самое короткое время, благодаря своим замечательным талантам, достиг чина действительного статского советника, но вскоре был уволен в отставку и над ним учредили опеку. Он жил на Петербургской стороне в своем богатом доме. К нему нередко езжали за советами министры и значительные сановники, как, напр., Е.Ф. Канкрин, А.И. Татищев, А.А. Аракчеев, баронет Виллис и многие другие. Он имел значительное состояние, хорошие экипажи, лошадей, но сам ходил всегда пешком, более чем в нищенском наряде; под байковым сюртуком он надевал все свои ордена и, вдобавок, на груди носил нарамник еврейского первосвященника, называемый эфудом, с двенадцатью драгоценными камнями, которые символически изображали двенадцать колен Израиля. В его кабинете стены были окрашены в семь цветов, также и все вещи в его комнате были в количестве семи штук: семь свечей, семь стульев, семь столов и т. д. Он имел слугою одну женщину экономку, которая на него имела большое влияние и вмешивалась во все его дела, даже по службе, что, как говорили тогда, и послужило к выходу его из штаба. Он умер в конце тридцатых годов и в духовном своем завещании назначил похоронить себя в гробе с изображением на нем двенадцати крестов. Несомненно, что он принадлежал к числу каких-то сектантов.

Между нашими моряками в начале текущего столетия был известен большой остряк и поэт, некто Кр-ов. Выпущен он был из Морского корпуса еще в 1796 году. Он бойко владел стихом, но имел несчастную страсть придерживаться чарочки; эта-то страсть и сгубила его. Прослужив до 1805 года во флоте, он вследствие неодобрительной аттестации своего командира был отставлен от службы с тем же чином. Положение его в отставке было самое печальное: он, не имея никаких средств и по милости своего аттестата, даже не мог получить никакого частного места. И вот в этом-то бедственном состоянии он и начал подавать прошения всем тогдашним министрам. Прощения были настолько оригинальны и курьезны, что списки с них

в свое время ходили по рукам в тогдашнем обществе. Вот извлечения из некоторых писанных им к высокопоставленным лицам прошений. Так, к министру юстиции князю Лопухину он писал: «Светлейший князь! Тебе Фемида вручила весы свои, яко мудрому патриоту, взвешивающему тяжесть истины. Прикинь на чашу правосудия хотя золотника три твоего внимания к бедственной моей участи и исторгни жребий мой из урны злополучия» и т. д. К министру внутренних дел Козодавлеву он писал: «Если бы взяли на себя труд анатомировать и раскрыть порученную в ведомство ваше внутренность, сколько бы вы нашли в недрах ее испорченных сильною несправедливостью кишок, вы бы увидели, что мой тощий желудок трое суток страдает спазмами, сколько бы вы нашли поврежденных нервов в порученной вам внутренности, служащей для варения всеобщего благоденствия, но угнетение остановило в них кровь патриотического усердия. Я уверен, что ваше превосходительство пришлете мне спасительную микстуру». Вывал он и к министру народного просвещения Завадовскому: «Тебе премудрая Минерва вручила факел просвещения, дабы посредством одного невежество наше преобразил ты в пепел и озарил истинные таланты, в которых у меня, грешного, крайняя недоимка. Воспитывался я в Морском корпусе, учили меня всему и, не хочу обманывать, чтобы я чего не понял, но такое множество приобретенных мною наук, при настоящих обстоятельствах, столько же делают мне пользы, сколько голодному запах жареной говядины. Я всем систематически доказываю, что мне надобно дать место, надобно дать пропитание, мне философски отвечают: – подожди до завтра! Я посредством математических истин, для убеждения бессовестного нашего откупщика, в просьбе моей, послал к нему пропорцию: как тощий мой желудок к толстому его животу, как пустой мой кошелек к его кошельку, который почти тучнее самого хозяина, невежа натурально мое предложение опроверг каким-то порядком скупости. Я доказываю, что без пропитания должен умереть с голоду, мне метафизически отвечают: умирай, это обыкновенное дело; смерть – есть общий удел человечества! Я одного богатого доктора (который за самый пустой рецепт не берет меньше десяти рублей) старался посредством химии убедить, что голод есть такая пища, которой желудок не варит; он, чтоб не дать мне ни копейки, помощью медицины доказал, что нет ничего для здоровья полезнее, как самая строгая диета». К министру финансов графу Васильеву он писал: «Девять лет я болтался, плавая на дне между „водяными“, наконец пузырь моего счастья лопнул, я всплыл на верх злополучия и нашел себя из водяных выключенным! Прикажите, ваше сиятельство, поместить меня в „лесные“, крайность моего положения превосходит меры. Я хотел поступить к какому-нибудь помещику в „домовые“, но все говорят, что по аттестату своему не гожусь и в „лунастики“. Товарищу министра морских сил П. Чичагову он докладывал в прошении: „Девять лет ходил я по морю, аки по суку, во все сие время дул для меня чистый фордевинт; наконец, в последние три месяца плавания нашел шквал и бурною капитана N аттестациею бросило меня на мель отставки. Теперь десятый месяц без руля, без мачт, без провизии, без такелажа, и, что всего печальнее – экстраординарной ни копейки! В сем критическом положении неоднократно заводил верп, в намерении притянуться к какому-нибудь департаменту, но в аттестате моем грунт коллегского мнения так невыгоден, что якорь самой снисходительной доверенности не может задерживаться. Камень отчаяния у меня под носом; в просторном океане света не осталось никого, кто бы подал мне буксир сострадания“.

Мичман Кр-ов наконец был принят на службу, после прошения, поданного им министру военно-сухопутных сил Вязмитинову. Вот это прошение: «Целые шесть месяцев капитан N бомбардирован в укрепление моего поведения начиненными злословием его протестами. Я, по возможности, отпаливался добрыми аттестатами прошедшей девятилетней службы моей, но, наконец, он выбил меня из моих ретраншаментов, и я по необходимости ретировался в отставку, в намерении в столице сделать новые укрепления, но ужасная бедность атакует меня на каждом шагу. Я отпаливался от сановников, пока не вышел весь порошок терпения. Я скорым маршем отправился на биваки в вашу прихожую, в надежде получить сикурс великодушного

благоволения. Страшный мой неприятель – голод штурмует в моем тощем желудке и, предчувствуя свою скорую победу, кричит „ура!“. Если вы не подадите мне скорой помощи, то отчаяние примет меня в штывки!»

В сороковых годах в Петербурге проживал очень богатый иногородний купец Н-в. Он лет шесть был золотопромышленником; когда открылась в Сибири так называемая «золотая лихорадка» на Олекме, его поиски так были счастливы, что в пять-шесть лет он сделался миллионером. По приезде с приисков в Петербург он зажил по-барски. Дом его по изобилию всего просто поражал посетителя. Балы его напоминали нечто сказочное: еще далеко до его дома виден был свет от его палат, а у подъезда стояла целая праздничная иллюминация. Сам хозяин встречал гостей в передней и подносил каждой из дам по роскошному букету из камелий или других редких цветов. Все комнаты этого богача убирались и уставлялись цветами и деревьями, несмотря на зимнее время, здесь были в цвету бульденежи, сирени, акации, розы и другие цветы не по времени.

Освещение в комнатах было тоже поразительное, всюду горели карсельские лампы в таком количестве, что температура в комнатах была часто тропическая. Аромат в комнатах был тоже редкий, – точно на какой-нибудь парфюмерной фабрике, и для того, чтобы запах держался долго, на шкафах и под диванами всюду лежали благовонные товары, мыла, саше, пудра и т. д. На одно куренье комнату него выходило духов в вечер около полупуда. Мало того, что комнаты его представляли нечто вроде тропических садов, но, вдобавок, сады эти были оживлены пернатými: здесь с куста на куст порхали ручные птицы, которые садились на плечи дам и пели громогласные свои песни. Возле зала была устроена большая уборная для прекрасного пола. В ней все высокие стены были зеркальные, кругом стояли столы, на которых лежало все, что душе было угодно – и перчатки, и башмаки, духи, помада, мыло, фиксатуар, шпильки в коробках, булавки, различные щетки, губки, и все это дамы брали у него даром. Но единственно, что было невыносимо в этих апартаментах, это духота; последняя происходила от ламп, которые своим светом превращали ночь в день; этому, впрочем, хозяин очень радовался – гостям ужасно хотелось пить. И амфитрион только и делал, что ходил по комнатам и кричал официантам: принеси гостям напиток. Но напиток воды здесь было нельзя. Хозяин говорил, что у нас воды и в заводе нет, а шампанского сколько угодно. Дамам, впрочем, было разрешено подавать ананасное прохладительное. Интересным к концу такого вечера был и ужин; последний состоял из бесконечного количества блюд. Любопытны выходили и дневные приемы этого золотопромышленника. Хозяин сидел в своем кабинете в мягких вольтеровских креслах. В халате из китайского атласа чуть не в три пальца толщины, светло-зеленого цвета, с золотыми фигурами, такой халат стоил тысячи три, по крайней мере. Мебель в его кабинете представляла ценность тоже немалую, что ни вещь, то золотая или серебряная, сигары гостям предлагались лучшие гаванские и величиною чуть не в поларшина, дорогая мадера, так называемая тогда «ягодная», ост-индская, в больших графинах стояла на столе. В углу помещался накрытый стол с разными закусками, салфеточной икрой, балыками и другими съедобными деликатесами.

Про этого золотопромышленника рассказывали, что он прежде был довольно бедный вязниковский разносчик-офеня, разбогатев так быстро на золотых промыслах, он не знал, куда девать деньги. Приехав в Петербург, он не имел никаких знакомых и каждое утро выходил на улицу и рассматривал физиономии проходящих, кто ему нравился, тех он звал к себе на обед. Если встречались бедные люди, ремесленники или просто рабочие, он начинал с того, что спрашивал каждого из них, сколько они надеются сегодня заработать в продолжении дня? Избрав, таким образом, до дюжины гостей мужчин, женщин и детей, он возвращался к себе домой с ними, выдавал рабочим плату за весь день, потом приказывал подать роскошный завтрак, после завтрака играла музыка и гости плясали до обеда, затем следовал богатый обед. Добродушный золотопромышленник говорил, что нет выше удовольствия, как видеть около себя людей довольных, счастливых и веселых.

Прожив так несколько лет в Петербурге и прожив только небольшую часть своих миллионов, он потом объехал всю Европу на своих орловских лошадях в богатом дормезе – цель его путешествия была изучение гастрономии – посетил все кухни, изведal всю глубину этой науки, узнал все ее системы и методы и возвратился на родину всесовершеннейшим гастрономом. Все служители в доме его были повара, лакеи, кучера и даже конюхи все умели готовить. Кроме того, он нанимал более десятка поваров всех наций. Но проесть всего своего состояния он все-таки не мог и, пожив несколько лет в столице, уехал умирать к себе на родину в Вязники или Ковров.

Глава VI

Вельможа-оригинал граф Литта. – Страсть его к мороженому. – Жертва предсказания гадалыщицы или вечно спящий барин

В тридцатых годах на улицах Петербурга можно было встретить колоссальную фигуру величественной осанки, члена Государственного Совета графа Юлия Помпеевича Литта, известного главного деятеля в доставлении мальтийскому ордену покровительства императора Павла I. Граф Литта в высшем петербургском обществе являлся истинно блестящим обломком екатерининского двора. Современник его говорит: «Мы так привыкли видеть графа Литту в каждом салоне, любоваться его вежливым и вместе барским обхождением, слышать его громовой голос, смотреть на шахматную его игру, за которую он проводил целые вечера, любоваться его бодрю и свежю старостью, что невозможно было не вспоминать о нем каждую минуту, особенно тогда, когда его не стало». Гр. Литта принадлежал к древнему миланскому роду, он с юности посвятил себя морской службе, в 1789 г. он переехал в Россию и отличился в войне с Швецией, под предводительством принца Нассауского, где заслужил орден св. Георгия 3-й степени и шпагу за храбрость. При императоре Павле он был вице-адмирал, кавалер ордена св. Александра Невского и граф Российской империи, в 1799 г. – наместником великого магистра Мальтийского ордена.

Граф Литта отличался несколькими эксцентрическими особенностями: во-первых, голос его громкий и сильный, звучный, густой, бархатный бас слышался везде и покрывал собою все другие не только голоса, но иногда и звуки оркестра. Так, на гуляньях ли, в театрах, в первом ряду кресел у самой рампы оркестра, на постоянной прогулке по Невскому или Английской набережной, – везде всегда необыкновенно громко звучал его голос. Голос графа в обществе получил наименование «трубы архангела при втором пришествии». Во-вторых, граф, не будучи вовсе большим гастрономом, страстно любил мороженое и поглощал его страшными массами, как у себя дома, так везде, где только бывал. Так, во время каждого антракта в театре ему приносили порцию за порцией мороженого, и он быстро его уничтожал.

Граф считался баснословным потребителем мороженого – известные в то время кондитеры: Меццелли, Салватор, Резанов и Федюшин почитали графа своим благодетелем. Граф Литта жил совершенно в одиночестве в своем доме на Большой Миллионной, близ арки, в доме, теперь принадлежащем Министерству Финансов. Окна большого барского дома Литты никогда не были освещены и являли собой какой-то унылый и грустный вид.

Вдруг, в одну ночь, когда медики объявили графу, что ему остается жить не более нескольких часов, к удивлению всех соседей, мрачный дом озарился огнями сверху донизу, загорелись и яркие площадки у подъезда графа. У римских католиков обряд приобщения святых тайн совершается с некоторою торжественностью, граф и приказал засветить все люстры, канделябры и подсвечники в комнатах, через которые должен был проходить священник со святыми дарами. Умирающий в памяти и совершенно спокойно приказал подать себе в спальню изготовленную серебряную форму мороженого в десять порций и сказал: «Еще вопрос, можно ли мне будет там в горних лакомиться мороженым!» Покончив с мороженым, граф закрыл глаза и перекрестился, произнеся уже шепотом: «Салватор отличился на славу в последний раз» – и перешел в лучший из миров, где он не знал, найдет ли мороженое. Все огни погорели вместе с жизнью графа, и осталась догорать только одна небольшая спальная лампада, в головах усопшего, освещавшая распятие.

Граф умер 24 января 1839 года. Император Николай I поручил барону М.А. Корфу, бывшему в то время государственным секретарем, опечатать и разобрать бумаги покойного, между которыми, как предполагалось, могли находиться любопытные документы относительно

мальтийского ордена. Но ничего важного между ними не отыскалось. Самое любопытное, что нашли в бумагах, это проект сочиненной им себе самому эпитафии следующего содержания: «Julius Renatus Mediolanensis natus die 12 aprilis 1763, obiit in Domino... augusti 1836». На чем было основано это предсказание, впрочем, не сбывшееся, – неизвестно. Граф Литта, как видно из завещания его, оставил огромное состояние, которым был обязан не только своей женитьбе на племяннице Потемкина, рожденной Энгельгардт, но и собственному своему состоянию, а также своей расчетливости. Он отказал внучке своей, графине Самойловой, жившей постоянно за границей, 100 тысяч рублей ежегодной пенсии, затем по такой же сумме одновременно в пользу тюрьмы, в инвалидный капитал и для выкупа из процентов содержащихся за долги. 10 тыс. для раздачи бедным в дань его похорон, камердинеру 15 тыс. и пенсии ежегодно по 1000 руб. Но деревни, дом драгоценные движимости и огромные капиталы завещаны двум родным племянникам Литтам, жившим в Милане. Неизвестно только, что он оставил своему побочному сыну, известному провинциальному актеру Аттилу, имевшему громкую романтическую историю в конце шестидесятых годов. Граф Литта был в родственных связях со всею нашею русскою аристократиею. Племянник его, кн. Владимир Голицын, раз спросил его: «А знаете ли вы, какая разница между вами и Бегровым? Вы граф Литта, а он литограф».

В Москве была известна в тридцатых годах одна оригинальная личность, которая, где бы ни появилась, сейчас же засыпала. Это был очень богатый помещик, имевший много родных и знакомых. Одевался он по образцу инкroyблей времен первой французской революции, вечно в одном синем фраке с золотыми пуговками. Из жилетного его кармана торчала массивная золотая цепочка от двух дорогих золотых брегетов. Впрочем, часы, так как и цепочки, часто у него возобновлялись: обе эти дорогие вещи у него часто срезывались охотившимися по нем ворами в продолжение его суточных путешествий по разным улицам Москвы, несмотря на то, что он никогда не выезжал один, а в сопровождении двух гайдуков-лакеев и его любимицы, старой ключницы-калмычки, и жирного мопса. «Где ваши часы?» – спрашивали его знакомые. «Что-с?» – встрепенувшись от своей спячки прошамшит он. «Часы ваши где?» – «А! часы срезали, украли когда я был на похоронах». – «У кого это, где?» – «Не знаю, спросите у калмычки». Все знали, что обокрасть его не было хитрости, даже лакеи его обирали и снимали с рук кольца. Он вечно спал, но это сонливое состояние не было результатом болезненности организма и дряхлости лет, а просто следствием одного предсказания. В бытность свою в молодых годах в Париже он посетил известную предсказательницу Ленорман. Ловкая гадалщица, заметив его недалекость, позабавилась над ним вволю. Наговорив ему много приятного и неприятного, она, наконец, окончила свое пророчество словами, заставившими побледнеть нашего чудачка: «Теперь я должна вас предупредить, что вы умрете на своей постели». – «Когда? Когда? В какое время?» – спрашивает он в ужасе. «Когда ляжете на постель», – dokonчила, улыбаясь лукавая предсказательница. И вот с тех пор его покойная мягкая перина, подушки из лебяжьего и гагачьего пуха, шелковые одеяла были брошены и вынесены из квартиры, чтобы такие дорогие предметы его не соблазнили. Напрасно друзья смеялись ему в глаза, упрекая его в легковерии и не раз доказывая ему, что по его богатству, положению и жизни нельзя было и ожидать другой более покойной смерти. Но слова Ленорман звучали в его ушах хуже погребального колокола. Он не внимал никаким убеждениям, и с тех пор на всех публичных собраниях в гостях, в театрах, – всюду стала появляться постоянно дремлющая его личность, не имевшая никакой возможности уже отдохнуть у себя на постели. Образ его жизни был очень оригинален: он вставал почти со светом, проводя ночь в обществе, потому что ему было скучно без общества, тяжело и невыносимо было отдыхать в полусогнутом положении более часа. С утра закладывали ему четвероместную карету, и он уже выезжал во фраке и белом галстуке в сопровождении своей калмычки и старого мопса Бокса. Без калмычки он не мог сделать шага, она убаюкивала его сон разговорами и сказками. Утренние его прогулки были по крику лакея: «Пошел по ельничку!» Кучер и фореитор двигались, объезжая столицу, отыскивая, нет

ли где похорон. Из всех удовольствий ему нравился только процесс погребения, возможность поспать под унылое пение и проводить покойника до последнего его жилища. На обязанности калмычки также лежало, по возвращении домой, рассказать барину все виденное за день, сам барин этого не мог сделать, – он спал всюду. В Москве говорили, что ловкая калмычка, пользуясь беспросыпным положением его и присутствуя в церквах на всяких церемониях, чуть-чуть не сыграла с ним злой шутки и не обвенчала с одной из своих знакомых. Только непредвиденный случай спас его. Это так напугало его, что с ним сделался нервный удар, от которого он и умер. Больного его никак не могли уложить на постель. Он умирал, дремля, полусогнувшись на своем кресле и ворча и брыкаясь ногами, когда калмычка со слезами просила его успокоиться на ее постели. Перед кончиной, несмотря на его последние усилия, на жалобный стон, на слезящиеся глаза, его все-таки силою уложили на кровать. Предсказание Ленорман сбылось после пятидесятилетнего добровольного нравственного мученичества.

Глава VII

Чудачества помещика Т-ва и его братья. – Причуды графа Михаила Румянцева. – Исторический чудак Чупятов. – Собиратель сургучных печатей князь Гор-ов и его коллекция. – Камер-юнкер «Рококо» и его похождения. – Чудаки: Поздняков и Новосильцев

В числе других таких же чудачков, которые в силу какой-либо боязни по ночам не ложились спать и бодрствовали, к числу таких чудачков принадлежал богатый помещик Пензенской губернии Т-ь, который никогда не спал ночью, а ложился только тогда, когда все вставали. Чтобы ночью не дремать, он держал у себя в спальне кого-нибудь из своих дворовых, и они должны были стоять перед ним всю ночь на ногах, так как перед баринком сидеть неприлично. Правда, он их менял, призывая то одного, то другого по очереди, только бы не оставаться одному. Рассказывали, что он делал это из страха, причиною этого же была кровавая история, в которой он еще молодым человеком принимал участие говорили, что отец его был убит своею женою в сообществе с учителем-французом, с которым она была в нежных отношениях и за которого впоследствии вышла замуж. Это случилось, когда дети были еще маленькие, когда же они выросли и возмужали, то отплатили непрошеному отчиму тем же, т. е. отправили его на тот свет. Все четыре брата, участвовавшие в смерти отчима, были какие-то странные: лобызались друг с другом самым нежным образом, целовали друг у друга руки, а между тем постоянно судились, потому что не могли разделиться. Они не могли между собою сговориться даже в самых мелочах – деревянный двухэтажный отцовский дом они распилили на три части, так как не могли устроить, чтобы он достался в одни руки. Даже дети одного из них были тоже какие-то странные. Один уже женатый, живя в деревне, вместо развлечения, приказывал зашивать себя в медвежью шкуру и ходил на четвереньках по двору. Дворовые собаки, разумеется, бросались на него и рвали, и это доставляло ему удовольствие. С женою, на которой он женился по любви, влюбившись в нее в театре, где видел ее только один раз, он ссорился и мирился по несколько раз в день. И это делал он не только дома, но и в гостях, при чужих людях, делая их таким образом невольными свидетелями его семейной жизни, потому что ссоры происходили большею частью из ревности к кому только можно и сопровождалась или неприличными упреками, или же лобзаниями, с испрашиванием на коленях прощения, и тому подобною обстановкою, иногда очень приторной.

Сын известного победителя при Лагре и Кагуле – Румянцева, граф Михаил, страдал тоже довольно странною причудою, которая и довела его впоследствии до опеки над ним. Он стал воображать, что служит у строгих господ и исполняет обязанности экономки. Его старый, преданный слуга, чтобы помочь этому горю, принужден был сам наряжаться в женское платье и помогать ему в разных женских занятиях, вроде починки белья, штопанья чулок и т. п. Роль же господ играли два дюжих солдата-гвардейца, которые в известные часы приходили смотреть на работу экономки и, если находили ее неудовлетворительною, ругали и били ее. Побои графу так нравились, что после них он успокаивался на несколько дней. Солдаты, по приказанию ближних Румянцева, платили графу жалованье медными пятаками, на которые последний покупал деревянное масло и теплил его в лампадке у своего фамильного образа. Пишущий эти строки видел в 60-х годах, у старика-сенатора кн. П. А. Голицына, портрет Румянцева и его слуг и Иона Ивановича в женских платьях; оба они изображены сидящими за пьальцами. Причина такого помешательства графа, как рассказывал кн. Голицын, была нелюбовь к нему его отца. Известно, что фельдмаршал рано разошелся с женою и совсем не знал своих детей. Рассказывали, что один из его сыновей в отроческом возрасте явился к нему в армию просить его о принятии на службу. «Да вы кто такой?» – спросит его фельдмаршал. – «Сын ваш», – отвечал тот. – «А-а... весьма приятно... Вы так выросли». После нескольких таких родитель-

ских вопросов молодой человек осведомился, где он может иметь помещение и что должен делать. «А вы, – отвечал отец, – поищите, у вас верно найдется здесь, в лагере, кто-нибудь знакомый из офицеров»...

К ряду замечательных чудаков екатерининских времен надо отнести Чупятова, вовсе, как кажется, не помешанного, прикидывавшегося легковерным до помешательства, из желания избежать тюрьмы за долги. Дурачество выдавать себя за жениха мароккской принцессы, при искусной игре Чупятова, принималось за чистую монету, и он жил себе припеваючи, забрасывая время от времени в разные коллегии вздорные претензии, еще более поддерживавшие убеждение властей, что этот человек не в своем уме. Личность этого субъекта до того интересовала современников, что они собрали о нем много анекдотов. Чупятов носил название мароккского принца. В конце 50-х годов на Смоленском кладбище существовала еще каменная плита над могилою этого чудака. Вот надпись: «Под камнем сим покоится ржевский купец Василий Анисимович Чупятов, под названием принц мароккский, в сем лестном звании странствовал 27 лет и на 64 году жизни своея скончался 1792 г. сентября 16-го дня». Чупятов несомненно был человек просвещенный, по своему времени, и не лишенный ума, он был мужчина высокого роста, ходил во французском кафтане и с мишурными знаками, по словам современников, он поражал своею величавою скромностью. Чупятов принадлежал к старинному именитому купечеству из города Ржева, но неудачные дела за границей и большой пожар расстроили его состояние. По словам Державина, он торговал с Любеком и Гамбургом, с Англиею и Голландиею, посылая туда на кораблях пеньку и масло. Другие полагают, что главною причиною расстройства его дел было неудачное сватовство за дочь известного богача Володимирова, которую сосватал ему ее дядя, известный тоже чудаком, Прокофий Акинфиевич Демидов. Чупятов в деле своего сватовства прибегал к содействию всесильных в ту пору Орловых и даже доходил с просьбой до самой императрицы. Графы Григорий, Алексей и Федор Орловы, а также граф Ив. Гр. Чернышев поочередно брались быть сватами Чупятова у Володимирова. Сама императрица приказывала высватать ему невесту Д.В. Волкову, но последний предложил ему других невест благородных. Чупятов, однако, отказался. Все усилия высокопоставленных благодетелей и милостивцев не могли победить упорства и уклончивости Володимирова. Чупятов не хотел еще считать свое дело проигранным и входил с формальным прошением в коммерц-коллегию к прокурорским делам. Коммерц-коллегия не вошла в рассмотрение такой странной просьбы, и Чупятову оставалось склониться пред волею судьбы. Тут-то, вероятно, как говорит Л.Н. Майков в своих литературных мелочах екатерининского времени, он, не имея возможности выполнить свои торговые обязательства, «теснимый кредиторами, и объявил себя банкротом», как уверяли некоторые, притворно. «Затем, избегая неприятностей от своих верителей, – рассказывает Державин, он представился помешанным и навесил на себя разноцветных лент и медалей, присланных к нему будто бы влюбленною в него мароккскою принцессою». Чупятов в петербургском обществе был предметом постоянных насмешек, к нему присылали по почте ленты и грамоты будто бы на пожалованные ему ордена, иные писали к нему и просили, чтобы он оказал им свое покровительство, когда взойдет на мароккский престол, которого состоит наследником. Чупятов не замечал, однако, глумления и даже утешался присылками.

Державин в своей «Оде к вельможе» упоминает о нем:

Всяк думает, что он Чупятов,
В мароккских лентах и звездах.

Чупятов в обществе, ради его странного помешательства, был всегда желанным гостем, даже у высокопоставленных лиц. Являясь в гости, он вел разговор как человек здравый до тех пор, пока не покажут ему, ради потехи, курицу, разукрашенную лентами. Как только Чупятов

увидит такую курицу, так и понесет всякий вздор, воображая, что курица есть воплощенный дух, присланный ему от мароккской королевы.

Существует рассказ, что когда государыня, после осмотра Вышневолоцкого канала в 1785 г., находилась в Успенском соборе, вдруг протеснился вперед Чупятов, разукрашенный лентами и звездами. Государыня спросила главнокомандующего, кто это, и, услышав, что это какой-то помешанный, сказала: «Почему он у вас на свободе? Для подобных людей место в заведении».

Что касается приведенного рассказа, то трудно допустить возможность приказа Екатерины II, ко всем снисходительной, о лишении свободы чудака, никому не вредившего.

В человеческой природе бывают очень странные вкусы. Лет двадцать тому назад еще здравствовал один довольно высокопоставленный человек, который из любви к искусству выучился рвать зубы. Он никогда не выходил из дому без футляра с зубными инструментами в кармане, как другой без портсигара. Ко всем он в зубы так и заглядывал. Беда тому, кто при нем заикнется, что у него зуб болит или болел: он так на него сейчас и кинется и с инструментом в рот залезет. Нередко за свое искусство он претерпевал даже личные неприятности, но все-таки своей «дантистики», как он выражался, не покидал. До коллекционерства почтовых марок существовало несколько собирателей сургучных печатей. Из числа любителей таких редкостей был известный князь Гор-в, который начал с того, что хранил печати всех полученных писем, потом просил всех своих знакомых, чтобы они отдавали ему конверты писем, и, наконец, начал отыскивать и платить за печати и собрал больше тридцати тысяч оттисков на сургуче. В коллекции князя было много редких печатей XVI, XVII и последующих веков. В числе таких любопытных у него была печать, на которой изображен открытый ящик Пандоры с надписью: «любопытство погубило свет»; на другом изображен амур, держащий записочку, а вокруг него слова: «полиции нечего тут смотреть»; на третьем – бежит собака с письмом и надпись говорит: «скорее и вернее почты». На одном вырезано: «распечатано по приказанию». На печати, принадлежавшей Виктору Гюго, вырезаны слова: «делать и делать», на печати Мишле «Крылья»; на печати Бальзака вырезано старинным правописанием: «Ум обязывает»; на печати Альфреда Мюссе видны таинственные слова, напоминающие время, памятное одному, забытое другими: «С того времени». На письме Фридерики Сулье странный девиз: «Нет выхода в смерти». На печати Александра Дюма было написано: «Ничто не вечно под луной», Эмиля Сувестра – слова: «Надеяться и не бояться». На печати Шарля Нобле виднелось банальное изображение: пылающее сердце, пронзенное стрелой, с надписью: «Разум этого хочет». На печати Адольфа Адана: «Я надеюсь, но боюсь». На печати певца Нурри изображен был Гарпократ, держащий палец на губах со словами: «Тише, тише, тише!» Эта печать была подарена Нурри одним его поклонником. Нурри имел привычку, когда он должен был петь вечером, молчать весь день и только шикал, если кто говорил. На печати композитора Герольда стояли слова: «Ничего прекрасного без случайности». Самую большую коллекцию таких печатей Гор-ов купил у француза Бландо за 30 000 руб., всех печатей там было 30 000 штук. Цена, как видим, довольно высокая за несколько фунтов сургуча!

В тридцатых годах вся Москва знавала одного очень богатого помещика, делавшего с раннего утра визиты по своим знакомым. Он не жил никогда в деревне, а вечно проживал в Москве или в своей подмосковной, близ Сокольников; придворное звание его не позволяло ему покинуть столицу: еще юношей, благодаря своему родовому положению, он был пожалован в камер-юнкеры и с этим званием прослужил чуть ли не до семидесяти лет. В обществе он был известен под именем камер-юнкера Рококо.

Кличку эту он заслужил вот по какому случаю: средств у него было много, даже слишком; один дом его занимал почти целую площадь – с садом, огородом, прудами и т. д., пристроек в его доме было множество, на дворе так было много разных домиков, павильонов, хижин, что все это казалось чуть ли не целым уездным городком. Про его дом в Москве ходило немало

рассказов; уверяли даже, что там находило себе убежище немало темного люда. Самый же дом, в котором жил камер-юнкер Рококо, состоял из двух длинных этажей; один огромный бель-этаж с нескончаемою анфиладою комнат мог бы послужить казармой для целого полка солдат. Комнаты эти были убраны великолепно, в них было много царской пышности – парча, бархат, атлас, позолота, мрамор, гобелены, статуи, античная бронза, китайский фарфор, словом все, что могло служить украшением царственного жилья.

Но все это в этих барских апартаментах было расставлено, развешано, размещено с таким безвкусием и в таком беспорядке, что с первого взгляда казалось, что все эти драгоценные вещи были свезены сюда на продажу, как в лавку, и только дожидаются покупателей, чтобы быть вынесенными для приведения их в более стройный порядок. Когда посетители спрашивали хозяина об этом хаотическом беспорядке в его апартаментах, об этой дорогой китайской бронзе, смешанной с простыми глиняными деревенскими кубарями, с чугунами или ухватами, о прекрасных старых картинах вместе с разными мазилками крепостных Рафаэлей, хозяин слушал равнодушно все подобные замечания, и, казалось, его даже это еще радовало. Камер-юнкер Рококо был страшно упрям. «Знаю, очень хорошо знаю, – отвечал он, – но я, знаете, люблю, чтобы у меня все было „рококо“, – видимо, сам не разумея этого слова. И пошел с тех пор гулять наш камер-юнкер под этим именем – Рококо. Этот оригинал жил не для себя, а для своих многочисленных знакомых, веселился не сам, а веселил своих знакомых. Все его увеселения носили отпечаток неподражаемой оригинальности, он тешил себя и других дорогими игрушками. Он только и мечтал о том, что бы изобрести для вечера или для обеда. Он, как и гоголевский Петух, призывал к себе по утрам своего старика-повара Яшку и дворецкого Прошку, грабивших своего барина без милосердия. Особенно обеды и завтраки стоили ему много дум и забот; задумав раз угостить своих гостей в посту по-монастырски, он закатил обед более чем в сто блюд. В меню входили: папошники, пироги длинные, косые и круглые из щучьей телесы, пирожки маленькие с телом рыбы, пряжья, кашка молочная с пшеном сорочинским, присол из живых щук, щука колодка, огнива белужья в ухе, звено лосося, звено семги, полголовы осетра и белуги просольной, лещи паровые, стерляди и т. д. Но особенно отличился он за десертом, где цукатные пироги, кремы, марципаны, желе и другие сладкие яства подавались на досках – на обыкновенных блюдах поместиться последние не могли.

Прислуга при русских обедах из простых лакеев превращалась в прислугу, бывшую в княжеской и боярской среде, т. е. в стряпчих, стольников, кравчих, чашников и т. д.; последних он наряжал в археологические одежды. В другой раз придумал он угостить своих гостей лебедями, чтобы достать эту птицу, командирует он в подмосковное село Ц-но, и здесь ловкий дворецкий покупает декоративную птицу у немца управляющего за баснословные деньги.

И вот такая птица, с раззолоченными носами и растопыренными крыльями, подается целиком на стол; начинка ее была самая мудреная, с шафраном, лимонами, имбирем и разными пахучими травами. Для обедов в древнем вкусе он закупал по дорогой цене павлинов, журавлей, рысей, лосей, но на такие обеды редко стали ездить гости, крепкие желудки их не могли выдерживать, и с сожалением говорил наш амфитрион, что измельчали желудки у людей. Рассердившись за такое невнимание к «чревобесию предков», он сделался французским гастрономом, переманил к себе лучшего повара из английского клуба и задумал соперничать с Рахманиным, известнейшим гастрономом, тратившим на свои немногочисленные угощения шальные деньги.

После этого его кухня преобразилась на рахманинский лад: в ней появились большие пальмовые и мраморные столы, полки красного дерева, бронзовые карсельские лампы и дорогая мебель, на которую он сажал своих гостей, приготовляя сам некоторые блюда. Не раз он давал лукулловские обеды на своей кухне. Но главное, что любил наш камер-юнкер Рококо, это неожиданные сюрпризы, на них он был помешан. То он приглашал гостей собирать в саду белые грибы, которые за два дня скупал возами по всей Москве и заставлял их натывать в

одном месте своего сада, чтобы не ходить далеко гостям. То он раздавал билеты на уженье в его прудах рыбы – около его пруда стояли беседки-плоты, и в этих местах втыкались удочки. Каждая дама вынимала билет, как в лотерее, на счастье, что кому Бог пошлет, и в самом деле, счастье было удивительное для рыболовов; то выуживали из тинистого пруда стерлядь, уже давно уснувшую, то огромного осетра, то налима или другую какую-нибудь замечательную рыбу. Однажды, как уверяли, кто-то выудил даже малосольную севрюжину.

Искание персиков, абрикосов, апельсинов на деревьях тоже не было редкостью. Как только сходил снег весной, то гости уже приглашались для искания в саду клубники и земляники. Сюрпризы в его доме не переводились: он устроил у себя в зале особенный пол, который опускался вниз в подвальный этаж по данному знаку и оттуда поднимались кушанья. Вместе с тем он придумал и особого рода свечи, о составе которых у него долго хлопотал какой-то выписанный немец-пиротехник. В вечер, когда новоустроенный пол должен был действовать, приглашены были гости. Сюрприз вышел действительно неожиданный: во время мазурки, когда растанцевавшиеся дамы и кавалеры отчаянно притоптывали, при общем крике вдруг пол опустился в кухню. Этого и сам хозяин не предвидел, хотя и приказал, чтобы по первому стуку в пол последний опускался и поднимался. Сюрпризы на балах камер-юнкера Рококо редко проходили без приключений: то у кого-нибудь нос был обожжен, у кого платье испорчено, у кого ноги чуть-чуть не были переломаны.

Но история с опускаемым полом еще не окончилась. После невольного опускания на нем был сервирован стол. «Теперь скорее свечей, свечей», – кричал хозяин. Свечи были принесены, гости сели ужинать. Кушанья мигом подымались из кухни и разносились, потом исчезали и заменялись новыми. – «Хорошо, хорошо», – говорил хозяин, посматривая на часы, как будто ожидая какого-то сюрприза. Ужин уже подходил к концу, вдруг свечи, казавшиеся восковыми, стали постепенно меркнуть и из фитилей полетели бриллиантовые фонтаны огней, римских звезд, фальшфейеры, и вся зала наполнилась удушающим запахом пороха. Дамы ахали и визжали, отряхивая с своих плеч искры огня. «Неправда ли, вы не ожидали такого сюрприза?» – всех спрашивал гостеприимный хозяин.

Камер-юнкер Рококо умер тоже сюрпризом. Его повар Яшка накормил его с пьяных глаз какими-то вредными грибами, известными в простонародье под именем «самоплясов», не догадавшись порядочно рассмотреть их. Говорят, что гастроном-чудак ранее, чем расстаться с этим светом, принужден был, несмотря на свой возраст, неистово отплясывать «danse macabre», по действию этих грибов.

В Москве, в начале текущего столетия, отличался большим чудачеством помещик Поздняков; он почти ежедневно давал спектакли, маскарады и балы, вся Москва так и рвалась и называлась к нему на приглашения – особенно парадны выходили его маскарады, на которых он сам важно расхаживал наряженным в какой-то восточный костюм.

Грибоедов о нем сказал в своей комедии: на лбу написано: «театр и маскарад». Не забыл он и его бородача, который во время бала в тени померанцевых деревьев шелкал соловьем: «певец зимой погоды летней».

К этому московскому хлебосолу и увеселителю добровольно прикомандировал себя некто г. Лунин – он был при нем в роде гофмаршала, хозяйничал при дворе его, приглашал на праздники и проч. В Москву, как рассказывает кн. Вяземский, ожидали турецкого или персидского посла. Разумеется, Поздняков не мог пропустить эту верную оказию и занялся приготовлениями к великолепному празднику, в честь именитого восточного гостя. К сожалению, смерть застала его в приготовлениях к этой тысяче и одной ночи. Посол приезжает в Москву, и Лунин к нему является. Он докладывает о предполагаемом празднике и о том, что Поздняков извиняется перед ним за приключившуюся смертью его, праздник состояться не может.

В числе чудачков, живших в Москве в грибоедовское время, был известен выеденный им в его комедии под именем «Максим Петрович», это был приятель гр. Растопчина, некто Ново-

сильцев, бывший «в случае» при Екатерине. По связям и богатству он имел сильное влияние, по способности принижаться – не знал соперников. В царствование императора Александра I Новосильцев жил замкнутый в своем роскошном таинственном нелюдимом доме, никого не принимал и сам никуда не ездил, впрочем иногда в орденах он садился на крыльце своего дома и пугал прохожих, бросая в них хлопушками. Иногда он выезжал прогуливаться на великолепном коне, покрытом вышитым золотом чепраком, вся сбруя была составлена из богатых золотых и серебряных отличного чекана цепочек. Во время таких пышных своих уличных поездок в сопровождении богато одетой свиты он курил трубку. Последнее обстоятельство особенно всех поражало и заставляло всех снимать перед ним шапки, недоумевая, как величать этого стамбульского пашу.

Глава VIII

Легендарный силач моряк Лукин. – Рассказы про его невероятные подвиги. – Силач Чагин и Телегин

Славный русский силач моряк Лукин, помимо своей геркулесовской силы, отличался тоже многими странностями. Про капитана Лукина во флоте по сей час живы еще самые невероятные анекдоты, по большей части рисующие дух лихих моряков того времени. Рассказывали, что во время пребывания Лукина в Англии один англичанин заспорил с ним насчет смелости и решительности русских и англичан, он утверждал, что русский никогда не решится на то, что сделает англичанин. «Попробуй», – сказал Лукин – «Вот, например, ты не смеешь отрезать у меня носа», – выразил англичанин. «Почему же нет, если ты захочешь», – отвечал Лукин. «На, режь!» – воскликнул англичанин в азарте. Лукин прехладнокровно взял нож со стола, отрезал у англичанина конец носа и положил на тарелку. Рассказывали, что англичанин, старый и отважный моряк, не только не рассердился за это на Лукина, но подружился с ним и, вылечившись, приезжал навестить друга своего в Кронштадте.

Лукину в Англии предложили кулачный поединок. Вместо одного он вызвал вдруг четырех лучших боксеров и каждого из них по очереди перекинул через свою голову, ухватив за пояс.

Однажды он был выслан на берег для приема такелажа с двадцатью матросами. Лукин вмещался в спор английских моряков с их канонирами, и, наконец, вступил в борьбу с обеими партиями и в кулачном бою с своими двадцатью удалцами прогнал всех. В городе заперли лавки; жители спрятались в домах, и Лукин с песнями возвратился на корабль.

Раз, сидя в креслах во французском театре, он заметил, что сидевший с ним рядом фронт перемигивается с дамами, сидевшими в ложе, и кивает головой на него. Лукин сперва не обратил внимание, но вскоре француз заговорил с ним: «Вы, кажется, не понимаете по-французски? И не хотите ли, чтобы я объяснил вам, что происходит на сцене?» – «Сделайте одолжение», – сказал Лукин. Фронт стал объяснять и понес чепуху страшную; соседи прислушивались и фыркали, в ложах тоже не могли удержаться от смеха.

Вдруг, не знающий французского языка, Лукин спросил по-французски: «А теперь объясните мне, зачем вы говорите такой вздор?» Фронт сконфузился «Я не думал, не знал!» – «Вы не знали, что я одной рукой могу вас поднять за шиворот и бросить в ложу к этим дамам, с которыми вы перемигивались?» – «Извините». – «Знаете вы, кто я? Я Лукин». Они оба встали, Лукин сказал фронту: «Идите за мной!» Фронт пошел. Они отправились к буфету.

Лукин заказал два стакана пунша. Пунш подали. Лукин подал стакан фронту. – «Пейте». – «Не могу, не пью». – «Это не мое дело. Пейте». Фронт, захлебываясь, опорожнил свой стакан.

Лукин залпом опорожнил свой и снова scomандовал два стакана пунша. Напрасно фронт отнекивался и просил пощады, оба стакана были выпиты, а потом еще и еще. На каждого пришлось по восьми стаканов. Только Лукин, как ни в чем не бывало, возвратился на свое кресло, а фронта мертво-пьяного подобрала полиция.

Анекдотов про Лукина было множество, но, при всем удалстве, он был добрейший человек. Лукин командовал кораблем во флоте Синявина и первый бросился на один из турецких кораблей, где и погиб геройской смертью. Император Александр Благословенный облагодетельствовал семейство Лукина по просьбе известного своего лейб-кучера Ильи, который был прежде крепостной Лукина и тоже обладал феноменальной силой.

Лукин воспитывался в морском корпусе, откуда выпущен мичманом 1 мая 1789 года. Лукин был среднего роста, плотный, коренастый, при своей удивительной телесной силе, он был кроток и терпелив, даже, будучи рассержен, он никогда не давал воли своим рукам.

Сила его была поразительная, но трудно было заставить его что-либо сделать; только в веселый час, и то в кругу знакомых, он иногда показывал подвиги своей силы. Например, он легко ломал подковы, мог держать пудовые ядра полчаса в распростертых руках, одним пальцем вдавливал гвоздь в корабельную стену. При такой необычной силе был еще ловок и проворен; и беда тому, с кем бы он вздумал вступить в рукопашный бой. Подвиги в этом роде, несомненно немного преувеличенные, прославили его в Англии; там с большим старанием искали с ним знакомства, впрочем, и в России редко кто не знал капитана Лукина. Знал ли вполне Лукин в первые годы своей молодости о той страшной силе, которою он обладал, неизвестно; но первый опыт этой силы грустно и тяжело отозвался в его доброй душе.

Вскоре по выпуске из корпуса Лукин поздно ночью шел по Адмиралтейской площади. В то время Адмиралтейская площадь от Зимнего дворца до Сената представляла громадное пустое пространство, еле освещенное ночью чуть мелькавшими масляными фонарями. Лукин шел в шубе, левая рука была в рукаве, а правая на свободе под шубой; вдруг на него сзади нападают два человека: один схватывает его за левую руку и тащит шубу, другой уже успел ее сдернуть с правого плеча; но в этот момент Лукин правой рукою наотмашку дает удар в лицо человека, стащившего шубу, тот как сноп грянулся на землю; другой же, видя падение товарища, бросился бежать. Оправившись от такого неожиданного нападения, Лукин идет на адмиралтейскую гауптвахту и заявляет о случившемся караульному офицеру. Принесенный человек оказался адмиралтейским плотником; кулак Лукина буквально раздробил и своротил челюсть несчастного. Эта история тяжелым камнем легла у Лукина на душу.

Первый опыт силы, выказанный Лукиным в Англии, в которой он пробыл два года, случился при следующих обстоятельствах. Лукин обедал в трактире; после обеда вошел он в бильярдную посмотреть на игравших. Там он спросил себе стакан пунша; отпив немного, он поставил стакан на подоконник отворенного окна, а сам начал продолжать смотреть на игру. Через несколько времени он обращается к своему пуншу и находит стакан пустым. Это удивило Лукина; не говоря ни слова, он спросил себе другой стакан пунша, отпив от него, поставил и этот стакан на то же место и, смотря на играющих, стал незаметно наблюдать и за стаканом. Не прошло нескольких минут, как к стакану подходит джентльмен и разом его осушает. Такая дерзость взволновала Лукина, но он умел себя удержать и спокойно, как будто ничего не бывало, приказывает слуге принести миску пунша, да побольше, взяв эту чашу, он подходит к выпившему его стаканы и говорит: «Вы, кажется, большой любитель пунша, не угодно ли вам выпить эту посудину. Покорно прошу». Джентльмен вошел в амбицию; все находившиеся в бильярдной, видя Лукина с чашей, подошли к нему. Лукин уже серьезно заметил: «Вы выпили два моих пунша; русские не скупы на угощение; если не выпьете теперь этой миски, то я вылью ее вам на голову». При этих словах в толпе послышался недружелюбный говор, а любитель чужого пунша ответил крупной дерзостью. Тогда Лукин, недолго думая, приподнимает миску и окатывает джентльмена пуншем с ног до головы. Вся бильярдная тут разразилась бранью, и все бывшие тут англичане с киями и кулаками подступили к Лукину. Он подошел к окну и приготовился к обороне. Вдруг из окружавшей его толпы выходит человек огромного роста, плечистый, с сжатыми кулаками, готовый дать хороший бокс, но Лукин моментально предупреждает боксера, схватывает его поперек туловища, в воздухе только мелькают две ноги, и боксер уже за окном. К счастью, оно не было высоко. Спровадив боксера, Лукин проворно схватывает одну рукою за ножку стоявший близ него деревянный увесистый табурет и с этим оружием становится в оборонительное положение. Англичане, озадаченные такими подвигами, невольно отступили от Лукина и вступили с ним в переговоры. Когда же выяснилось дело, то Лукин единогласно был объявлен правым. На другой день все лондонские газеты рассказывали

про силу Лукина. У Лукина была любимая собака Бомс, такая же сильная и скромная, как хозяин. Однажды, когда он возвращался с нею по довольно глухой местности, вдруг его останавливают два мошенника, один к груди Лукина приставляет пистолет, требуя хриплым голосом кошелек, другая же личность становится в отдалении. Лукин хотя и был озадачен таким требованием, но не растерялся. «У меня денег нет, а есть часы!» – ответил он флегматически, запуская левую руку за борт своего сюртука и в тот же момент правой рукою схватывает руку и пистолет мошенника; а верный Бомс по знаку хозяина кидается на грудь другого товарища и сваливает его на землю. Мошенник с пистолетом неистово заревел, когда Лукин своею рукою стиснул его руку и пистолет вместе. После нескольких пожатий Лукин выпустил руку мошенника: она и пистолет оказались измятыми и крепко изуродованными. Отобрав от мошенника пистолет себе на память, Лукин покинул грабителей, дав им добрый совет быть осторожнее.

Однажды императрица Мария Федоровна, знавшая лично Лукина, пригласила его обедать в Павловск и за обедом пожелала видеть его силу. Лукин взял две серебряные тарелки в обе руки, свернул в дудочку самым легким образом и поднес государыне, сверчены обе тарелки были так искусно, что нельзя было сказать, что тут две тяжелые серебряные тарелки. При отправлении из Кронштадта синявинской эскадры Александр I посетил корабль «Рафаил», которым командовал Лукин, и заметил, что он очень грустен. На вопрос о причине, Лукин отвечал, что он чувствует, что не воротится более на родину (что и случилось: неприятельское ядро разорвало Лукина на две части в Афонском сражении); государь сказал ему несколько милостивых слов и пожелал от Лукина иметь что-нибудь на память о его силе. Тогда Лукин достал из кармана целковый, слепил из него, как будто из воску чашечку и подал государю.

Говоря выше о наших исторических силачах, как о Лукине, Чагине и др., мы не можем не упомянуть об обладавшем феноменальной силой поручике Телегине, служившем в былые годы на Кавказе, в Нижегородском драгунском полку. Офицер этот – лихой во всех отношениях – имел одну физическую особенность: при большой силе он обладал такою крепкою головою, что ею, как тараном, отворял любую запертую дверь. Таран этот он употреблял с особенным успехом против армян-духанщиков и против персиян, имевших привычку надоедать назойливым предложением фруктов и чуреков. Телегин, не любивший персиян за брата, убитого под Дербентом, подзывал разносчика и затем наносил ему в живот такой удар головою, что тот отлетал кувырком на несколько сажень и, распластавшись на земле кричал: «Аллах, Аллах». Телегин приезжал в Екатериноград, где товарищи, шутки ради, сами вызывали его на единоборство; составлялись пари, собьют ли он с ног или не собьют того или другого офицера. Это был своего рода спорт.

Глава IX

Загадочный миллионер граф В-ский. – История ожерелья Марии-Антуанетты и финал его в России. – Графиня де-Ламот. – Похищение ее бриллиантов. – Барон Жерамбо. – Граф Византур

В первой четверти текущего столетия в Петербурге жило немало загадочных иностранцев; в ряду таких был известен миллионер граф В-кий, происхождением поляк, он находился в самых приятельских отношениях с выдающимися людьми всей Европы; его хорошо принимали при многих дворах. Обхождение, манеры, образ жизни, все обнаруживало в нем человека, привыкшего к высшему обществу, а жил он в Петербурге, как настоящий герцог времен Людовика XIV. Обеды его считались самыми гастрономическими, вина тончайшие, щедрость его была изумительная, вкус во всем изящный, речь увлекательная и характер самый веселый и уживчивый.

Судя по его расходам, он считался богатейшим человеком в мире, вроде графа Монте-Кристо. В доме его играли в карты, и он играл превосходно во все игры, выигрывал большие суммы, но и проигрывал иногда приятно; его называли хладнокровный, невозмутимый игрок, что тогда считалось весьма хорошим качеством в светском человеке. Многие предполагали, что В-кий составил себе состояние игрою, но где и как – никто не знал. В те годы азартные игры процветали всюду; тогда правосудие думало, что публичная открытая игра не так опасна, как тайная.

Несколько раз искусные шулера составляли против В-кого союзы, чтобы обыграть его наверняка, и каждый раз жестоко платились. С мошенником надо быть еще большим мошенником, говаривал В-кий и очищал шулеров до последней копейки; иногда он возвращал деньги некоторым, если они ему нравились, а чаще отдавал выигранное на бедных.

Неизвестно, был ли В-кий таков всегда, например, в молодости, но и зрелых годах он играл честно, чрезвычайно искусно и счастливо. Как клевета ни изощрялась на выдумки, но истины о нем она никогда не узнала, хотя несколько рассказов и доходило до общества. Так, были люди, которые видывали В-ского за границей и не в блестящем виде, впрочем, он и сам никогда не запирался, когда ему говорили правду, не объясняя, однако ж, подробностей и не распространяясь в рассказах. Например, его спрашивали:

– Правда ли, что князь Сапега встретил вас в крайней бедности в Галиции?

– Правда, – отвечал он, – я был без куска хлеба и без гроша денег, и князь сделал мне добро, которого я никогда не забуду.

– Как это было? – приставали к нему. На этот вопрос В-кий уже отвечал неохотно.

– Это для вас неинтересно, а для меня скучно. Действительно, в молодости он имел большую страсть к картам и доигрался в одном из карточных притонов до того, что должен был ради куска хлеба поступить в маркеры в трактир. В то время между богатыми и знатными поляками было немало эксцентриков, которые, несмотря на свое положение и состояние, искали повсюду приключений. Таким был и богатый князь Сапега, постоянно рыскавший по Европе и в течение своей жизни сделавший много тайного добра, с него, как думали, Евгений Сю и списал своего князя Рудольфа в «Парижских тайнах».

В Польше повсюду в городах метали банк и штос, и всюду там были шайки игроков, которые разъезжали по ярмаркам, как купцы с товарами. Из исторических игорных домов известны в старину были, как теперь Монако, «Серебряная зала» в Вильне, «Зала Нейман» в Варшаве, в которой была после главная квартира князя Баркляя-де-Толли, затем «Hotel de Hambourg» и многие другие.

В старинной Польше родители бедных дворян отправляли детей своих в свет для искания счастья, или, как говорили тогда, «на волокитство за фортуной». Перед отправлением имели еще обычай растянуть их на ковре в гостиной, т. е. в лучшей комнате своего дома, и всыпать сто ударов плетью ни за что ни про что, без всякой вины, единственно для внушения осторожности и притупления гордости.

Обычай польской знати и с нею шляхты посещать Петербург и искать там счастья начался со времен Екатерины II; государыня очень покровительствовала полякам, как и ее наследник, император Павел I, и почти все приезжавшие получали места, как при дворе, так и в военном и гражданском ведомствах. Граф А.С. Ржевуский рассказывает, что он, возвратясь домой из Петербурга, встретил на станции графа Северина-Потоцкого, ехавшего в Петербург. Это было в начале польской революции, в 1793 году. Они были приятели, и Ржевуский спросил, зачем он едет в Петербург. «В Польше у меня ничего не осталось, – отвечал Потоцкий, – а теперь единственная пора, что человек с именем может все приобрести при русском дворе. Еду за всем!» – примолвил он, смеясь. И, действительно, Северин-Потоцкий приобрел все в России – он был сенатором и попечителем Харьковского университета.

Императрица Екатерина II привлекла своими милостями многих поляков и посредством браков старалась соединить таких поляков с русскими, которые были особенно покровительствуемы императрицею. Граф Сологуб, князь Любомирский и князь Ленинский женились на трех дочерях Л.А. Нарышкина, граф Виелгорский на графине Матюшкиной, Д.Л. Нарышкин женился на княжне Марии Антоновне Четвертинской, граф В. Зубов на Потоцкой и т. п. Родителям предоставлено было на волю избрать вероисповедание для их детей, в той уверенности, что в третьем поколении дети от русских отцов и матерей примут православие, что и исполнилось почти без исключения – сын графа Сологуба был католик, а внук его (писатель) – православным, равно, как и князья Любомирские и т. д.

Граф В-кий жил в Петербурге, в доме графини Браницкой (теперь дом князя Юсупова, на Мойке), затем купил собственный дом на Большой Морской, на углу Почтамтского переулка. Комнаты В-кого были меблированы с большим великолепием. По возвращении Крузенштерна из путешествия вокруг света привезенные на кораблях «Надежда» и «Нева» товары продавались с аукциона на Гороховой, в правлении российско-американской компании, и вся знать съезжалась туда ежедневно любоваться произведениями Китая и Японии. Граф В-кий купил лучшие вещи на несколько больших комнат, шелковые обои, китайские и японские вазы, фарфор, бронзу и т. д. которыми и убрал комнаты. Он имел богатое собрание картин лучших мастеров. Но что составляло истинное богатство этого миллионера – это коллекция драгоценных камней и редких ювелирных вещей, которые находились в витринах за стеклами в его кабинете. Коллекция его золотых эмалированных табакерок считалась первою в Европе. Между ними находились известные в целом свете двенадцать эмалированных табакерок с живописью знаменитого Петито. Табакерки эти некогда принадлежали французскому королю, и о них существовало много рассказов. Несколько столовых сервизов В-кого изумляли тоже богатством и изяществом, – особенно золотой сервиз со вставленными драгоценными камнями. Между редкостями В-кого был известный целому свету его сапфир, изменявший свой цвет после захождения солнца и послуживший известной французской романистке г-же Жанлис предлогом написать повесть. В настоящее время такие камни, как описанный сапфир, теряющий свою окраску при искусственном освещении, не представляют редкости, сапфиры, переходящие при свечах в фиолетовый и розоватый цвет, ценятся в десять раз ниже тех, которые не теряют своей настоящей синей окраски. Таких камней и помимо сапфиров в настоящее время существует много, как напр., хризоберилы, дихроиты и т. д.

Все высшее петербургское общество навещало В-кого, – у него была тьма друзей, он обладал помимо всегдашней своей любезности еще двумя важными качествами, которые в свете имеют силу волшебных талисманов, – умел отлично угощать и к стати дарить. При таких

светских добродетелях граф отличался широкою благотворительностью, он сыпал деньги во все благотворительные учреждения. Виленскому университету он подарил свою редкую коллекцию минералов, которая теперь хранится в Киевском университете.

Говоря об источниках его богатства, мне кажется, нельзя ошибиться, если сказать, что он приобрел его торговлей драгоценными камнями, картинами и табакерками. Все петербургские ювелиры собирались у него ежедневно, как на биржу, по утрам и приносили вещи или брали их из его витрин. У него известный ювелир Я.Д. Дюваль вел даже переписку с Парижем, Лондоном и Амстердамом, и через тогдашнего банкира барона Раля им переводились за границу и получались оттуда огромные суммы денег. В делах В-кого все обнаруживало торговлю, повел он ее секретно, через других. В то время в обществе охотнее принимали ловких шулеров и разных темных авантюристов чем купцов. Граф В-кий имел внешность вельможи, он выезжал в нарядной польской или венгерской шорной закладке, в богатой собольей шубе, крытой зеленым бархатом, с звездой Станислава на pokrышке, и в таком виде никто не мог бы заподозрить в нем продавца алмазов. Покупать бриллианты в те годы было очень выгодно, да и знатоков было очень немного. Я знавал одного старика, продавца дорогих камней, которому удалось купить в одном аристократическом доме у наследника все фамильные бриллианты за какие-нибудь сто рублей, когда цена их колебалась в сумме свыше трехсот тысяч рублей. В том виде, в каком были куплены бриллианты, даже самый опытный глаз искусного ювелира не мог бы признать их за настоящие. Покупка случилась как раз в год смерти Александра Благословенного. При дворе был тогда траур, и придворные дамы, которые являлись ко двору, не надевали бриллиантов, но как избавиться от укоренившейся привычки? И вот одна владелица замечательных бриллиантов, чтобы не разлучаться с ними придумала следующую хитрость для того, чтобы отнять у них сильный блеск, она покрыла их густо лаком, иначе сказать прикрыла их траурным крепом, такие потускневшие бриллианты впоследствии и были проданы наследниками за простые стекла.

О старых выгодных покупках драгоценностей существуют целые легенды. Век романов, я думаю, и теперь не прекратился, человеческие страсти всегда были сильны. Старые петербургские ювелиры все знали, что знаменитое алмазное ожерелье Марии-Антуанетты, наделавшее столько шума в Европе своим скандальным процессом, было продано в Петербурге графу В-кому одним таинственным незнакомцем, впоследствии довольно известным лицом в Москве. Знаменитое алмазное ожерелье было сделано парижским ювелиром Бемером. Это великолепное украшение стоило 1 800 000 ливров. Царское украшение состояло из многих рядов и один из них в 17 великолепных бриллиантов в орех величиною.

В 1784 году придворные ювелиры представили королеве Марии-Антуанетте это бриллиантовое ожерелье редкой красоты. Людовик XVI отказался от покупки, – цена была слишком высока, и сказал, что на эти деньги можно построить целый корабль. В это время был придворным епископом кардинал де-Роган, некогда посланник в Вене, не одобрявший брака с Марией-Антуанеттой, чего впоследствии не простила ему королева. Де-Роган хотел быть первым министром, а вместе с тем он был страстно влюблен в королеву. Это обстоятельство хорошо знала графиня де-Ламот, женщина с довольно подозрительной репутацией. Она вкралась в доверие кардинала и убедила его в мнимой своей близости к королеве. К Рогану также явился на подмогу знаменитый алхимик Калиостро, у которого кардинал просил сверхъестественного содействия в его страсти к королеве. При помощи Калиостро де-Ламот уверила де-Рогана, что ожерелье будет желанным подарком для королевы, за которым последует взаимность. Была приискана девица Олива, очень похожая станом на королеву, и вечером в Версальском саду Роган был обманут: мнимая королева оказала ему внимание.

Ювелирам графиня де-Ламот сказала, что королева покупает ожерелье тайно от короля, но с рассрочкою платежа, графиня взялась доставить ожерелье королеве, но вместо того украла его. Ювелиры, не получая денег, бросились в Версаль. Королева пожаловалась королю. Карди-

нала в полном облачении перед обеднею арестовали и привели в кабинет к королю, а оттуда его уже прямо отвезли в Бастилию, арестовали и графиню де-Ламот, которая от всего отказалась, свалив вину на волшебника Калиостро, последний тоже был схвачен.

Процесс вышел очень скандальным, судьи не столько обвиняли преступников, сколько делали для власти оскорбительные намеки. Разбирательство длилось долго, возникла даже целая литература по делу ожерелья. Парламент оправдал Рогана и подставную девицу Оливу.

Калиостро был подвергнут изгнанию, графиня де-Ламот подверглась публичному наказанию плетью и клеймению, а так как она вырывалась у палачей, кусала их зубами, вертелась, почему клеймо у плеча вышло неясно, то оно было повторено, посаженная потом в тюрьму, она успела бежать и, как свидетельствуют иностранные источники, умерла в Англии, но на самом деле она бежала в Россию, сперва жила в Петербурге, где сошлась с последовательницами известной г-жи Крюднер и затем проживала на южном берегу Крыма. В шестидесятых годах пишущий эти строки хорошо знал одну старушку швейцарку, мадам А-ге, которая некоторое время была у де-Ламот компаньонкой; де-Ламот жила здесь под именем графини де-Гаше, это была довольно красивая, худая старушка, ходившая в сером полумужском платье, на голове она носила черный бархатный берет с перьями.

Баронесса М.А. Бодэ в своих воспоминаниях говорит, что она имела лицо умное и приятное, с живыми блестящими глазами; она говорила бойко и увлекательно изящным французским языком, о ее странностях и намеках, о ее таинственных приключениях ходило много рассказов, она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок; иногда она даже любила возбуждать их, будто ненарочную обмолвкой с людьми образованными, а легковверных и простых местных жителей нарочно сама запутывала таинственными намеками.

О короле Людовике XVI и графе Калиостро и о разных личностях той эпохи она говорила, как о лицах своего знакомого кружка. Графиня де-Ламот умерла в Крыму, оставив своим душеприказчиком барона Бодэ. Служившая ей старая армянка, как говорит дочь барона Бодэ, передавала еще, что она, как только почувствовала себя дурно, провела всю ночь, разбирая и бросая в огонь свои бумаги, запретила трогать свое тело и велела похоронить себя в чем была, говорила, что ее тело потребуют и увезут, что много будет споров и раздоров при ее погребении.

Эти предсказания однако, не сбылись, ее хоронили православный и армянский священники за неимением католического. Служившая ей армянка мало могла удовлетворить общему любопытству, покойница редко допускала ее к себе и употребляла ее лишь для черной работы, только обмывая ее после смерти, армянка заметила на плече ее два пятна, очевидно, выжженные железом.

Вигель в своих воспоминаниях говорит о ней, что она никогда не снимала лосиной фуфайки. Это также передавала мне некогда служившая у ней швейцарка, мадам Л-ге; последняя добавляла, что графиня нередко перед смертью прихварывала и часто бредила бриллиантами, и по ночам рассматривала драгоценности, которые она хранила в железном ларце, и что этот ларец, как она сама видела, взял перед ее смертью сосед ее. М-ме Л-ге не отвергала и того, что прибывшим после ее смерти офицером из Петербурга были запечатаны все ее вещи, последних, впрочем, оказалось очень немного, один большой сундук набит был разным мужским платьем.

Похищение бриллиантов соседом не составляло большой тайны для многих крымских старожилов, они рассказывали это не стесняясь. Баронесса Бодэ в своих воспоминаниях передает, что едва успел дойти в Петербург слух о смерти графини, как приехал курьер с требованием ее запечатого ларчика, который будто бы и был немедленно отправлен в столицу.

Она слышала, что за этой женщиной власти наблюдали давно, полиции хорошо было известно, что она графиня Ламот-Ва-луа, укрывшаяся в Россию под именем графини де-Гаше; последнее имя она получила от эмигранта, за которого вышла замуж где-то в Англии.

Та же баронесса передает, что император Александр I случайно услышал от известной англичанки Бирч, во время разговора последней с императрицей, о графине де-Гаше; при этом имени он невольно воскликнул: «Она здесь?! А сколько раз меня о ней спрашивали, и я всегда отвечал, что ее нет в России. Где она?». М-м Бирч пришлось повторить императору все, что она знает про эту эмигрантку – «Привезите ее завтра сюда». Бирч отправилась к ней с этим известием. «Что вы сделали, вы меня погубили, – с отчаянием говорила графиня, – я погибла». После свидания с государем графиня возвратилась успокоенная и очарованная его благосклонностью. «Он обещал мне тайную защиту», – говорила она. После этого графиня переехала из Петербурга в Крым. Графиня де-Ламот похоронена на кладбище Старо-Крымской церкви.

Надо думать, что о целостности знаменитого ожерелья у де-Ламот знал и приезжавший в Россию при императоре Павле I аббат Жоржель, автор известного труда «Дело о колье. Париж. 1875». Собственно, это не книга, но переплетенное собрание тех судебных документов, которые были напечатаны и изданы разными сторонами в этом знаменитом процессе об ожерелье. Эти бумаги, переплетенные в два тома in quarto, с портретами, картинками, с заметками, пасквильными песнями и тому подобное, иногда самого нецензурного свойства. Это один из обширнейших сборников лжи, какие только существуют в печати.

В первых годах текущего столетия приезжал в Москву довольно загадочный человек, выдававший себя за барона Жерамба. Он носил всегда черный гусарский мундир и на груди серебряную мертвую голову. Он уверял, что этот мундир и мертвая голова были присвоены полку, который он сформировал в Австрии во время войны. Барон был очень ловкий, остроумный и любезный человек, принятый в лучшие дома. Он, кажется, был известен в обществе и литературными произведениями. Так, во время пребывания своего в Москве он обратил сердечное внимание свое на одну девицу и, не смея в том признаться, написал в альбоме ее брата: «Prince, je vous adorerais, si vous etiez votre soeur».⁴ Он разъезжал по Москве в щегольской карете цугом, играл широко в карты и проигрывал довольно значительные суммы. Наконец, денежные средства его, по-видимому, истощились. В подобной крайности, как рассказывает кн. Вяземский, он обратился к известной княгине Дашковой с письмом такого содержания: он видел Родосский колосс, египетские пирамиды и подобные тому чудеса и не умрет спокойно, если не удостоится увидеть княгиню Дашковой.

Старушка была тронута этим лестным приветом и пригласила его к себе. В первое же свое посещение он попросил у княгини дать ему займы 25 т. руб. Княгиня, разумеется, их не дала, и знакомство их на этом и кончилось.

Известно, что Дашкова отличалась большою скупостью, и если давала деньги, то едва ли иначе, как за проценты, у меня имеется заемная расписка орловской помещицы Кокуриной, по которой была взята крупная сумма денег на проценты от княгини, чрез посредство графа Сантиса, бывшего поверенным в денежных делах Дашковой.

Жерамба кончил жизнь монахом. Когда русские войска вступили в Париж, многие офицеры, зная Жерамба в Москве, нашли его трапистом, под именем отца Жерамба.

До нашествия Наполеона на Москву проживала там весьма загадочная личность, некто граф Визапур, происхождением араб, черный, как смоль, с характерными чертами негра. Он был очень образованный человек, прекрасно объяснялся по-французски, писал недурно стихи и был принят в высшем обществе, к которому, видимо, и сам принадлежал по воспитанию. Он долго искал себе невесту, пока одна из дочерей одного помещика, бывшего богатого купца-сахароторговца З. не вышла за него. Этот брак для молодой девушки считали неравным, и кто-то сложил по этому случаю стишки:

Нашлась такая дура,

⁴ Князь, я бы вас обожал, если бы Вы были вашей сестрой (фр.).

Что, не спросясь Амура,
Пошла за Визапур.

От этого брака рождались дети двух цветов – черные и белые, последних тогда называли в Москве «сахарными».

Граф Визапур, благодаря достатку своей жены, широко угощал высокопоставленных москвичей и кормил редкими в те годы хорошими устрицами. Визапур рассылал устрицы даже незнакомым лицам. Князь Долгоруков, известный поэт, бывший владимирский губернатор, рассказывал, что «этого черного человека, по происхождению араба, я никогда не видал в лицо, и он мне совершенно был незнаком, но вдруг получил от него с эстафетой большой пакет и кулечек; я не знал, что подумать о такой странности, в пакете я нашел коротенькое письмо на свое имя, в четырех французских стихах, и двенадцать самых лучших устриц, и с тех пор по странной случайности:

Которых где при мне за стол ни подадут,
А в памяти моей граф Визапур, как тут.

В записках С.П.Жихарева находим упоминание об этом Визапуре следующее: «в церкви у Дмитрия Солунского, черномазый Визапур, не знаю – граф или князь, наемни пришел в такой восторг от певчих, что осмелился аплодировать; полицмейстер Алексеев приказал ему выйти».

Визапур до прихода Наполеона куда-то скрылся из Москвы, но существует известие, он вскоре был пойман в окрестностях столицы нашими казаками, у него найдены были подозрительные письма и зашифрованные депеши, за что он и был расстрелян в поле.

Глава X

Исторические самодуры Д.И. Т-н и В.В. На-в. – Губернатор Т-н, сибирский Аракчеев. – Похождения его жены. – Богатство Т-на. – Канцлер князь Куракин и его пышная жизнь. – Брат канцлера в своем орловском имении

В числе исторических замечательных самодуров в екатерининское время известны были два сибирских губернатора – Д.И. Ч-н и В.В. На-н. Первый из них у сибиряков был известен под именем «батюшки», второй – «шалуна». Д.И. Ч-н был роста среднего, красив лицом, ловок и телосложения крепкого, вспыльчив он был до бесконечности. По крутости характера, легко выходил за пределы, но при самоуправстве, которое делало его страшным в народной молве страны, он скоро смягчался, в разговоре любезничал, любил веселое препровождение времени, давал балы, вечера.

Обычные народные праздники, как, например, масленицу, Ч-н праздновал так: в избранный день у губернаторского крыльца стояли нарядные огромные сани, устланные коврами, с беседками-балдахинами, мягко и богато убранными. Ч-н с дамами и свитой садится в сани и отправляется в сопровождении гайдуков и драгун, а впереди другие, также огромные сани, с музыкантами.

У известных домов поезд останавливается, музыканты бегут в прихожую, хозяйин и хозяйка ждут гостей у дверей. Первый гость подает руку хозяйке и, под музыку приплясывая, проходит комнаты, при общем подражании всех гостей, и тотчас выходит, уводя с собою хозяйку и хозяина. Таким же образом заезжают в прочие дома и увеличивают поезд. Потом катаются по городу и около гор с шумною музыкою и оканчивают веселый день в доме гостеприимного губернатора.

Ч-н жил очень пышно: дворня – с гайдуками, скороходами, гусарами, арабами и проч. Таких прислужников у него считалось более трехсот человек. В высокосторжественные дни, сопровождаемый военными и гражданскими чиновниками, он ходил с азиатскою пышностью в собор, сам облечен был в мантию ордена св. Александра Невского, со скороходами и пажами впереди, а в заключение кортежа следовали гайдуки.

Ежедневно за столом он угощал более пятидесяти человек, а в праздничные дни давал большие обеды. В делах он был трудолюбив и не оставлял дел даже и тогда, когда у него танцевали гости, сам он являлся только к ужину. Страдая постоянно бессонницей, он по месяцам превращал ночь в день, издавая приказы, чтобы работали чиновники только ночью, а днем спали. В дни своего величавого губернаторства он раз задумал у себя создать целый сенат, вроде римского, и сенаторами произвел всех учителей семинарии, которые и были наряжены в римские тоги.

Когда он приезжал в сенат, ему говорилось латинское приветствие, на которое он отвечал по латыни же. В дни его губернаторства утренняя и вечерняя заря, в летние месяцы, по отбитии барабана, сопровождалась особенным церемониалом: перед губернаторским домом становилась музыкальная и певческая капеллы, и когда все затихало, после отбоя барабана, разносились над городом усладительные мелодии из кларнетов и скрипок, оживляемое тенором или альтом пение божественного стиха: «О всепетая Мати, рождающая всех святых Светлейшее Слово, нынешнее приемши приношение, от всякой напасти избави всех и будущия нам муки Тебе вопиющих: аллилуйя!»

Ч-н, несмотря на любовь к нему государыни, вскоре впал у нее в немилость и получил выговор за лишнюю, во время голода, в Сибири закупку провианта, – он израсходовал 1800000 р. сверх определенных ему ста тысяч рублей медною монетою из Екатеринбурга.

При дворе у него было много врагов и завистников, которые воспользовались случаем представить поступок его действием неограниченного властолюбия. Он подал в отставку, которую вскоре и получил.

По получении отставки жил он в орловской деревне, в с Ильинском, где вначале не бросил своей прежней пышной жизни, но, наконец, деревня становилась ему скучна, он сделался угрюмым, задумчивым, начал чуждаться людей, заперся в свой кабинет, никого не видал и умер в 1785 году, отвергая пищу и все услуги своей дворни.

Второй из этих администраторов-самодуров Вас. Вас. На-н представляется личностью тоже очень сумасбродной, но еще не вполне разгаданной. Он был – широкая русская натура, хорошо знакомая с возникшим тогда учением энциклопедистов, судя по некоторым его поступкам, он обнаруживал демократические и социальные убеждения, для того чтобы приобрести популярность в среде русского и бурятского населения, имея, впрочем, целью достигнуть отделения Забайкалья от российской короны. Действия его, пожалуй, можно объяснить и примерами общего произвола и ненормальностью тогдашнего строя жизни.

В.В.Н-н был крестник императрицы Екатерины II. По приезде из Петербурга в Нерчинский завод, Н-н одиннадцать месяцев не выходил из дома, окна его квартиры были закрыты ставнями. Он ревностно занялся делами, заботился о крестьянах, о хлебопашестве, о школе и т. д. Но, выйдя на Пасхе в церковь, он заставил сначала служить обедню, а потом утреню. В следующие дни в церковь его вводили под руки две толстые барыни, а он по дороге приплясывал и пел песни; чиновники, шедшие позади, тоже подпевали и притопывали.

После этого Н-н продолжал нередко поучать народ изустно и письменно, объясняя обязанности к Богу, государю и ближним; кроме того, делал крестьянам умные и практичные наставления по домохозяйству. Затем учредил праздник – «открытие новой благодати», и приказывая всем каяться во грехах, остановил заводские работы и стал задавать народу обеды, приготовляемые на несколько сот человек.

На этих празднествах разжаловывал чиновников, а арестантов производил в чины, садил с собою обедать и заставлял первых прислуживать последним. В служебном штате у Н-на состояло несколько человек из секретных арестантов, вероятно людей с образованием. Из них двое при нем были секретарями; кроме того, Н-н приблизил к себе двух князей Гангимуровых, замешанных перед тем в истории самозванца Петра III.

Во время церемониальных празднеств, которые устраивал Н-н, происходила пальба из пушек и разбрасывались народу казенные деньги, а когда денег в казне уже не оказалось, то он потребовал у купца Сибирякова и, окружив дом его пушками, угрожал в случае отказа бомбардировкой. Испуганный Сибиряков вынужден был вынести ему на серебряном блюде несколько тысяч рублей.

Н-н катался по городу в экипаже, запряженном провинившимися перед ним чиновниками. Под конец своего губернаторства Н-н предпринял военный поход против иркутского губернатора Немцова – из соперничества во власти. Поход этот вышел каким-то опереточным, веселым шествием толпы бурят и местных жителей с даурским красных гусар полком, который он сформировал из бурят, с песнями и музыкой; в процессии везли пушки и колокола. По дороге в деревнях звонили и стреляли, а чтобы увлечь еще более народа, поили всех вином и разбрасывали в толпу казенные деньги. В степи, на отдыхах, кипели огромные котлы, в которые сваливали цибиками чай и сахар; вино выставлялось бочками. Все это забиралось с встречных обозов. Н-н совершил таким образом шумный тысячеверстный поход до Верхнеудинска, и только воевода этого города Тевяшев успел положить предел завоеваний этого «шалуна», как наименовала императрица Екатерина II этого сумасброда.

В первых годах текущего столетия в Сибири служил губернатором Т-н, прозванный у жителей вторым Аракчеевым. Родом Т-н происходил из смоленских священнических детей. Это был величайший оригинал, он не был зол и жесток, но, как власть, был очень строг; вся

полиция при нем была доведена до совершенства, и зато во всей И-й губернии не было ни грабежей, ни воровства; рассказывали, что всякий проезжий, забывший в доме крестьянина какую-нибудь вещь, непременно был догоняем и получал забытое. Дороги и мосты были превосходны, деревни чисты, крестьяне были зажиточны, скота и лошадей много. О преступлениях в городе не было слышно. Что такое был Т-н в этом городе – теперь трудно иметь понятие. Т-н и законы были синонимы.

По праздникам Т-н позволял дамам целовать свою руку; из мужчин допускались к руке только старшие чины и купцы первой гильдии. Все дамы целовали ручки у его супруги и у дочерей.

Рассказов о деспотической власти его множество.

Жалобы не доходили до Петербурга, а если редкая и прорывалась, то для того, чтобы не повторяться. Т-н был замечательно деятелен, работал он с раннего утра и до глубокой ночи, вникал во все мелочи. Город при нем превратился в военное поселение. Не знали, когда спит Т-н: его можно было встретить во всякое время дня и ночи, и встретить скорее всего там, где не ожидаете. Он, как сказочный халиф Гарун-аль-Рашид, гулял в простом платье, заходил в частные дома, замечал все: плохи ли были калачи на базаре, плох ли гороховый кисель, бывший в постах в большом употреблении в Сибири. Зайдет, бывало, в частный дом и видит – муж с утра ушел на работу, а жена сидит и попивает чаек. «А что ты, матушка, приготовила мужу поесть?» – и в печь, а в печи ничего нет, – тотчас расправа. Он ходил всегда один, но полицейские зорко следили издали и тотчас являлись, куда нужно.

Наружное безобразие города сильно возмущало Т-на и он его в три года переломал и перестроил. Это была настоящая архитектурная революция, но он сломил ее. Управляя при военном губернаторе Пестеле обширнейшей в мире провинцией, он не имел понятия о том, что такое статистика и вообще терпеть не мог ученых, считая науки занятием пустым и бесполезным. Он держал в своих руках местного архиерея, приказывал ему являться на свои вечера; даже проповеди в торжественные дни последний говорил не иначе как с распоряжения или по приказанию его, отдаваемым чрез полицмейстера.

Он держал себя со всеми как восточный властитель, заставляя даже вице-губернатора подавать ему шубу. Ежедневные официальные приемы у него происходили в девять часов утра; большая его прихожая всегда была полна служебного люда – казаки, полицейские офицеры, дежурные чиновники. Тишина полная, у глухой стены на раз назначенных местах стояли чиновники с бумагами, ни один чиновник не смел пошевелить даже ногой или кашлянуть. Более часа чиновники, как каменные, ожидали его выхода, не сводя глаз с маленькой двери, где должен был появиться Т-н. Появление его было очень характерное; являлся он, как мраморная белая статуя Командора. На нем был как снег белый колпак, из-под колпака длинные белые волосы, рубашка со стоячим воротником, без галстука, как снег белый халат, подпоясанный белым кушаком, из-под халата внизу видно нижнее белье, чулки и мягкие туфли без задков. Он не шел, а двигался, скользя туфлями.

Взятки лично он не брал, брала, по сибирскому выражению, его супруга Трещикса. Она задалась задачей собрать для своих детей, которых было восемь, на каждого по пуду ассигнаций. Жена его имела огромное влияние на дела, она всегда была окружена молодыми, красивыми чиновниками, которых называла своими детками.

Она раздавала должности и брала взятки по важным делам. Губернатор, говорили, не берет, а Трещиксе надо поклониться.

Прием у ней был следующий: купи у нее мех соболей. Принесут мех, сторгуются тысяч на пять: и мех возьмут назад, и деньги. Другому и третьему тоже. Один этот мех раз пятьдесят продавали. В большие праздники, в именины и т. д. Трещикса запросто угощала у себя купцов, съезжавшихся по этим дням исправников и бурятских тайшей, играла с ними в карты и,

понятно, выигрывала, не говоря уже о подносившихся ей подарках и всевозможных припасах, доставлявшихся в этот день в дом губернатора.

У нее был любимец откупщик Кузнецов, тоже замечательная личность, ловко обделывавшая свои кабацкие дела. Впоследствии он открыл богатейшие золотые прииски, сделался миллионером, статским советником и украсился орденами. Дочерей своих он отдал за титулованных особ. Мотовство его было безгранично: он однажды за один визит заплатил доктору 50 000 рублей, а в другой раз 25 000 рублей.

При Т-не в Сибири взяточничество доходило до высшей степени; подарки разного рода от разных обществ и частных лиц ему уже некуда было девать – и жена его открыла в гостинном дворе лавку, где последние и продавались. Он ежегодно отправлял обозы всякого добра в Москву на сохранение к своему брату; все присланное им до 1812 года сгорело при нашествии французов, но и после этого он продолжал присылку обозов.

После своей смены он, поселившись в Москве, притворился бедняком, водил дочерей в заячьих салопах и, по бедности, просил даже у государя пособия; он входил с прошением, прося известного сановника Нарышкина. Кто тогда не знал о миллионах Т-на... Существует предание, что он вывез из Сибири пуды ассигнаций в замороженных осетрах; говорят, что после его смерти в одном из его диванов нашли в подушке более 500 тысяч рублей депозитками; предполагали, что об них забыл покойный.

С опалой Т-на, по сибирским преданиям, в чиновничьем мире началась паника, вроде той, какую описывают древние летописцы перед падением царств. Не появлялось только невидимой руки, которая написала бы на стене его кабинета огненные слова: «мани-факел-фа-рес», по видения вроде этого были.

Так, ему докладывали, что «некошной» (черт) в губернаторском доме давил часового; в полночь отворялись двери, под полом брэнчали кандалы, часовой от казначейства видел в губернаторском доме носимую большую свечу с огнем, а другой, стоявший на противной стороне, был осыпан камнями и видел человека в белой рубахе.

Пошли несчастья воочию, – советник Кузнецов стал мешаться в уме, бегал по улицам и хотел топиться в Ангаре; другой секретарь его – Белявский тоже впал в острое помешательство, стал неистовствовать и буянить. Несчастья, казалось, опережали одно другое, пришла из Петербурга весть, что сын губернатора, еще молодой человек, в азарте и неприличной компании убил бутылкой актрису и находился под судом.

К довершению всего, пришло крайне печальное известие из Верхнеудинска о смерти самой губернаторши. Во время путешествия за Байкалом с двумя любимцами ее понесли лошади и убили до смерти. Узнав об этом, Т-н рвал на себе волосы и горько плакал, замечательно, что все эти горестные события делались известными губернатору по четвергам и почти в один час, невежество и суеверие, видимо, и здесь играли видную роль, сибирское общество не верило, чтобы кто-нибудь мог поколебать могущество этого человека, который придерживался строго одного только правила: кто не за нас – тот против нас, и преследовал всех ему непокорных. Советника Корсакова за непокорность он выслал из И-й губернии и предписал, от имени военного генерал-губернатора, всем губернаторам не позволять ему ни где жить дольше трех дней и в то же время не выпускать за пределы Сибири. Корсаков целых четыре года кружил по Сибири, как легендарный Вечный Жид.

Сперанский сменил Т-на и главных его пособников, насчитал на них взысканий на 2 847 000 руб. Под суд было отдано более 600 человек. Т-н был лишен чинов.

Выдающимся хлебосольством и гостеприимством отличались многие из наших вельмож и помещиков старого времени. Из таких больших хлебосолов был представитель сластолюбивого XVIII века великолепный, покрытый бриллиантами и окруженный всегда множеством всякой прислуги, канцлер Александр Борисович Куракин, правнук знаменитого дипломата и свояк Петра Великого.

При Екатерине II этот вельможа был сослан в ссылку в свое саратовское имение. Причиной ссылки князя была обнаруженная во время путешествия секретная переписка его с флигель-адъютантом П. А. Бибиковым.

Когда проживал князь в своем Надеждине, все кипело жизнью шумной и полной всякого довольства, учитывая, внимательная барская дворня прежнего времени по уши была занята услугами: большой наплыв посетителей всегда был приятен князю, часто многие из бедных дворян жили здесь по несколько месяцев, не смея, из скромности, представляться князю; они все-таки пользовались всеми удобствами широкой барской жизни. Во дворе для выездов были всегда готовы экипажи и верховые лошади, а на прудах ждали желающих шлюпки с молодцами-гребцами.

Каждому из приезжих гостей подавалась следующая печатная инструкция. «Обряд и правила для здешнего образа жизни в селе Надеждине». Первое правило гласило: «хозяин, удалясь от сует и пышностей мирских, желает и надеется обрести здесь уединение совершенное, а от оногo проистекающее счастливое и ничем непоколебимое спокойствие духа»; второе – «хозяин почитает хлебосольство и гостеприимство основанием взаимственного удовольствия в общезжитии. Следственно, видит в оных приятные для себя должности»; третье – «всякое, здесь деланное посещение хозяину будет им принято с удовольствием и признанием совершенным», четвертое – «хозяин, наблюдая предмет и пользу своего сюда приезда, определяет в каждый день разделять свое время с жалующими к нему гостями от часу пополудни до обеда, время обеда и все время после обеда до 7-ми часов вечера»; пятое – «хозяин по вышеуказанному наблюдению определяет утро каждого дня от 7-ми часов до полудни – для разных собственных его хозяйственных объездов, осмотров и упражнений, а вечер каждого дня, от 7-ми до 10-ти часов, определяет он для уединенного своего чтения или письма», шестое – «хозяин просит тех, кои могут пожаловать к нему на один, или на два дня, или на многие дни, чтобы, быв в его доме, почитали себя сами хозяевами, никак не помня о нем единственно в сем качестве, приказывали его людям все подобные для них услуги и, одним словом, распоряжались бы своим временем и своими упражнениями от самого утра, как каждый привык и как каждому угодно, отнюдь не снравливая в провозждении времени самого хозяина, который чрез то с новою к ним благодарностью получит всю свободу им принятое безостановочно и с продолжительным тщанием выполнять; седьмое „хозяин никогда не ужинает, но всякий день, в девять часов вечера, будет у него ужин готов для всех, приобывших к оному, и он, прося дозволения от оногo всегда отлучаться, просит также своих случающихся гостей, несмотря на его отсутствие, за оный садиться и за оным самим хозяйничать“.

С восшествием на престол Павла Петровича князь был отозван в Петербург, и на него тотчас посыпались нескончаемые царские милости. В течение одного месяца Куракин получил чин тайного и действительного тайного советника, звание канцлера, орден св. Александра Невского и св. Андрея Первозванного, 5 т. душ, 20 т. десятин земли в Тамбовской губернии и рыбные ловли на Волге.

При императоре Александре I на его долю также немало выпало почетных должностей. Так, в 1808 г он был назначен русским послом в Париже, где и пробыл до 1812 г.

Там в 1810 г. его постигло большое несчастье, он едва не погиб во время пожара на празднике, данном австрийским послом князем Шварценбергом, по случаю бракосочетания Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой. Он очень обгорел, у него совсем не осталось волос, голова повреждена была во многих местах, и особенно пострадали уши, ресницы сгорели, ноги и руки были раздуты и покрыты ранами, на одной руке обжог оказался настолько силен, что кожа слезла, как перчатка. Спасением своим он отчасти был обязан своему мундиру, который весь был залит золотом; последнее до того нагрелось, что вытащившие его из огня долго не могли поднять его, обжигаясь от одного прикосновения к его одежде. Независимо от здоровья,

Куракин лишился еще во время суматохи бриллиантов на сумму более 70 000 франков, до которых он был очень большой охотник.

Существует редкая гравюра, изображающая князя Куракина и больном виде после этого пожара. Князь Куракин был вытаснен в обмороке из толпы доктором Кфэф при содействии французских офицеров. Платье на нем тлело, и его тушили водою из лужи, между тем как другие отрезывали бриллиантовые пуговицы его одежды. На этом балу погибло до двадцати жертв, в числе которых и жена князя Шварценберга. Потеря драгоценностей исчислялась в несколько миллионов.

Выздоровление Куракина долгое время считалось сомнительным, хотя лучшие парижские врачи окружали его, в том числе доктор Наполеона. Получив немного облегчение, он велел перенести себя в бархатных креслах, халате и в соломенной шляпе в загородный свой дом, находившийся в окрестностях Парижа. Служители его шли впереди по два человека в ряд, свита следовала за ним, многочисленная толпа народа толпилась вокруг него. Прибыв в Нельи, князь Куракин произнес приветственную речь жителям, вышедшим к нему навстречу.

Под конец своей жизни князь Куракин, состоя членом Государственного Совета, жил в Петербурге, где он часто давал пышные обеды и блистательные балы в обширном своем доме на Большой Морской. Палаццо Куракина по вечерам горело огнями, огромный оркестр гремел полонезы, толпа ливрейных слуг и официантов кишела в комнатах, скороходы, расставленные на крыльце, встречали и провожали гостей.

На балах у Куракина разыгрывались безденежно, в пользу прекрасного пола, лотереи из дорогих вещей. В кругу лучшего петербургского общества и всего дипломатического корпуса гостеприимный хозяин не раз имел счастье принимать у себя царскую фамилию. Князь Куракин носил всегда глазетовый или бархатный французский кафтан, на котором, как и на камзоле, все пуговицы были бриллиантовые, звезды, как и кресты на шее, – из крупных солитеров. На правое плечо он надевал эполет бриллиантовый или жемчужный, пряжки и шпагу имел алмазные, даже петлю на шляпе – из бриллиантов, кружева носил на груди и руках.

Куракин был большой педант в одежде: каждое утро, когда он просыпался, камердинер подавал ему книгу вроде альбома, где находились образчики материй, из которых были сшиты его великолепные костюмы, и образцы платья, при каждом платье были особенная шпага, пряжки, перстень, табакерка и т. д.

Однажды, играя в карты у императрицы, князь внезапно почувствовал дурноту, открывая табакерку, он увидел, что перстень, бывший у него на пальце, совсем не подходит к табакерке, а табакерка не соответствует остальному костюму. Волнение его было настолько сильно, что он с крупными картами проиграл игру, но, к счастью, никто, кроме него, не заметил ужасной небрежности камердинера.

В александровское время, когда сам император ездил в одну лошадь и когда исчезли богатые экипажи и обложенные галунами ливреи, в Петербурге только один Куракин сохранял прежний екатерининский обычай и ездил в вызолоченной карете о восьми стеклах, цугом, с одним фореитором, двумя лакеями и скороходом на запятках, двумя верховыми впереди и двумя скороходами, бежавшими за каретой.

Князь Куракин во всю свою жизнь не оскорбил никого, отличительная его черта была – за всякую безделицу быть благодарным.

С благоговением он хранил у себя стол, за которым провел лучшее время своей жизни, обучаясь вместе с Павлом Петровичем.

Куракин умер в 1818 году, в Веймаре; тело его перевезено и погребено в Павловске. Императрица Мария Федоровна воздвигла ему памятник с надписью: «другу супруга моего», а брат его, Алексей Борисович, бывший тогда министром внутренних дел подле церкви, где был похоронен князь, выстроил дом для инвалидов.

Этот Куракин жил тоже пышно, но отличался необыкновенной гордостью. В его имении, Орловской губернии Малоархангельского уезда, был целый штат придворных – полная пародия на двор; даже были и чины полиции – на кладбище сельской церкви села Куракина по сей час еще целы могилы куракинских крепостных полицмейстеров и камергеров.

При дворе князя соблюдался самый строгий этикет и нередко даже родная его дочь дожидалась выхода князя по пяти и более дней. Дочь его была замужем за графом Зотовым, она выведена в романе «Война и мир». Роскошный деревенский дом князя Куракина был в пятьдесят комнат, с залами в два света, галереей в помпейском стиле и со всеми затеями бывшего барства.

В конце шестидесятых годов эта диковинка конца XVIII века была в неделю сломана каким-то молодым управляющим, одного железа было продано из него более чем десяток тысяч пудов, и место, где он стоял, было распахано на коноплянник. Золотые кареты и разные портшезы были тоже уничтожены тем же управляющим как ненужные вещи, занимающие только место в сараях. Этому погрому был очевидцем пишущий эти строки.

Глава XI

Странности фамилии Луниных. – Проказы Дм. Кологривова. – Оригиналы кн. Ц-ов и братья С. – Правнук Меншикова и его остроты и анекдоты

В старину был известен в Москве и Петербурге остряк П.М. Лунин, замечательно падкий на разные ордена, которыми, впрочем, он самовластно себя жаловал. После многолетнего пребывания за границей возвращается он в Москву. Генерал-губернатор, старый его приятель Д.В.Голицын, приглашает его на большой и несколько официальный обед. Перед обедом кто-то замечает хозяину дома, что у Лунина какая-то странная орденская бутоньерка на платье. Князь Голицын, очень близорукий, подходит к нему и, приставя лорнетку к глазу, видит, что на этой пряжке – звезды всех российских орденов, не исключая и георгиевской. «Чем это ты себя, любезнейший, разукрасил?» – спросил его князь с улыбкой. – «Ах, это дурак-Николашка, камердинер мой, все это мне пришили». – «Хорошо, – сказал князь, – но все же лучше снять». Разумеется, так и было сделано.

Вся фамилия Луниных отличалась большими странностями, даже женщины из этого рода были большие чудачки. Так одна из близких родственниц вышеназванного Лунина во время нашествия Наполеона на Москву осталась в столице, и, во все время его пребывания там, ничего не боялась и разъезжала то и дело по городу цугом. Она была пожилая женщина и очень богатая. И только что бывало услышит, что мы одержали какую-нибудь победу над неприятелем, велит заложить свою карету, сама разрядится как только возможно. Приедет на какую-нибудь площадь и махает платком из окна лакею, приказывая остановиться. «Стой, стой!» – кричит; народ сбежится смотреть, что за диковинка такая сидит в карете, в цветах и перьях, со спущенными стеклами, а она то к одному окну бросится, то к другому и кричит проходящим: «Эй, голубчики, подите сюда; слышали, мы опять одержали победу, да, победу, да и какую, голубчики: разбили маршала такого-то!». Потом высунется из другого окна и то же самое повторяет. Накричится вдоволь и отправится дальше. Там опять на рынке или на площади опять закричит: «Стой!» И опять кричит проходящим: «Победа, голубчики, победа!» И так все утро и разъезжает по городу из конца в конец.

В Петербурге в эти же годы проживала m-lle Лунина, про эксцентричности которой в столице ходило очень много рассказов, злословие про эту барышню тогда почти не знало границ.

Лунина была львица большого света. Она не была красавица. Лунина много путешествовала с матерью, была во Франции и Германии, знала хорошо музыку и обладала прекрасным голосом. В Париже, в салоне королевы Гортензии, она имела такой успех, что Наполеон просил ее петь в дружеском кружке, в Тюльери. Этого было достаточно тогда, чтобы имя ее сделалось знаменитым.

Жила она в Петербурге, в нижнем этаже дома князя Гагарина на Дворцовой набережной. – Рассказывали, что однажды рано утром император, совершая свою любимую прогулку по набережной, увидел, что кто-то вылезал из окна нижнего этажа. Потом через обер-полицмейстера он послал сказать хозяйке квартиры, чтобы она остерегалась, потому что ночью к ней могут влезть и похитить все, что у ней есть драгоценного. Рассказ этот в Петербурге повторялся со многими вариантами.

У Луниной хотя были живы отец и мать, но в петербургском обществе все говорили: салон m-lle Луниной. Лунина вышла в Италии замуж за какого-то певца Роччи. Но дуэт окончился неудачно. Она в сороковых годах проживала в Москве, в большой бедности, страсть к пению была причиной ее разорения.

Но кто был замечателен по странностям из Луниных, то это декабрист Михаил Лунин. Он слыл за чрезвычайно остроумного и оригинального человека. Тонкие его остроты отлича-

лись смелостью, хотя подчас и цинизмом, но это ему, как и его бесчисленные дуэли, сходило с рук. Лунин сперва служил в кавалергардском полку, но колоссальные долги заставили его покинуть службу и уехать за границу; здесь он сделался католиком и проживал в Париже, на чердаке, перенося всякие лишения, давая уроки и трудясь над трагедией «Лжедмитрий»; это произведение Лунин написал на французском языке, который знал лучше родного, вследствие тогдашнего воспитания.

По смерти своего отца он неожиданно сделался владельцем громадного состояния, приносившего ежегодно более 200 тыс. дохода. Он возвратился в Россию тем же манером, как и уехал из нее – не испросивши дозволения на возвращение, так как не считал себя беглецом. Он сел просто на корабль, прибыл в Петербург и отправился прямо без доклада в кабинет к князю Волконскому, жившему в Зимнем дворце. Волконский, увидев внезапно Лунина, просто остолбенел.

Лунин был принят государем на службу тем же чином, только в армию, служил в Варшаве у цесаревича и был самым близким к нему человеком. Участвуя в заговоре, сосланный в Сибирь, он проживал в Чите и Петровском заводе, затем жил на поселении. Резкие его статьи, которые он печатал в Англии, навлекли на него новую немилость правительства, он был арестован и заключен в акатуевскую тюрьму, где и умер скоропостижно.

Эксцентричность Лунина во время его военной службы доходила до невозможности так, будучи молодым кавалергардским офицером он побился об заклад, что проскачет нагим по Петербургу – и выиграл пари.

В Петербурге в двадцатых годах проживал Д.М.Кологривов. Он, несмотря на свой крупный чин и весьма важное звание, любил дурачиться, как школьник. Особенной страстью у Кологривова была страсть куличным маскарадам, последняя доходила до того, что он иногда наряжался старой нищей чухонкою и мел тротуары. Завидев знакомого, он тотчас кидался к нему, требовал милостыню и в случае отказа бранил по-чухонски и даже грозил метлою. Он дошел до того, что становился в Казанском соборе среди нищих и заводил с ними ссоры. Сварливую чухонку отвели раз даже на Съезжую, где она сбросила свой наряд и передней же извинились.

Граф Сологуб про него рассказывает: однажды государь готовился осматривать кавалерийский полк, вдруг перед развернутым фронтом пронеслась марш-маршем неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опор необыкновенно толстая дама в зеленой амазонке и шляпе с перьями. Рядом с ней на рысях рассыпался в любезностях отчаянный щеголь. За ними еще следовала небольшая свита. Неуместный маскарад был тотчас же остановлен. Дамою нарядился тучный князь Ф.С.Голицын, любезным кавалером оказался Кологривов. Шалунам был объявлен выговор, но карьера их не пострадала.

Однажды к известной благотворительнице Тат. Бор. Потемкиной пришли две монахини просить подаяния. Монахини были немедленно впущены, войдя в приемную, они кинулись на пол, творили поклоны и умоляли о подаянии. Растроганная Потемкина пошла в спальню за деньгами но, вернувшись, остолбенела от ужаса, монашенки неистово плясали впрысядку. То были Кологривов и другой проказник.

В Москве в первой четверти этого столетия проживал большой оригинал князь Ц-в, который также весьма любил наряжаться в нищенский костюм и на улицах играть роли Гарун аль-Рашида исправляя народные нравы. Почти каждый день в заплатанном костюме ходил он, похожий на лакея, и в этом виде бродил по рынку и заходил в лавки и, где только встречал обман или грубость, то тотчас, распахнув свой сюртук, под которым виднелась орденская звезда, нередко собственноручно наказывал виноватого, либо писал записку к обер-полицмейстеру и неосторожного тотчас же привлекали к ответу.

В числе больших оригиналов в Москве в начале нынешнего столетия были два брата С. Они, собственно, не принадлежали к аристократическому обществу, но в некоторых дворян-

ских кружках пользовались даже знаменитостью. Оба были очень красивые, видные мужчины, в них выражался некоторый разгул, некоторое молодечество, признаки царствования императрицы Екатерины II.

В 1806 г находились они ополченцами в одном отдаленном губернском городе. В самое то время, пред 12 декабря, днем рождения императора Александра, губернатор входил с представлением к высшему начальству, испрашивая дозволения пить на предстоящем официальном обеде за здоровье государя императора малагою, а не шампанским, потому что все шампанское, имевшееся в губернском городе и в уездах, выпито братьями С.

Правнук знаменитого Александра Даниловича Меншикова, князь Александр Сергеевич, один из последних сподвижников императора Александра Благословенного, славился своим остроумием. Остроумие его наделало ему множество врагов, но часто на него взваливали слова каких он никогда не говорил. Воспитанник энциклопедистов XVIII века, он стыдился мягкосердия и скрывал его под личиною насмешки, между тем на деле он был впечатлителен и сострадателен. Одному из близких ему лиц случилось один раз увидеть в глазах его слезу, которую он не успел стереть. «Зачем скрываете вы добрые волнения души? – сказал он князю, – и то говорят про вас, что вы не способны ни к какому человеческому чувству». – «Когда вы доживете до моих лет, – отвечал князь, – вы убедитесь, что люди не стоят того, чтобы беспокоиться о их мнении».

Огласки своей благотворительности он опасался так, как будто она была делом позорным, придумывал способы, как бы лучше это уладить, беспокоился о том, не разгласилось ли его благотворение, и на замечание, что его опасения доходят до странности, он отвечал, смеясь: «Я имею репутацию скупца, я дорожу этою репутациею и не хочу ее портить». П.А. Бартнев говорит, когда ему был пожалован дом в Петербурге на Английской набережной, он внес в инвалидный капитал от неизвестного сумму, равную стоимости дома.

Едва ли можно встретить другого человека, оцениваемого столь различным образом не только различными, но и одними и теми же судьями, как князь Меншиков. Ума обширного, соображения необыкновенно быстрого, памяти изумительной, князь с независимостью мнений соединял беспредельную преданность и покорность самодержавному своему монарху.

До самой смерти князь сохранял свойственную ему одному художественность повествования. Он не украшал рассказов ни одним отборным словом, ни одною эффектною фразою, ни возвышение голоса, ни жест не шли к нему на помощь. Устремив свои глаза на слушателя, князь спокойным, почти ленивым голосом обстановкаивал прежде всего сцену, потом излагал события с такою отчетливостью, что в представлениях слушателя обрисовывалась живая картина, которая так сильно врезалась в память, что уже не могла быть забыта. Князь прослужил 64 года и все время не переставал ни на минуту следить за всеми политическими событиями и за всеми успехами науки.

Когда Меншиков был назначен в Дрезден посланником, то это назначение он счел немилостью и подал в отставку. В отставке он страдал от бездействия. Вот его личный рассказ об этом времени: «Измученный праздностью, страдая бессонницею, от нечего делать, я отправился за советом к А.П. Ермолову. „Вы тоже были в опале, – сказал я ему, – тоже в отставке после деятельной жизни, скажите мне, что вы сделали, чтобы не сойти с ума?“ – „Любезный Меншиков, – отвечал Ермолов, – я нанял деревенского попа учить меня по-латыни; прочитал с ним Тита Ливия, Тацита, Горация, это чтение наполнило праздное время, укрепило во мне дух и дало мне тот слог, который так нравится нашей молодежи“. Я последовал было его совету взял деревенского священника и стал повторять латынь, но учитель мой редко бывал в совершенно нормальном виде, а между тем подвернулся мне сосед, мой почтенный Глотов, автор морской практики. Я вспомнил, что мне предлагали черноморский флот, и что я не мог принять его потому, что не имел понятия о морском деле – и стал учиться у Глотова».

Меншиков в течение своей жизни был известен на многих поприщах жизни. Из одиннадцати мундиров, право носить которые было ему предоставлено, он избрал и предпочитал морской и носил его постоянно в Севастополе, когда был его защитником. Ему раз сказал известный Денис Давыдов: «Ты, впрочем, так умно и так ловко умеешь приладить свой ум ко всему по части дипломатической, военной, морской, административной, за что ни возьмешься, поступи ты завтра в монахи – в шесть месяцев будешь ты митрополитом». Меншиков был самый усердный придворный и ничто не могло заставить его не быть во дворце в дни, назначенные для приезда ко двору.

Какой-то шутник утверждал, что когда в придворной церкви при молитве «Отче наш» поют: «но избави нас от лукавого», то князь Меншиков, крестясь, искоса глядел на Ермолова, а Ермолов делал то же, глядя на Меншикова. Однажды, явившись во дворец, Меншиков, став перед зеркалом, спрашивал у окружающих: не велика ли борода у него? На это бывший здесь же Ермолов отвечал ему: «Что ж, высунь язык, да обрейся!»

В другой раз великий князь Михаил Павлович сказал про Меншикова: «Если мы будем смотреть на лицо князя с двух противоположных сторон, то одному будет казаться, что он насмехается, а другому – что он плачет». Это замечание великого князя и остроумия Ермолова очень хорошо выражают характер Меншикова.

На лице Меншикова улыбка всегда была поддельная, чтобы скрыть впечатлительность, которой, как уже мы выше сказали, он всегда стыдился.

У князя Меншикова с графом Клейнмихелем были какие-то личности. В шутках своих князь не щадил ведомства путей сообщения. Когда строились Исаакиевский собор, постоянный мост чрез Неву и Московская железная дорога, он говорил: достроенный собор мы не увидим, но увидят дети наши; мост мы увидим, но дети наши не увидят, а железной дороги – ни мы, ни дети наши не увидят.

Во время работ железной дороги и моста было много толков. Дорогу все обещали кончить, а не было видно окончания работ, мост делали быстро, но не многие были уверены в его прочности.

Когда же скептические пророчества его не сбылись, он при самом начале езды по железной дороге говорил: «Если Клейнмихель вызовет меня на поединок, вместо пистолета или шпаги предложу ему сесть нам обоим в вагон и прокатиться до Москвы – увидим, кого убьет».

Перед окончанием постройки петербургско-московской железной дороги Клейнмихель отдал ее на откуп американцам, заключив с ними контракт. На основании этого контракта в первый год (с октября 1851 года) американцы пускали поезда только по два, потом по три раза в день, и каждый поезд составляли не более, как из шести вагонов. От этого товары лежали горами на станциях в Петербурге и Москве, а пассажиры третьего класса по неделе не могли получить билеты на проезд. Кроме того, американцы, раздробив следующую им плату по верстам, обольстили Клейнмихеля копеечным счетом, с каждой версты они назначили себе по $\frac{1}{2}$ копейки серебром; но из этого, по-видимому, ничтожного счета выходила огромная сумма, и все выгоды остались на стороне американцев.

В феврале 1852 года, когда общий ропот по этому случаю был в разгаре, прибыл в Петербург персидский посланник со свитой. Император приказал показать ему все редкости столицы, в том числе и новую железную дорогу. Сопровождавшие персиян, исполнив это поручение, подробно докладывали, что показано ими, и на вопрос его величества: «Все ли замечательное показано на железной дороге?» отвечали: «все». Меншиков, находившийся при этом, возразил: «А не показали самого редкостного и самого достопримечательного!» «Что такое?» – спросил государь. «Контракта, заключенного графом Клейнмихелем с американцами», – отвечал Меншиков.

В описываемое время на графа Клейнмихеля возлагались чрезвычайно разнообразные обязанности. Он возобновлял Зимний дворец после пожара, ему подчинена была Медико-

хирургическая академия, он строил железную дорогу. Такие многосторонние обязанности возбуждали в обществе остроты и большие толки.

В одном иностранном журнале явилось известие, что возобновление Зимнего дворца поручено доктору медицины Клейнмихелю, и в столице при каждом открытии вакансии важной государственной должности тотчас носились слухи, что на это место определен будет Клейнмихель. Его назначили, по городским слухам, и военным министром, и министром внутренних дел, и шефом жандармов.

В 1843 г., когда Клейнмихель был уже главноуправляющим путями сообщения, умер митрополит Серафим. Слушая разговоры и предложения о том, кто будет назначен митрополитом в Петербурге, Меншиков сказал: вероятно, назначат графа Клейнмихеля.

В 1843 году военный министр князь Чернышев был отправлен на Кавказ; предполагали, что он будет назначен главнокомандующим, а на место его будет Клейнмихель. В то время известный военный историк Михайловский-Данилевский, заботившийся в своем труде о том, чтобы выдвинуть на первый план подвиги тех генералов, которые могли бы быть ему полезны, и таким образом проложить себе дорогу, готовить новое издание описания войны 1813–1814 гг. Это издание уже оканчивалось печатанием. Меншиков сказал: «Данилевский, жалея перепечатать книгу, пускает ее в ход без переделки; но вначале сделал примечание, что все написанное о князе Чернышеве относится к графу Клейнмихелю». Когда умер Михайловский-Данилевский, Меншиков сказал: «Вот и еще баснописец умер!»

Меншиков тоже недолго любил графа Закревского, и когда тот после восемнадцатилетней отставки был назначен московским военным генерал-губернатором и вскоре после назначения получил звезду св. Андрея Первозванного, не имея ни александровской, ни анненской, ни Владимира 1-й степени, то Меншиков говорил: «Чему тут после того удивляться, что волтижерка Мо-жар скачет через ленту: Закревский вот и на старости перескочил через две».

Когда весной в 1850 г. Меншиков был в Москве вместе с государем, то, рассуждая о храмах и древностях Москвы, император заметил, что русские справедливо называют ее святою. «Москва действительно святая, – сказал с смирением князь Меншиков, – а с тех пор как ею управляет граф Закревский, она и великомученица!»

В морском ведомстве в прежнее время производство в генеральские чины шло очень туго и генеральского чина достигали только люди весьма старые, а полного адмирала очень уже престарелые. Этими стариками был наполнен адмиралтейств-совет и генерал-аудиториат морского министерства в память прежних заслуг. Очень понятно, что смертность в этих учреждениях была большая. И вот при одной из таких император Николай Павлович спросил Меншикова: «Отчего у тебя часто умирают члены адмиралтейств-совета?» – «Кто же умер?» – спросил в свою очередь Меншиков. «Да вот такой-то, такой-то» – сказал государь, насчитав три или четыре адмирала. «О! ваше величество, – отвечал князь, – они уже давно умерли, а в это время их только хоронили!»

Во время венгерской кампании австрийцы дрались очень плохо, и венгерскую кампанию, как известно, окончили одни русские. В память этой войны всем русским войскам была дана медаль с надписью. «С нами Бог, разумеете языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!» Меншиков сказал, что австрийский император роздал своим войскам медаль с надписью «Бог с вами!»

В 1859 году, когда начались натянутые отношения между дворами российским и турецким, Меншиков был отправлен в Константинополь чрезвычайным послом. Он был принят там с большою торжественностью, навстречу ему вышел патриарх, по всей дороге были расставлены турецкие войска. Меншиков отнесся к туркам с большою гордостью, как посол монарха не просящего, но повелевающего. На смотре войск он был в пальто с хлыстиком, даже свита его была одета довольно небрежно. С этой небрежностью князь являлся на переговоры, когда первые чины дивана встречали его со всеми почестями. Переговоры длились, султан изъявлял

согласие, но недоброжелатели России – англичане и французы – принуждали его пускаться в азиатские хитрости. Меншиков говорил, что диван здесь на английских пружинах.

В то время везде стали заниматься верчением столов и много говорили об открытии новой силы, которая заставляет от прикосновения человеческих рук ходить столы и другие вещи. Когда Меншикову говорили об этом, он сказал: «У вас вертятся столы, шляпы, тарелки, а от моего прикосновения – диван завертелся!»

Отпуская из Константинополя чиновника, на вопрос последнего, не прикажет ли его светлость еще что-либо сказать, «Больше ничего, – отвечал Меншиков, по обыкновению морщась и грызя ногти, – разве прибавь, пожалуй, что я здоров, что часто езжу верхом, что теперь объезжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что лошадь эту зовут Султан».

Во время Крымской войны командование армией ему не удалось, но ум его не мог и здесь не обозначиться. Меншикова не любила армия, в нем было много такого, что отталкивало от него. Всегда наморщенный и недовольный, он никого не дарил ни приветом, ни одобрением. Солдаты почти не видели его, генералы и офицеры не получали никаких наград. Перед сражением не было молебствия, после сражения главнокомандующий не объезжал поля битв, не выражал соболезнований об умерших и раненых.

В одной из первых стычек наших войск с неприятелем казак притащил пленного французского офицера на аркане. Этот офицер, явившийся к князю, жаловался, что казак бил его плетью. Князь обещал строго взыскать с виновного. Потребовав к себе казака, Меншиков расспросил его, как было дело. Донец рассказал, что офицер во время битвы три раза стрелял в него из пистолета, но ни разу не попал, что за это он накинул аркан на плохого стрелка и притащил его к себе, точно дал ему столько же ударов плетью, сколько раз тот прицелился. Князь расхохотался.

Пригласил к себе пленного офицера, при нем обращаясь к казаку, Меншиков начал делать строгий выговор, объясняя ему, что он обязан уважением и к пленным офицерам. Все это князь говорил ему на французском языке, и казак, ничего не понимая, только моргал глазами. С гневом подал знак рукою, чтоб казак вышел вон, князь обратился к пленному и спросил, доволен ли он решением. Французский офицер низко кланялся и не находил слов благодарить князя. По удалении пленного Меншиков снова потребовал казака, благодарил его уже по-русски за храбрость и ловкость и наградил его орденом.

В бытность князя морским министром во флоте служил капитан-лейтенант Ю-р, который вынужден был, по разным обстоятельствам, перейти в штат полиции, где вскоре назначен был частным приставом. Получив эту должность, Ю-р счел обязанностью откланяться министру. Князь принял его благосклонно и, обратясь к своим подчиненным, сказал: «Вот человек, все части света обошел, а лучше второй Адмиралтейской – не нашел!»

При одном многочисленном производстве генерал-лейтенантов в следующий чин (полного генерала), Меншиков сказал: «Этому можно порадоваться, таким образом многие худые генералы наши пополнеют».

Известные в свое время Бибиковы, Дмитрий, Илья и Гаврило Гавриловичи, в петербургском обществе известны были; первый – за гордеца, выведившего свой род чуть-чуть не от Юпитера, второй – за игрока, а третий – за хвастуна. Князь Меншиков говаривал, что из Бибиковых один надувается, другой продувается, а третий других надувает.

Особенно много анекдотов Меншиков рассказывал про бывшего министра финансов Вронченку, но большая часть из них не годится для печати, когда же после смерти графа Вронченки был назначен министром финансов товарищ его, П.Ф. Брок, то Меншиков заметил: «Видно, плохими оставил наши финансы Вронченко, когда уж прибегнули и ко Броку (к оброку)».

После освящения Кремлевского дворца император роздал многие награды, но всех более был награжден вице-президент комитета для построения дворца тайн. сов. барон Боде, ему дан

был следующий чин, алмазные знаки св. Александра, звание камергера и медаль, осыпанная бриллиантами, ценою в 10 000 р. сер. На это Меншиков сказал: «Что тут удивительного? Граф Сперанский составил один свод законов, и ему дана одна награда – св. Андрея, а вон Бобе – сколько сводов наставил!»

Когда приехал в Россию итальянский певец Рубини, он еще сохранял все пленительное искусство и несравненное выражение пения своего, но голос его уже несколько изменял ему. Спрашивали князя Меншикова, почему он не поедет хоть раз в оперу, чтобы послушать Рубини. «Я слишком близорук, – отвечал он, – не разглядеть мне пения его».

Император Николай Павлович однажды посетил Пулковскую обсерваторию. Не предупрежденный о посещении высокого гостя, начальник ее, Струве, в первую минуту смутился и спрятался за телескоп. «Что с ним?» – спросил император у Меншикова. – «Вероятно, испугался, ваше величество, увидав столько звезд не на своем месте».

Глава XII

Замечательные скряги Ку-вы. – Доктор-скупец. – Богач-раскольник и его странности. – Княгиня В-я и ее скупость. – Чудачества князя Г-на и его неряшливость. – Краснобаи и брат князя Ш-к. – Князь Д.Е. – Импровизация графа Красинского. – Баснословные рассказы Веревкина

Скупые русские люди, по общности своей страсти, мало отличаются от скупых других стран, все их действия более или менее одинаковы. Скряга меряет все на вес золота, кроме денег, для него не существует ничего, и страсть к ним с годами не только не слабеет, но, напротив, усиливается все более и более. Скряга вечно трепещет за свое богатство и старается как можно искуснее скрыть его от посторонних взоров; один прячет свои деньги в подвалы, другой опускает капиталы свои под пол, третий никогда с ними не расстаётся, четвертый беспрестанно перекладывает с одного места на другое, и так далее до бесконечности.

В Москве лет сорок тому назад, на Мясницкой улице, жили в своем пустынном доме муж и жена Ку-вы, страшные богачи; помимо дома, имели большое подмосковное имение и несколько десятков тысяч десятин земли в великорусских губерниях. Старики Ку-вы были именно тем и замечательны, что не знали, куда бы им спрятать свои деньги. Мысль эта терзала их постоянно, она мучила их днем и бросала в жар и холод ночью, когда не спят воры. Ку-вы ежечасно перемещали свою шкатулку: они относили ее в коровники, зарывали в саду перед окнами, и сами стояли на карауле день и ночь, раз они схоронили свои капиталы на городском кладбище, в другой раз они более месяца каждую ночь развозили свои деньги по городу в карете и только утром, когда рассвело, возвращались домой.

Однажды летом, собираясь в деревню, они, как на беду, перед самым отъездом получили много банковых билетов; чтобы спрятать их, они придумали зарыть билеты в золу под лежанку, на которой десятки лет лежала слепая, разбитая параличом, жена их дворника.

Возвратясь домой, – представьте себе весь их ужас, – они вдруг видят, что дворник развел под лежанкой огонь, чтобы согреть больную свою старуху. Быстрее птицы бросаются они к месту преступления, хватают воду, заливают огонь и руками разбрасывают горящие головешки. В отчаянии кричат: «Нас разорили, разорили, сожгли наши деньги». Бранясь и плача, им кое-как удалось, наконец, высвободить большую часть денег, до половины истребленных огнем. Много хлопот наделали им эти деньги, старик так и умер, ходя к министру и по банкам, прося их разменять или переменить. Много ходило рассказов в Москве про их скупость. Вечером их комнаты никогда не были освещены, когда им докладывал единственный их слуга-дворник о приезде кого-нибудь, то он или она, смотря по приезжему, т. е. его ли это гость или ее, выходили из внутренней комнаты со свечкою в руке. Когда же гость был общий, то муж и жена, встречаясь в противоположных дверях и завидя друг друга, спешили задуть свечу, так что гость оставался совершенно впотьмах.

Рассказывая про стариков Ку-вых, которые не знали, куда прятать деньги, нельзя не вспомнить другого богача-скрягу, бывшего доктора Б-го, который, чтобы напугать воров, украсил свои комнаты разными предметами ужаса: он расписал стены своей квартиры картинами, которые изображали ужасные или отвратительные сцены и возбуждали страх или отвращение зрителя, у входной двери в его квартиру стоял скелет женщины, убившей своего отца. Этот скелет заменял ему вешалку. У кровати красовался колоссальный скелет бывшего солдата, казненного за убийство. Третий скелет повесившейся старухи помещался у стола; между ребрами помещал он салфетки, ножи, ложки и вилки. Сахарница его состояла из распиленного наполовину черепа детоубийцы, а должность щипцов исправляла большая бедренная кость. Трубка

его была выдолблена из локтевой кости отравленного ребенка, а разные небольшие кости употреблялись для чистки трубки, вместо зубочисток и т. д.

Посреди такой угрюмой обстановки жил скряга-доктор. Этот образцовый скупец занемог с горя и досады на возрастающую за последние годы дороговизну съестных припасов, которых он, впрочем, и не был большим потребителем; его единственная старуха-кухарка утверждала, что он давно бы повесился, если б ему не жаль было денег на веревку. Наконец болезнь его приняла опасный оборот и свела его в могилу. За несколько минут до смерти он с трудом приподнялся на постели и последним вздохом своим задул свечу, стоявшую подле него на столе; вероятно, он думал в эту минуту, что можно умереть впотьмах.

На той же петербургской улице, где жил доктор-скряга, проживал другой богач, проводивший дни свои в уединении, окруженный одними деньгами всех сортов. Это был купец-раскольник. Вместо того, чтобы прятать свои деньги, он раскладывал их по полу своей комнаты. В его комнате, куда никто не входил, потому что нечего было в ней убирать, лежало несколько сот тысяч рублей. Однажды в эту комнату забежала со двора собака, толкнула нечаянно стол, у которого недоставало ножки, стол упал, и деньги рассыпались по полу. В продолжение двух десятков лет, которые суждено было еще прожить этому чудачку, он не поднял ни стола, ни денег, а удовольствовался только тем, что раздвинул их ногами и проложил таким образом тропинку от постели к двери и окошку.

После его смерти потребовалось несколько дней, чтобы собрать все его деньги. Большая часть его богатств была найдена за шкафом, часть за половиком и много золота в проеденных молью валенках. Странная судьба постигла богатства этого чудачка. Когда умер старик, никто не мог сказать; труп его был найден чуть ли не на второй неделе после смерти, – родственников у него не оказалось в Петербурге, и приводить в порядок наследство стал местный квартальный надзиратель с понятыми.

История наследства передает следующее: одних золотых монет было собрано пять мешков, а серебра и бумажек целых два сундука; но наследники вряд ли получили и один сундук с серебром: деньги куда-то испарились.

В числе лиц, обуреваемых большою скупостью, была известная княгиня В., жена высокопоставленного сановника. Она одевалась более чем скупой, в какие-то лохмотья. Из экономических видов она не имела никогда при себе горничной, и все ее обязанности исправлял при ней старый лакей.

В жизни она была скупа до смешного, до крайности. Так, являясь в гости к своим знакомым, она имела обыкновение прятать в свои карманы сахар, сухари, булки. Путешествуя за границей, она приехала к своему старому знакомому, у которого и поселилась в его палатце; он уступил ей лучшую комнату с тем, что она будет заботиться об ее отоплении.

Княгиня часто ходила гулять одна по городу, и раз, когда она возвращалась с прогулки, он встретил ее сам в передней, хотел снять с нее бурнус, но она, не допустив этого, поспешила в свою комнату. Но, увы! посреди этих церемоний ротонда распахнулась, и из-под нее к ногам хозяина выпало большое полено. Княгиня, заручившись им во время своей прогулки, несла его для своей печки. Можно представить себе последовавшую комическую сцену. При всей своей скупости княгиня, однако, не была глуха к бедным и благотворила истинно нуждающимся щедрою рукою.

В тридцатых годах нынешнего столетия вечером или рано утром на Миллионной улице можно было встретить прогуливающегося невысокого роста, с умною добродушною физиономией, старика, летом всегда без шляпы с ермолкою на лысой голове и в халате, подвязанном красным фуляром вместо пояса.

Старику этому всегда сопутствовал одетый в ливрею лакей. Эта оригинальная личность в свое время пользовалась большою известностью в столице. Дом его на Миллионной был

самый богатый аристократический, а владелец его, князь Г-н, служил генерал-адъютантом у двух императоров – Павла I и Александра I.

После смерти своей красавицы жены князь сделался философом-отшельником и, разочаровавшись в людях, возлюбил одних птиц и собак; о своей наружности, прежде очень красивой, князь не помышлял более и ходил таким неряхой, какого другого и не найти. Смерть жены подействовала на него вначале так сильно, что он заперся, никуда не выходил, никого не принимал, даже родных; не было друга, который мог бы ободрить, успокоить, утешить его.

В первое время единственным его развлечением была прогулка по саду, устроенному на дворе над конюшными и сараями, в котором посередине стоял мраморный бюст его жены. Князь жил в третьем этаже, куда вела круглая лестница. Первая зала была освещена сплошными окнами, упирающимися в пол. Все стены этой комнаты были заставлены полками с книгами, за неимением места на полках множество книг валялось на полу.

Петербургские книгопродавцы обязаны были все вновь вышедшие или полученные из-за границы книги немедленно доставлять князю. По прочтении или просмотре книжка бросалась в библиотечную кучу. Следующая затем комната была бильярдная. По стенам висели прекрасные картины, из которых многие подарены были императором Павлом, с его печатью сзади картин. В этой комнате по всем углам и около бильярда поставлены были сосновые и еловые большие ветви, на которых сидели, порхали, чирикали сотни чижей, снегирей, синиц и других птичек.

Все это летало по воле, ело и пило из расставленных сосудов, портило мебель и картины, из которых некоторые так были залеплены, что нельзя было рассмотреть сюжета. Остальные роскошные комнаты князя были в высшей степени загрязнены целыми сотнями собак. Эти животные имели право ложиться на коврах, на диванах и креслах.

Князь всякий раз во время своих прогулок по городу, если встречал какую-нибудь уродливую, хромую, кривую или забитую уличную собаку из числа тех, которых фурманщики по ночам в те времена убивали, приводил домой, вылечивал и поселял в своем кабинете. В известный час князь из своего кабинета через балкон по маленькой витой лестнице выходил на террасу, которая соединялась с его висячим садом; здесь он, несмотря ни на какую погоду зимой и летом, открывал приготовленные его слугами корзины, наполненные крошками хлеба и разным зерном. При появлении князя все галки, голуби, вороны, воробьи с соседнего Мраморного дворца и со всей Миллионной бесчисленными стаями, с оглушительными криками бросались на террасу и поглощали все то, что рассыпал князь.

Замечательно, что он лет за пятнадцать до смерти вылечился от описанных странностей, сделался балетоманом, женился на танцовщице и затем разъезжал с доезжачими и борзятниками по окрестностям Петербурга. Умер он на своей даче на берегу Невы.

Как бы в пару этому князю-неряхе в описываемые годы жил в Петербурге граф Аракчеев, которого до такой невероятной степени была развита любовь к опрятности, что доходила до смешного. К выше уже рассказанным чудачествам добавим следующие черты его характера. Так, его сад в Грузии славился такою чистотою, что трудно было найти в саду на дорожке хоть один блеклый листик. Дети его крестьян таились в кустах; их обязанность состояла подбирать листья, падающие с деревьев.

Существует рассказ по какому-то случаю, кажется, по случаю пожара в городе. Государь однажды ночью прислал за ним, чтобы ехать вместе. Вскочив с постели, Аракчеев начал поспешно одеваться; на беду, когда он почти совсем был одет, камердинер по неосторожности капнул со свечи на палевые штаны. Как ни спешил Аракчеев, однако разделся, несмотря на то, что за другими штанами нужно было пробежать несколько комнат. Своим переодеванием он заставил государя прождать минут пять лишних, – до такой изысканности доходило у него требование чистоты.

В ряду острых краснобаев и больших вралей, забавлявших в двадцатых и тридцатых годах петербургское общество своими затейливыми выходками и неожиданными рассказами вроде знаменитого барона Мюльгаузена, был известен князь Ш-ов.

В начале нынешнего столетия Адмиралтейский бульвар был центром, из которого распространялись по городу вести и слухи, часто невероятные и нелепые. Бывало спрашивали: «Да где вы это слышали?» – «На бульваре», – торжественно отвечает вестовщик, – и все сомнения исчезали. Бульварных вестовщиков тогда называли «гамбургской газетой». Князь Ш-ов был известный бульварный вестовщик и почти ежедневно здесь тешился такими проделками. Выдумает какую-нибудь победу и начнет о ней рассказывать на бульваре от Дворцовой набережной до средних ворот Адмиралтейства, но всегда с прибавлением: «Так я слышал, может быть это неправда». Пройдет до другого конца бульвара, у Сената, и поворотит назад. Встречные уже останавливают его: «Слышали ли вы? Победа, сто тысяч пленных, двести пушек, Бонапарт ранен, Даву убит». «Быть не может, – возражает сочинитель бюллетеня, – это вздор, выдумка!» – «Вот еще! Я слышал от верных людей. Видели фельдъегеря, весь в грязи и в пыли. Худой же вы патриот, если не верите!»

В Москве в первых годах нынешнего столетия жил большой хлебосол князь Д. Е., вместе с этим радушным качеством обладавший еще необыкновенным талантом врать без запинки, князь в своих рассказах не уступал даже барону Мюльгаузену. Обед у князя был всегда чудесный, и, как говорил хозяин, стряпала его кухарка – провизия тоже все домашняя – стерляди и осетры из его прудов, громадные раки ловились тоже в небольшой речке, протекающей по Люблину, телятина белая как снег со своего скотного двора, фрукты тоже из своих оранжерей, а персики чуть ли не выращенные на открытом воздухе, шампанское тоже свое, из крымского имения.

Происшествия, случавшиеся с ним, были так необыкновенны, что нельзя было им не удивляться. Так он, между прочим, говорил о каком-то сукне, которое он поднес Потемкину, вытканном по заказу его из шерсти одной рыбы, пойманной им в Каспийском море. Каких чудес он не видал на свете! Во время проливного дождя он является как-то к своему приятелю: «Ты в карете?» – спрашивает тот его – «Нет, я пришел пешком». – «Да как же ты вовсе не промок?» – «О, – отвечает он, – я умею очень ловко пробираться между каплями дождя». Императрица Екатерина отправляет его курьером в Молдавию к князю Потемкину с собольей шубою. Нечего уже говорить о быстроте, с которою проехал он это пространство. Он приехал, подал Потемкину письмо императрицы. Прочитав его, князь спрашивает: «А где же шуба?» – «Здесь, ваша светлость!» И тут вынимает он из своей курьерской сумки шубу, которая так легка была, что уложилась в виде носового платка. Он встряхнул ее раза два и подал князю.

Таким же вдохновенным и замысловатым в своих импровизациях был в старину и польский граф Красинский. Кн. Вяземский рассказывает, что он сам наслаждался своими импровизированными рассказами. Граф был блестящей храбрости генерал, но его вдохновение было еще храбрее. После удачного и смелого нападения на неприятеля, совершенного конным полком под его командою, прискакивает к нему на месте сражения Наполеон и говорит: «Vincent! je te doïsla couгоппе»,⁵ и тут же снимает с себя звезду Почетного Легиона и на него надевает. «Как же вы никогда не носите этой звезды?» – спросил его простодушный слушатель. Опомнившись, Красинский сказал: «Я возвратил ее императору, потому что не признал действия моего достойным подобной награды».

Однажды он занесся в своем рассказе так далеко и так высоко, что, не зная как выпутаться, сослался для дальнейших подробностей на своего адъютанта, тут же находившегося. «Ничего сказать не могу, – заметил тот, – вы, граф, вероятно, забыли, что я был убит при самом начале сражения».

⁵ Винсент! Я должен тебя наградить (фр.).

Две приятельницы, рассказывал Красинский, встретились после долгой разлуки где-то неожиданно на улице. Та и другая ехали в каретах. Одна из них, не заметив, что стекло поднято, опрометью кинулась к нему, пробила стекло головою, но так, что оно насквозь перерезало ей шею и голова скатилась на мостовую перед самую каретою ее искренней приятельницы. Таких рассказчиков, как выше названные, нельзя называть лгунами – это скорее поэты-импровизаторы.

Такой же краснобай и рассказчик был еще придворный века Екатерины II некто М.И. Веревкин, автор комедии и переводчик Корана, издатель многих книг, напечатанных без имени, а только с подписью деревни его: Михалево. Князь Вяземский рассказывает, что он сделался известным императрице Елизавете Петровне по следующему случаю. Однажды перед обедом, прочитав какую-то немецкую молитву которая ей очень понравилась, изъявила она желание, чтобы перевели ее на русский язык.

– Есть у меня один человек на примете, – сказал Шувалов, который изготовит вам перевод до конца обеда, – и тут же послал молитву к Веревкину.

Так и сделано. За обедом принесли перевод. Он так полюбился императрице, что тотчас же или вскоре наградила она переводчика 20 000 руб. Вот что можно назвать успешною молитвою!

Веревкин любил гадать в карты. Кто-то донес Петру III о мастерстве его: послали за ним. Взяв в руки колоду карт, выбросил он на пол четыре короля. «Что это значит?» – спросил государь. «Так фальшивые короли падают перед истинным царем», – отвечал он. Шутка оказалась удачною, а гадания его произвели сильное впечатление на ум государя. И на картах ему посчастливилось. Вслед за этим отпустили ему казенный долг в сорок тысяч рублей.

Император сказал о волшебном мастерстве Веревкина императрице Екатерине и пожелал, чтобы она призвала его к себе. Явился он с колодою карт в руке. «Я слышала, что вы человек умный, – сказала императрица, – неужели вы веруете в подобные нелепости?» – «Ни мало», – отвечал Веревкин. – «Я очень рада, – прибавила государыня, – и скажу, что вы в карты наговорили мне чудеса».

Когда Веревкин приезжал из деревни в Петербург, то с шести часов утра прихожая его наполнялась присланными с приглашениями на обед или вечер, хозяева сзывали гостей на Веревкина.

Отправляясь на вечер или на обед, говорят, он спрашивал своих товарищей: «Как хотите, заставить ли мне сегодня слушателей плакать или смеяться?» И с общего назначения то морил со смеха, то приводил в слезы.

Веревкин был директором Казанской гимназии, когда Державин был там учеником. «Помнишь ли, как ты назвал меня болваном и тупицею?» – говаривал потом бывшему начальнику своему тупой ученик, переродившийся в министра и статс-секретаря и первого поэта своей нации.

Старинные комедии всегда любили личности. Таковы комедии и Веревкина, первая «Так и должно» написана на подъячих, вторая, небольшая шутка, написана на Суворова, в ней осмеяны странные причуды его; третья его комедия «Точь-в-точь», сочиненная в Симбирске, что означено на ее заглавии. Ив. Ив. Дмитриев говорит, что он помнил еще воеводу и секретаря, изображенных в последней. В старые годы аристофановскою вольностью страдали все драматурги. Комедия кн. Дашковой «Господин Топсеков» была тоже копиею с лица известного. О комедии Лукина «Мот, любовью исправленный» говорит Новиков в своем «Словаре писателей», что сочинитель ввел в свою комедию два смешных подлинника, которыми представлявшие актеры весьма искусным и живым подражанием, выговором, ужимками и телодвижением, также и сходственным к тому платьем, весьма много смешили зрителей. Комедия Крылова «Проказники» была написана на семейство Княжнина. Комедия князя Шаховского «Новый Стерн и Липецкие воды» возбудила негодование многих современников тоже за намерение

изобразить известных лиц. Несколько эпиграмм по этому случаю были написаны на Шаховского. В «Горе от ума» Грибоедова тоже в Москве узнавали людей известных, и в Фамусове – Алексея Федоровича, дядю сочинителя.

Комедия Веревкина «Так и должно» была дана на открытие тамбовского театра, пьеса эта, как пишет Державин, была им избрана с нравоучительною целью, она была направлена против подъячих и крючкотворцев, которых Державин немало застал в Тамбове.

Глава XIII

Оригинал П.Г. Демидов. – Чудачества князя Грузинского. – Страсть его укрывать беглых и бродяг. – Странности адмирала Ф.Ф. Ушакова. – Остряк генерал Львов. – Помещица Ра-на и ее двор. – Князь Г. Г-н и гофмаршал, камергеры и фрейлины. – Придворный штат села князя Куракина. – Самодурства князя «Юрки». – Чудачества князя Голицына, прозванного Jean de Paris. – Князь «Cosa rara» и его баснословная расточительность

Известный создатель Ярославского лицея Пав. Гр. Демидов – пожертвовавший не один миллион науке и народному просвещению, отличался большою скромностью, граничащею с чудачеством. Нравственная сторона его жизни достойна подражания. Он был всегда тих, кроток, прямодушен, честен, справедлив и во всем чрезвычайно умерен. Его строгая жизнь и умеренность были изумительны.

При своих несметных богатствах он тратил на стол шесть, семь рублей в месяц. Утром обыкновенно он пил чашку кофе или шоколад, обед его состоял из самого слабого бульона и одной котлетки, из которой он сосал только сок. После обеда пил чай с молоком, не более одной чашки, а зимой ел пять, шесть ложек кислого молока, хлеба употреблял в день не более четверти фунта.

Будучи врагом всякой роскоши, носил несколько лет один кафтан. Он целый день проводил в письменных ученых занятиях, музыку любил страстно и сам играл на скрипке и фортепиано. Никогда, никаких праздников и обедов у себя не давал, и его называли скупым за то, что он не давал никому займы денег. «Всякий должен довольствоваться тем, чем его благословил Бог», – говорил он. Со своих многочисленных крестьян он брал в год оброк с семейства только пять рублей Своего рода филантропом считал себя проживавший в начале нынешнего столетия в богатом приволжском своем имении, с. Лыскове, Нижегородской губернии, князь Е.А. Грузинский; он вообразил, что послан, чтоб покровительствовать всем бедным и угнетенным, в силу чего он принимал к себе с большим радушием всех беглых и несчастных, а также укрывал у себя и бежавших крепостных, чем-нибудь недовольных от его соседей. Число таких призреваемых у этого богатого князя возросло до нескольких сот человек. Лысково известно было на сотни верст как странноприимный приют, в котором принимались с большим разбором и с удостоверением в том, что прибегающий к помощи был не вор, не убийца, а только простой бродяга.

На земскую полицию князь наводил почти какой-то ужас – у него были под домом подземелья и таинственные в лесах становища. Князь был суров нравом, и суд его над беглыми был более чем жесток иной раз. Князь И.М. Долгорукий говорит про князя, что этот человек – отважный буян, он вмешивался в дела каждого, судил и рядил по произволу и каждому доказывал вину его и правоту коренными русскими аргументами, т. е. кулаками: кому глаз выбьет, кому бороду выдерет – такова юстиция его светлости, все жители губернии не смеют на него жаловаться, все запугано пышным его именем. Селение его наполнено беглыми, они у него торгуют, водворяются, и никто их пошевелить не смеет. Правительство местное все это знает, но молчит, а то князь по своим связям надует такие тучи, от которых никто не спасется.

Когда князь, наконец, был предан суду за притоно-держательство беглых, то он воскликнул с удивлением: «Как суд? Суду за добрые дела! Да я сколько хлеба одного каждогодно издерживаю на таких гостей».

Известный своими победами на море в екатерининское время адмирал Федор Федорович Ушаков в частной жизни отличался большими странностями: при виде женщины, даже пожилой, приходил в страшное замешательство, не знал, что говорить, что делать, стоял на одной ноге, вертелся, краснел.

Отличаясь, как Суворов, неустрасимую храбростью, он боялся тараканов, не мог их видеть. Нрава он был очень вспыльчивого: беспорядки, злоупотребления заставляли его выходить из приличия, но гнев его скоро утихал. Камердинер его, Федор, один только умел обходиться с ним, и когда Ушаков сердился, он сначала хранил молчание, отступал от Ушакова, но потом сам в свою очередь возвышал голос на него, и барин принужден уже был удаляться от слуги, и не прежде выходил из кабинета, как удостоверившись, что гнев Федора миновал. Ушаков был очень набожен, каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню, и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием военно-судных дел; утверждая приговор, был исполнен доброты.

Ушаков был долго грозою и бичом турок, которые иначе его не называли, как паша-Ушак; он приобрел все чины и все знаки отличия только лично своею храбростью.

Происходил он родом из бедных тамбовских дворян, Темниковского уезда, и очень любил всем рассказывать, как он в молодости ходил в лаптях.

В 1801 году Ушаков определен был главным командиром Балтийского порта и всех корабельных экипажей, находившихся в Петербурге. Он представил в 1806 году в дар отечеству алмазную челенгу; но император возвратил ему, сказав, что знак этот должен сохраняться в потомстве его как памятник подвигов его на водах Средиземного моря.

Суворов очень уважал Ушакова. Когда в бытность его в Италии к нему приехал курьер с депешами от Ушакова, начальствовавшего в то время соединенным российско-турецким флотом в Средиземном море, то, прочитав некоторые бумаги, Суворов вдруг обратился к привезшему их и спросил: «А что, здоров ли мой друг Федор Федорович?» Посланный курьер-немец не сразу догадался, о чем спрашивает Суворов, и, не знавший еще всех причуд героя, смутившись сказал: «А, господин адмирал фон Ушаков! Я оставил его в добром здоровье, и он поручил мне засвидетельствовать вашему сиятельству свое искреннее почтение». – «Убирайся ты с твоим „фон“! Этот титул ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому что они ни хитбешмирзагеры, немогузнайки, а человека, которого я уважаю, который своими победами сделался грозою для турок, потряс Константинополь и Дарданеллы и который, наконец, начал теперь великое дело – освобождение Италии, отнял у французов крепость Корфу, еще никогда не уступавшую открытой силе, этого человека называй всегда просто – Федор Федорович!» Ушаков умер в 1817 году в своем тамбовском имении, ведя жизнь почти отшельническую.

К числу больших причудников и остряков надо отнести любимца Потемкина, генерала от инфантерии Сергея Лаврентьевича Львова. Этот придворный, вместе с острым умом, отличался примерною храбростью и редким присутствием духа – его воинские подвиги известны при осаде Очакова и взятии Измаила, где он командовал первую колонною правого крыла.

Известный Spada в своих *Ephemerides Russes* (St Pe'tersbourg, 1816) приводит несколько остроумных анекдотов этого генерала.

Вот некоторые анекдоты Львова. Лорд Витворт подарил императрице Екатерине II огромный телескоп, которым она очень восхищалась. Придворные, наводя его на небо, уверяли, что на луне различают даже горы. «Я не только вижу горы, но и лес», – сказал Львов. «Ты возбуждаешь и во мне любопытство», – произнесла императрица, вставая с кресел. «Торопитесь, ваше величество, – продолжал Львов, – лес уже начали рубить; подойти не успеете, как его срубят».

«Что ты нынче бледен?» – спросил его раз Потемкин. «Сидел рядом с графиней Н., и с ее стороны ветер дул, ваша светлость», – отвечал Львов. Графиня Н. сильно белилась и пудрилась.

«Давно ли ты сюда приехал и зачем?» – спросил Львов своего друга, встретив его на улице. – «Давно и, по несчастью, за делом». – «Жаль мне тебя! А у кого в руках дело?» – «У N N.». – «Видел ты его?» – «Нет еще». – «Так торопись и ходи к нему только по понедельникам. Его секретарь обыкновенно заводит его по воскресеньям, вместе с часами, и покуда он не размахается, путного ничего не сделает». Львов говорил про секретарей, что они имеют сходство

с часовой пружиной, потому что невидимо направляют ход. По словам Храповицкого, императрица Екатерина II, едучи в Крым, исключила из своей свиты Львова, сказав: «Бесчестный человек в моем сообществе жить не может», но потом государыня простила Львова и всегда щедро награждала по представлениям Потемкина. Гнев императрицы на Львова, как полагать надо, вышел за неплатеж долгов Львовым: он был очень небогатый человек и всегда запутанный в своих денежных делах. Львов с воздухоплавателем Гарнереном летал в воздушном шаре. Известный тоже остряк Александр Семенович Хвостов напутствовал его вместо подорожной следующим экспромтом:

Генерал Львов
Летит до облаков,
Просит богов
О заплате долгов.

На что Львов, садясь в гондолу, отвечал без запинки такими же рифмами:

Хвосты есть у лисиц, хвосты есть у волков.
Хвосты есть у кнутов, берегись, Хвостов.

На вопрос известного адмирала Шишкова, что побудило его отважиться на опасность воздушного путешествия с Гарнереном, Львов объяснил, что, кроме желания испытать свои нервы, другого побуждения к тому не было. «Я бывал в нескольких сражениях, – сказал он, – больших и малых, видел неприятеля лицом к лицу и никогда не чувствовал, чтоб у меня забилося сердце. Я играл в карты, проигрывал все, до последнего гроша, не зная, чем завтра существовать буду, и оставался так же спокоен, как бы имея миллион за пазухою. Наконец, вздумалось мне влюбиться в одну красавицу-полячку, которая, казалось, была от меня без памяти, но в самом деле безбожно обманывала меня для одного венгерца; я узнал об измене со всеми гнусными ее подробностями и мне стало смешно. Как же, я думал, дожить до шестидесяти лет и не испытать в жизни ни одного сильного ощущения! Если оно не давалось мне на земле, дай поищу его за облаками: вот я и полетел. Но за пределами нашей атмосферы я не ощутил ничего, кроме тумана и сырости, немного продрог – вот и все».

Император Павел I, разговаривая однажды с Львовым на разводе, облокотился на него.

– Ах, государь, – произнес с сожалением Львов, – могу ли я служить вам опорой?

Однажды Потемкин рассердился на Львова за что-то и перестал говорить, но Львов не обратил на это особенного внимания и продолжал каждый день обедать у фельдмаршала.

– Отчего ты так похудел? – спросил, наконец, его Потемкин.

– По милости вашей светлости, – отвечал сердито Львов.

– Как так?

– Если бы вы еще немного продолжали на меня дуться, то я умер бы от голода.

– Я ничего не понимаю! – возразил Потемкин. – Какое может иметь отношение к голоду моя досада на тебя?

– А вот какое, и очень важное: прежде все оставляли меня в покое и не нарушали моих занятий, а чуть только показали бы мне хребет, я не стал иметь отдыха. Едва только поднесу ко рту кусок, как его отрывают вопросами. Не смел же я не отвечать, находясь в опале.

Любимая племянница Потемкина, графиня Браницкая, забавляясь однажды при Львове примериванием разных нарядов, обернула себе голову драгоценным собольим боа.

– Как я в этом буду? – спросила она Львова, кокетничая.

– Просто будете с мехом (смехом), – отвечал он. «Какое различие между трутом и школьником? – спросил он однажды, и когда все затруднились ответом, сказал: – То, что трут прежде высекут, а потом положат, а школьника сперва положат, а потом высекут».

По рассказам С.П. Жихарева Львов в обществе был неистощимый рассказчик разных любопытных происшествий в армии при фельдмаршалах Румянцеве и князе Потемкине: он забавлял людей, которые, кажется, от роду своего не смеялись никогда.

Лет пятьдесят, шестьдесят тому назад у нас в России, особенно в провинции, мудро было удивить самодурством. Редкий из зажиточных помещиков не отличался особыми причудами. На такие причуды ушли колоссальные состояния.

В Орловской губернии, в Малоархангельском уезде, жила помещица старушка Ра-на, помешанная на всевозможных придворных церемониях. Зал, в котором она принимала своих знакомых и «подданных» (как величали тогда своих крепостных людей), представлял нечто до нелепости странное; это была большая комната в два света, расписанная в виде рощи, пол которой изображал партер из цветов; посредине был устроен из зеркальных стекол пруд, на котором плавали искусственные лебеди; по дорожкам стояли алебастровые фигуры богов и богинь древней Греции.

Клумбы из искусственных цветов во время выходов помещицы напрыскивались одеколоном и «альпийской водой». На больших деревьях, там и сям поставленных, порхали снегири, синицы и другие певчие птицы. Сама помещица сидела на золотом троне, в ногах ее стояли и лежали пажи и арабчики.

Каждое воскресенье и двенадцатые праздники здесь происходили приемы после обедни; первым являлся сельский священник с причтом, о. диакон нес торжественно на серебряном блюде большую просфору. Несмотря на то, что церковь от усадьбы была в расстоянии полуверсты, помещица к обедне ездила всегда со свитой не менее, как в пятьдесят человек. Кроме господского, экипажей в поезде было не менее десяти; сама владелица ехала в громадной откидной колымаге, называемой «Лондоном», запряженным восьмериком. Кучер сидел так высоко, что был на уровне с коньками крестьянских изб. Второй экипаж был дермез, запряженным четверкой, третий – четырехместная коляска в шесть лошадей, потом коляска двухместная, потом крытые дрожки, потом две польские брички; наконец, две-три линей и несколько кожаных кибиток. Барыня была жена генерала, любила почет и уважение. Торжественные приемы ее, как говорили, доходили до Петербурга, но им только посмеивались; таких помещиц и помещиков было тогда немало.

Князь Г. Г-н, один из самодуров тоже замечательных, в своем подмосковном поместье учредил даже нечто вроде маленького двора из своих «подданных». У него были гофмаршалы, камергеры, камер-юнкеры и фрейлины, была даже и «статс-дама», необыкновенно полная и представительная вдова-попадья, к которой «двор» относился с большим уважением: она носила на груди род ордена – миниатюрный портрет владельца, усыпанный аквамаринами и стразами. Князь Г. своим придворным дамам на рынках Москвы скупал поношенные атласные и бархатные платья и обшивал их галунами. В празднику него совершались выходы; у него был составлен собственный придворный устав, которого он строго придерживался.

Балы у него отличались особым этикетом, – на его балах присутствовали только его придворные. В зале, ярко освещенном, размещались приглашенные, и когда все гости были в сборе, с хор неслись звуки торжественного марша, сам барин входил в зал, опираясь на плечо одного из своих гофмаршалов. Бал открывался полонезом, причем помещик вел «статс-даму», которая принимала приглашение князя, предварительно поцеловав его руку. Князь удостоивал и других дам приглашением на танец, причем они все прежде подобострастно прикладывались к его руке. Бал завершался шумным галопом, а последний нередко превращался в веселую барыню.

В Орловской губернии, в нескольких верстах от уездного города Малоархангельска, существует большое село князей К-ных. Там, на обширном дворе, в виду сельского храма, виднеется небольшое кладбище, обросшее пирамидальными тополями. Кладбище это переносит нас к бывшим барским причудам одного из владельцев, причуды которого мы уже рассказали выше. Там между несколькими уцелевшими весьма недурными каменными мавзолеями еще в шестидесятых годах можно было отыскать несколько с особами пышной дворни князя К. В одной могиле похоронена «девица Евпраксия, служившая до конца дней своих при дворе его сиятельства камерюнгферой», на другой могиле написано, что «в ней покоится Сенька Триангильянов», бывший в ранге полицмейстера в придворном штате его сиятельства, далее находим «Стремяной Иаким Безупречный, проливший кровь за своего властелина 9-го октября 1819 года» и т. д.

Что только ни происходило при жизни этого гордого вельможи! Окруженный многочисленной дворней, он, как и брат его, разыгрывал при ней роль немецкого принца и мечтал, что он в своем владельческом княжестве. Он давал такие обеды, за которыми как хозяин, так и гости бывали так пьяны, что не могли ни дверей сыскать, ни без помощи слуги сесть в свою карету. Это называлось на языке князя «обеды при закрытых дверях». Он принимал приезжих гостей обыкновенно у себя в спальне, когда ему мылили бороду; по сторонам его стояли шуты в золоченых камзолах. Гордость князя граничила до смешного, он рассчитал своего старого домового доктора за то только, что тот осмелился ночью, во время приступа болезни князя, явиться не во фраке. Кто, впрочем, в былые годы не доходил до сумасбродства в деревне, чтобы показать себя своим вассалам и чинить там суд и расправу?

Известный своим самодурством Голицын, по прозванию «Юрка», рассказывает, как он в юношеских своих годах приехал в свое родовое имение по выпуске из Пажеского корпуса, где он окончил курс с первым гражданским чином. До выезда из Петербурга он послал в вотчинную контору приказ, которым уведомлял, что будет в Троицын день, в престольный праздник; позднюю обедню он предполагал слушать в приходском своем соборе, о чем предписывал уведомить как духовенство, так и окрестных помещиков, и подлинный его приказ прочесть на мирском сходе. Ему казалось, – как он сам иронически замечает, – что величественнее этого приказа до сих пор еще ничего не было; для пущей важности приказ был написан на бристольской бумаге, вложен в огромный конверт казенного формата, с гербового печатью в ладонь, и отправлен по эстафете, т. е., – думал он про себя, – «таким образом посылаются только царские грамоты».

Ну, вот и поехал он в свои владения в зеленой коляске как император, с двумя лакеями: первый был в ливрее, второй – в военной форме; почему он нарядил его так, он и сам разъяснить не мог. В коляске барина лежал еще большой черный водолаз. Сзади его в другой коляске ехали секретарь, приживальщик, повар и казачок.

Помещик, как и следовало ожидать, был встречен хлебом-солью от крестьян. При этой депутации явилось также в вицмундирах несколько чиновников земского и уездного судов и дворянской опеки, имевших, вероятно, в виду продолжать эксплуатацию, начавшуюся со времени взятия имения в опеку.

Не доезжая до села, дежурная тройка поскакала дать знать становому, который и приехал почтительно встретить юного владельца и с полверсты скакал перед ним до церковной паперти. Лишь только экипажи показались на плотину, с колокольни послышался благовест; народ перекрестился и побежал к барину навстречу. «Меня самодовольно передернуло, – рассказывал князь, – и я, обратясь к камердинеру, приказал подложить под меня третью кожаную подушку, чтобы многочисленные мои дети могли лучше рассмотреть своего отца благодетеля. Народ так и валит». Картина выходила торжественная, но безмолвная толпа не производила на владельца села сильного впечатления, – он ожидал, что будут кричать «ура». А когда подъехал к церкви и увидел, что «духовенство с крестами меня не встречаете решительно пришел в негодование и

подумал: „Ну, я заведу свои порядки и задам себя знать!“». И действительно, не прошло и двух минут, как он к таким порядкам и приступил. Войдя в церковь, он увидел пономаря в стихаре с распущенными волосами, ругающегося с старушками. Тут он пришел в такую ярость, что подошел к пономарю, закрутил руку его волосами и таким образом прошелся с ним по всей церкви и привел его в алтарь к священнику, совершавшему проскомидию, и сказал ему:

– Посмотрите, какие беспорядки у вас делаются в церкви. Священник, не поняв в чем дело, ответил:

– Извините, ваше сиятельство, этого впредь не будет. Если так был требователен юный коллежский регистратор, то что мог делать в ту эпоху министр в отставке.

В павловское время много было выключенных из службы дворян, которые охотно принимали всякие, даже низкие должности у знатных вельмож. Известный любимец императора Павла I – князь Куракин, как уже выше сказано, в своем богатом саратовском имении Надеждине сделал у себя, наподобие посещенных им дворов владетельных княжеств, собственный двор. Совершенно бедные дворяне за большую плату принимали у него должности главных дворецких, управителей, даже шталмейстеров и церемониймейстеров. У него жил один видный собою майор, которого обязанность состояла только в том, чтобы с палкою в руках ходить перед князем, когда он шел в свою домовую церковь. Но и помимо его у него было множество любезников без должностей, которые составляли его свиту. Всякий день, даже в будни, за столом гремела у него музыка, а в праздники были большие выходы; разделение времени, дела, как и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображение Павла I находилось у него во всех комнатах; в саду, в роще, там и сям встречались весьма изящные памятники знаменитым друзьям и родственникам. Он наслаждался и мучился воспоминаниями Трианона и Марии Антуанетты, посвятил ей деревянный храм и назвал ее именем длинную, ведущую к нему, аллею; такие державные затеи имели довольно смешную сторону.

В двадцатых годах текущего столетия был известен своими чудачествами князь Иван Александрович Голицын, носивший в обществе прозвище *Jean de Pans* (название современной оперы), князь отличался большою расточительностью в Париже, во время пребывания наших войск, выиграл в одном игорном доме миллион франков, а спустя несколько дней проигрался так, что ему не на что было выехать из Парижа. Он был женат на Всеволожской, и разошелся тотчас же по совершении брачного обряда; выходя из церкви, жена его подала ему портфель и сказала: «Вот половина моего состояния, а я – княгиня Голицына, и теперь все кончено между нами!» Эта характерическая черта довольно ясно обрисовывает эту женщину. Она впоследствии принадлежала к обществу женщин-мечтательниц, главою которых была г-жа Крюднер.

Голицына была главною распорядительницею в деле переселения этой колонии женщин на южный берег Крыма. Отплыли они из Петербурга водою, в большой барке. Голицына поражала всех своим мужественным видом; она ходила в длинном сюртуке и суконных панталонах, с плетью в руках, которою собственноручно расправлялась с своими домашними и даже окрестными татарами. Не только они, но исправники, заседатели и прочие трепетали перед деспотическою женщиною. Ездил она верхом, как мужчина, и подписывалась в письмах: *La vieille des Monts*, что остряки переводили *La vieille Demon*.⁶

Муж ее, *Jean de Paris*, служил адъютантом у великого князя Константина Павловича; по рассказам современников, он был очень забавен, при своей сановитости в обстановке и кудреватости в речах. Князь был от природы немного трусоват. Однажды он ехал в коляске с великим князем, и скакали они во всю лошадиную прыть.

Это Голицыну не очень нравилось. «Осмелюсь заметить, – сказал он, – и доложить вашему высочеству, что если малейший винт выскочит из коляски, от вашего высочества может остаться только одна надпись на гробнице: здесь лежит тело его императорского высоче-

⁶ Игра слов: «старуха гор» – «старый демон» (фр.).

ства великого князя Константина Павловича». «А Михель?» – спросил великий князь (Михель был главный вагенмейстер при дворе великого князя). «Приемлю смелость почтительнейше повергнуть на благоусмотрение и прозорливое соображение вашего высочества, что если, к общему несчастью, не станет вашего высочества, то и Михель его высочества бояться не будет».

Князь, как мы выше уже сказали, был страстный игрок; житье в то время в Варшаве носило характер бивуачный, и азартная игра велась сильная, проигрыш его в самое короткое время достиг чудовищных размеров. Он вышел в отставку, имея до пяти миллионов долга.

Судьба этого князя очень аналогична с судьбой его однофамильца – тоже названного именем любимой тогда оперы *Cosa gaга*. Этот Голицын имел 24 000 душ крестьян, и также громадное состояние пустил прахом: частью проиграл в карты, частью потратил на неслыханное сумасбродство. Он ежедневно отпускал кучерам своим шампанское, крупными ассигнациями зажигал трубки гостей, бросал на улицу извозчикам горстями золото, чтобы они толпились у его подъезда, и прочее. Прожив таким образом состояние, он подписывал векселя, не читая, на которых суммы выставились не буквами, а цифрами. В конце своей жизни он получал содержание от своих племянников и никогда не сожалел о своем прежнем баснословном богатстве, всегда был весел духом и часто навеселе.

Глава XIV

Князь Григорий Го-н, прозванный пензенским Людовиком, страсть его к церковнослужительству и церемониям французских королей. – Англоман Зыбин. – Граф А-н – любитель орденовых знаков и остряк. – Чудак помещик Струйский. – Его Парнас. – Страсть его к стихотворству и печатанию своих сочинений. – Костров. – Его добродушие. – Бард Кремля. – Поэт Петров

В первых годах нынешнего столетия в Пензенской губернии губернаторствовал князь Г-н, известный более под именем князя Григория. Это был представитель старинного русского барства, только еще с большими странностями, прихотями и причудами. Князь Григорий был большой оригинал; в нежной юности своей он хорошо помнил своего дедушку князя Потемкина; он помнил открытую его грудь, босые ноги, халат нараспашку, в котором принимал он первых вельмож, сырую репу и морковь, которые, всем пресыщенный, при них же он грыз; помнил также царскую его представительность и все бриллианты и жемчуга, помнил и его фавориток. Но всего этого ему показалось еще мало: он захотел превзойти его и избрал образцом его не одного, а многих еще чудаков того времени.

Князь Григорий полагал, что для вида необходимо иметь фавориток, и вот завел он себе двух таких старых женщин. Первую из них он назвал маркизой де Монтеспань. Она составляла его партию в бостон и сверх того давала ему деньги взаймы только за высокие проценты; за это качество к ее титулу он прибавил еще второй – мадам ла-Рессурс.

Вторая платоническая метресса пензенского Людовика была тихая, богомольная, пожилая женщина, – ее он посвятил в девицы де-ла-Вальер. Князь Григорий был женат, жена его была кроткая и нежно любила мужа, в свою очередь и супруг был к ней верен. Но что всего забавнее – он заставлял жену показывать чрезвычайную холодность к обеим этим мнимым метрессам.

Князь Григорий был большой затейник: вместе с копировкой Людовика и Потемкина ему вдруг захотелось скопировать иудейского царя Давида, и вот он выучился довольно изрядно играть на арфе. По утрам находили его иногда в каком-то древнебиблейском костюме, с лирою в руках, на которой он играл, припевая разные псалмы, арии, и песни, как «Lison dormait un bosage» или «При долинушке стояла». Князь имел также страсть к церковным обрядам. В деревне наряжал он самого себя и любимейших слуг в стихари, певал с ними на клиросе и читал апостольские послания.

Со стороны любви к церковнослужительству он сблизился с великим Суворовым и высокомогущим дедом своим. Из своих чиновников он составил себе целый придворный штат. Для молодых писцов канцелярии своей, из простого происхождения, он нанял где-то танцмейстера, одел их на свой счет и представил в свет, где все девицы обязаны были с ними танцевать. Он называл их своими камер-юнкерами, и они отличались от других однообразным цветом жилетов. Секретарь жаловался, что некому переписывать в канцелярии, что они ничего делать не хотят; он велел набрать других и их считать сверх штата, и дал им от себя содержание.

Всему, что до него относилось, умел он давать какой-то торжественный вид. Занеможет ли у него жена, по всем церквам велит он служить молебствия о ее выздоровлении; родится ли у него сын, он собственноручно пишет церемониал его крестин; от губернаторского дома до собора по улице несут младенца на подушке, окруженного разряженными повивальною бабкою, нянькою, кормилицею и девочками; впереди и сзади два ливрейных лакея; курьер открывает шествие, другой замыкает его.

Во время отъезда в деревню соблюдались также официальные формы, писался маршрут, поезд делился на три отделения, назначались роздыхи, ночлеги и по дороге рассылались копии с письменного распоряжения.

Он любил распространять все новомодное, но и держался старины, особенно во всем том, что могло умножить личное его величие.

О святках на маскарадах являлся один без маски, в богатом длинном платье старинных русских бояр. Гости же, в угождение ему, были в масках и как можно смешнее наряжены.

Такой образ жизни этого губернатора в то время многим очень нравился. «Ну, подлинно, – говорили они, – можно сказать, что барин, так барин, не то что иной другой какой-нибудь наш брат рядовой дворянин». «И как такому вельможе захотелось у нас поселиться?» – говаривали иные.

Во время отечественной войны князь Григорий жену свою одел в сарафан и кокошник, а сам нарядился в казацкое платье темно-зеленого цвета с светло-зеленой выпушкой. Из губернских чиновников и дворян, все те, которые желали ему угодить, последовали его примеру. Слуг своих одел он также по-казацки, и двое из них, вооруженные пиками, ездили верхом перед его каретою.

Но особенно где княжеские проказы выказывались, так это в его деревне. Дом его постоянно перестраивался и был великолепно отделан внутри, со всеми затеями барства.

Маленький двор его составлен был из увезенных им писцов губернаторской канцелярии, одет был однообразно – в казацки кафтаны серого цвета, из холщовой материи, с синим холстинным стоячим воротником, на котором белыми нитками было вышито название села. Дворня его была разделена на три класса, из коих каждый отличался цветом жилета; по праздникам происходило производство в эти классы и допущение к целованию руки, лакейские балы, в которых, исключая князя и княгиню, должна была еще принимать участие и самая мелочь из соседних дворян, угощение на последних состояло из моченых яблок и брусники.

Были в век старого барства и такие из бар причудники, которые век свой разъезжали по чужим краям, совсем позабывали родной язык или, вернее, старались корчить из себя таких псевдоиностранных. Так, в Москве, в описываемое нами время, проживал чудак Зыбин, долго живший в Англии, притворявшийся, что совсем забыл русский язык, например, выходя из театра, он кричал: «Зибен-карет!» Тогда была мода на высокие фаэтоны для гулянья, Зыбин в этом уродливом экипаже проехал из Петербурга в Москву, на станциях все на него смотрели как на шута, и мальчишки за ним бежали с криком. Зыбин это сам рассказывал, относя это к невежеству нашего народа.

В ту эпоху были и такие русские, как например граф А., известный в обществе под именем «Васиньки», которые, занимая место на лестнице, известной под именем табели о рангах, не умели правильно подписать даже свою фамилию, но при этом имели способности разнообразные: живопись и музыка были для них почти природными талантами. Граф А. не знал истории, ничего никогда не читал, но раз услышанное так мог остроумно и забавно применять в разговорах, что считался большим остряком. Этот Василька имел еще две большие страсти: к орденам и духам. У него была точно лавка склянок духов, орденских лент и крестов, которыми он был пожалован. Уверяют даже, что по его смерти нашли у него несколько экземпляров и в разных форматах звезды Станислава второй степени, на которую давно глядел он с страстным вожделением. Васинька, по словам князя Вяземского, так любил орденские знаки, что часто во время самого живого разговора опускал вниз глаза свои на кресты, развешенные у него в щегольской симметрии, с нежностью ребенка, любующегося своими игрушками, или с пугливым беспокойством ребенка, который смотрит: тут ли они?

В характере и поведении его не было достоинства нравственного. Его можно было любить, но не уважать, он был образцовое дитя светского общежития. Множество карикатур и

острых слов им потрачено было на варшавское общество, когда он служил при великом князе Константине Павловиче.

Польский генерал Гельгуд носил стеклянный глаз. Перед каким-то праздником Васинька говорил, что ему пожалуют глаз с вензелем. При этом же случае он говорил, что Куруте будет пожаловано прекрасное издание в великолепном переплете. «Жизнь знаменитых мужей» Плу-тарха.

Генерал Чаплиц, известный своею храбростью, любил говорить очень протяжно, плодo-вито и с большими расстановками. Васинька приходит однажды к великому князю и просит отпуск на 28 дней. Между тем в Варшаву ожидали императора. Великий князь, удивленный этою просьбою, спрашивает, какая необходимая потребность заставляет его отлучиться из Варшавы в такое время. «Генерал Чаплиц, – отвечал он, назвалса ко мне завтракать, чтобы рассказать мне, как попался он в плен в Варшаве во время первой польской революции. Посудите сами, ваше высочество, раньше 28 дней никак не отделаюсь!»

Его спрашивали о некотором лице, известном по привычке украшать свои рассказы красным словом не едет ли он в Россию на винные откупы, которые только что открылись в Петербурге. Нет, отвечал он, а едет, чтобы снять поставку лжи на всю Россию.

Когда разнесся слух, что папа умер, многие старались угадывать, кого на его место изберет новый конклав. О чем тут и толковать, – перервал он эту речь, – разумеется, назначен будет военный! Это слово, сказанное в тогдашней Варшаве, строго подчиненной военной дисциплине, было очень метко и всех рассмешило.

В московском обществе, в тридцатых годах, пользовалось некоторое время правом гражданства слово анкураже. Это слово вторглось в русскую речь по следующему случаю, как это рассказывает поэт князь Вяземский. При московской театральной дирекции служил один забавный чудак, который, как следует русскому чиновнику, был охвачен болезнью чиновлюбия и крестолюбия. Он беспрестанно говорил и писал кому следует: «Я не прошу кавалерии через плечо или на шею, а только маленького анкураже (encourage)⁷ в петличку». Это слово так понравилось тогда, что даже Пушкин его применил к любовным похождениям в тех случаях, когда в обращении не капитал любви, а мелкая монета ее, то есть с одной стороны – ухаживание, а с другой – снисходительное и одобрительное кокетство.

Не менее странен был в образе жизни, в обращении, в одежде и во всех своих поступках другой богатый пензенский помещик, Н.Е. Струйский, проживавший в своем с. Рузаевке. Владения его простирались верст на тридцать кругом. Рузаевка была с тремя церквями, из них две выстроены Струйским, все селение было обведено валом. Барский дом был огромный, зала с мраморными стенами и тройным светом, в 40 арш. длины, на карнизе дома виднелась надпись: «16-го декабря 1772 год», год основания дома. За одно железо хозяин отдал купцу подмосковную деревню с 300 душ.

Кабинет Струйского был в самом верху дома, назывался он «Парнас». В это святилище никто не хаживал, потому что барин говорил: «Не должно метать бисера свиньям» В кабинете царствовал неслыханный беспорядок – на столе рядом с сургучом лежал бриллиантовый перстень, возле большой рюмки стоял поношенный бюст. Такой беспорядок Струйский, по словам спрашивающих, допускал для того, что пыль была его сторож: по ней он тотчас узнавал, был ли тут кто-нибудь и трогал ли что-либо. В этой комнате у него было много разного оружия; Струйский боялся нападений на себя. Носились слухи, что он был большой тиран, любил юридические процессы и делал сам своим людям допросы. Разбирательства он производил понынешнему и судил говоря за и против обвиняемого. Но в своих разбирательствах прибегал и к пыткам, разумеется, тайно.

⁷ Поощрение (фр.).

Струйский был некогда владимирским губернатором. Одевался он очень странно: с фраком носил парчовый камзол, подпоясывался розовым, шелковым кушаком, обувался в белые чулки, на башмаках носил бантики, а на голову повязывал длинную прусскую косу. Но главная страсть Струйского была стихотворство и типографское дело. Типография его была богатейшая, печатание у него было доведено до наилучшего в то время в России искусства. Он выписывал из-за границы всевозможные шрифты, подносил императрице Екатерине II разные свои стихотворные труды. Она любовалась изданиями и хвасталась перед иностранными посланниками, что у ней, за тысячу верст от столицы, в глуши, процветает искусство и художество. Государыня не раз посылала ему бриллиантовые перстни за его труды.

На типографию Струйский тратил весь свой доход с имения. Книги у него нередко печатались на атласе и почти всегда на александрийской клееной бумаге, с превосходной виньеткой. Типография составляла единственную его страсть, а стихи – единственное занятие Струйский никогда не покидал своей Рузаевки. Последняя у него была устроена великолепно, особенно прекрасны были в ней сад и цветники. Стихи, или, вернее вирши Струйский писал запоем, иногда по два дня, запершись на Парнасе и не принимая никакой пищи, в это время он переодевался Аполлоном.

Кроме своих сочинений, Струйский ничего не любил печатать на своих станках, печатание шло у него очень быстро. Посетивший его известный поэт прошлого столетия князь И.М. Долгорукий рассказывает: «Меня он удостоил ласкового своего приема на Парнасе, за который дорого заплатил, однако один из моих товарищей, ибо он, читая ему свое одно стихотворение, по его мнению лучшее, вошел в такой восторг, что щипал слушателя до синих пятен». «После „Телемахиды“ ничего нет на свете потешнее, как его произведения», – замечает Долгорукий. Струйский уважал очень оптику и говорил, что многие сочинения наших авторов теряют свою цену оттого только, что листы не по правилам оптики обрезаны, что голос от этого ожидает продолжения речи там, где переход ее прерывается, и от нескладности тона теряется сила мысли сочинителя.

Все приказания по имению Струйский отдавал на Парнасе, у подошвы же Парнаса происходило наказание. Иногда непросвещенный народ оказывался виновным и в том, что помешал вдохновению Ив. П. Бекетов, служивший вместе с сыном Струйского в одном гвардейском полку, видел одно сочинение его отца и просил у него просмотреть его, но последний дал его под одним условием: немедленно прислать его назад по первому требованию. Причина этому была следующая: от времени до времени Струйский требовал от сына уведомления, «какой стих находился в его сочинениях на такой-то строке такой-то страницы?». Эти внезапные вопросы служили ему удовлетворением, что сын не разлучается с его сочинениями.

Правописание и пунктуация у Струйского были тоже свои особенные, так что расстановка знаков препинания, кажется, не представляла ничего, кроме каприза и произвола. В стихах Струйского была одна плоскость – его нельзя ставить рядом с Третьяковским и графом Хвотовым: у этих иногда встречаются смешные бессмыслицы – у Струйского стихи были до крайности плохи мыслями и путаницей речи.

Струйский был великий почитатель Сумарокова. Смерть этого чудака последовала тоже довольно странная: его сильно поразила кончина императрицы Екатерины. Услышав это печальное известие, он тотчас же слег в постель, лишился языка и умер очень скоро.

Из редких, но пустых книг этого чудака типографа-помещика известны: «Апология к потомству от Ник. Струйского», затем первое издание «Камина», стихов И.М. Долгорукова, и «Блафон». К этой великолепно изданной книге, поднесенной Екатерине II, приложена превосходной работы гравюра, представляющая живописный плафон (потолок) залы дома Струйского в Рузаевке, с аллегорическим значением. Императрица изображена в виде Минервы, сидящая на облаке, окруженная гениями и различными атрибутами поэзии, попирающая крючокотворство и взяточничество, пресмыкающиеся с эмблемами лихоимства, как-то: сахар-

ными головами, мешками с деньгами, баранами и проч. Все это поражается стрелами изображенного за богинею двуглавого орла. Подлинник гравюры написан крепостным художником Струйского. Из роскошно изданных книг его же известна: «Епиталама, или брачная песнь», на воделенный для россиян брак е. и. в. благоверного государя вел. кн. Александра Павловича. Это сочинение посвящается «яко жертва усердия и восхищения».

Стихи отпечатаны на белом атласе. В своей «Епиталаме» плодовитый рузаевский стихотворец сзывает на брачное торжество чуть ли не всех богов Олимпа. Стихотворение оканчивается обращением к холмам, долинам и токам, чтобы те внимали его песне, и затем приглашает знакомых ему как стихотворцу, фавнов почтить играми своими торжество и, отбирая у Эроta лук и стрелы, заставляет его плясать.

Известно еще «Письмо о российском театре нынешнего состояния». Письмо написано Струйским к актеру Дмитревскому, в нем он вспоминает о блестящей эпохе, когда на сцене шли трагедии Сумарокова, и скорбит о настоящем времени, когда вместо бессмертных творений «стремятся игрищи вводить». Особенно гневно нападает он на Княжнина за его Вадима, называя его рыгающим на закон, открывающим в себе явно изменника и возмутителя. Обличает его в безверии и посягательстве на власть, представляет картину тех страшных последствий для автора трагедии и актеров, которые повлекло бы за собою представление ее на сцене. Несмотря на нелепо выраженные и пересыпанные бессмысленною бранью суждения автора о Княжнине, нельзя не видеть в них отголоска тогдашних воззрений относительно этого как самой императрицы, так и окружавших ее высших государственных сановников. Это сочинение Струйского было тоже им поднесено императрице. Всех книг, отпечатанных Струйским в его деревенской типографии, известно не более 20 штук.

Из старинных наших поэтов был большой чудак Ермил Иванович Костров; знавшие его коротко рассказывают о нем много забавных странностей. Входил он в гости к приятелям в комнату всегда в треугольной шляпе, снимал ее для поклона и снова надевал на глаза, садился куда-нибудь в уголок и молчал. Только тогда примет участие в разговоре, когда услышит речь любопытную или забавную, и тогда приподымет шляпу, взглянет на говорящего и опять ее наденет. Костров был небольшого роста, головка маленькая, несколько курнос, волосы приглажены так, как все тогда носили, букли и пудрились; коленки согнуты, на ногах стоял нетвердо и был вообще, что называется, рохля. И.И. Дмитриев говорит, что рядом с ним на улице ходить было совестно: он и трезвый шатался. Какая-нибудь старуха, увидев его, скажет с сожалением: видно, бедный, больнехонек! А другой, встретясь с ним, пробормочет: эх нахлоустался!

Костров был добродушен, прост и чрезвычайно безобиден и незлопамятен, податлив на все и безответен; в нем было что-то чисто ребяческое. Нравственности он был непорочной. Но когда он был навеселе, то любил читать роман Вертера и заливался слезами. В таком поэтическом положении, лежа на столе, обращался он мыслию и словами к какой-то любезной, которой у него никогда не было, называл ее по имени и восклицал: «Где ты? На Олимпе? Выше! В Эмпирее! Выше! Не постигаю!!» – и умолкал.

В доме известного мецената Ив. И. Шувалова ему была отведена комната возле девичьей. Тут он переводил «Илиаду». Домашние Шувалова обращались с ним, почти его не замечая.

Однажды Ив. Ив. Дмитриев приехал к Шувалову и, застав его дома, посетил Кострова и застал его в девичьей: он сидел в кругу их и сшивал разные лоскутки. На столе, возле лоскутков, лежал греческий Гомер, разогнутый и обороченный вверх переплетом. На вопрос, чем он это занимается, Костров отвечал очень просто «Да, вот, девчата велели что-то сшить!» и продолжал свою работу.

Добродушие Кострова было пленительное. Его вывели на сцену в одной комедии, и он любил заставлять при себе читать явления, в которых представлен был в смешном виде. «Ах, он пострел! – говорил он об авторе, – да я в нем и не подозревал такого ума. Как он славно

потрафил меня!» Часто в гостях у Бекетовых друзья, подпоивши Кострова, ссорили его с молодым братом Карамзина.

Костров принимал эту ссору не за шутку, дело доходило до дуэли. Карамзину давали в руки обнаженную шпагу, а Кострову ножны. Он не замечал этого и с трепетом сражался, боясь пролить кровь неповинную. Никогда не нападал, а только защищался.

И.И. Дмитриев с ним сыграл следующую шутку: поддерживая Кострова в веселом настроении некоторое время, он увез его из Москвы и, поив всю дорогу, полупьяного привез в Петербург и выпустил его на самой многолюдной улице. «Где я? – произнес Костров. – Я не узнаю Москвы!»

В Петербурге князь Потемкин пожелал видеть Кострова. Прошло несколько времени, пока его совершенно не протрезвили, но надо было снарядить Кострова, и этим занялись его друзья. Всякий уделил ему из своего платья – кто французский кафтан, кто шелковые чулки и проч. После продолжительного ожидания Костров был введен в кабинет светлейшего князя. Костров отвесил Потемкину поклон. «Вы перевели Гомеру „Илиаду“?» – спросил вельможа. Потом пристально посмотрел на него, кивнул головою, тем свидание и кончилось.

Костров вышел из кабинета, радуясь, что счастливо отделался от надменного сановника, и уже с поспешностью пробирался сквозь толпу, как был остановлен его адъютантом, сказавшим ему, что светлейший приглашает его к своему обеденному столу. За обедом у Потемкина Костров не забыл себя, не пропустил ни одного напитка, ни одного блюда, и потом, когда все встали с своих мест, его принуждены были взять слуги под руки и усадить в карету.

Императрица Екатерина II в бытность свою в Москве пригласила Кострова к обеденному столу, возложив это поручение на Шувалова. Слабость поэта была известна меценату; он призывал его к себе, велел одеться и просил непременно явиться к нему в трезвом виде, чтобы вместе ехать во дворец. Настает час; Шувалов посылает за Костровым, но его нигде не находят. Вельможа отправляется один к государыне и оправдывает поэта перед царицей, сказав, что он заболел. Недели через две Костров является к Шувалову. «Не стыдно ли тебе, Ермил Иванович, – говорит последний, – что ты променял дворец на кабак?» «Побывайте-ка, Ив. Ив., в кабаке, – отвечал Костров, – право его не променяете ни на какой дворец!»

– «О вкусах не спорят», – сказал Шувалов.

На языке Кострова пить с воздержанием – значило так чтобы держаться на ногах. Однажды шел он из трактира с Верещагиным, тоже поэтом, студентом, который, пивши не с воздержанием, пополз на четвереньках. «Верещагин! – закричал ему Костров. – Не по чину, не по чину!»

В другой раз, после обеденного стола у Карина, тоже поэта, но богатого барина, Костров так напился, что закинул голову на спинку дивана. Один из присутствовавших, желая подшутить над ним, спросил его: «Что Ермил Иванович, у тебя мальчики в глазах?» – «И самые глупые!» – отвечал Костров.

За несколько дней до кончины его Карамзин встретил Кострова в книжной лавке. Он был измучен лихорадкой. «Что это с вами случилось?» – спросил его Карамзин. «Да вот какая беда! – отвечал он. – Всегда употреблял горячее, а умираю от холодного!»

Существует театральная пьеса Кукольника «Ермил Иванович Костров», фабула которой построена на случае, характеризующем душевную доброту поэта. В 1787 году императрица пожаловала ему 1 000 руб. новыми ассигнациями за перевод «Илиады». Костров с этими деньгами отправился покутить в любимый свой Цареградский трактир. Здесь, попивая вино, он встретил убитого горем офицера; поэт участливо разговорился с ним и узнал его печальную повесть – офицер потерял казенных денег 800 рублей и должен быть разжалован в солдаты. Услышав этот рассказ, Костров сказал ему: «Я нашел ваши деньги и не хочу воспользоваться ими!» и с этими словами положил на стол 800 руб. перед удивленным офицером и тотчас же скрылся. Но Кострова все знали в Москве, и добрый поступок его вскоре стал известен городу.

Суворов высоко ценил Кострова, называл его своим другом и не расставался с его переводом Оссиана. Заслуги, оказанные Костровым нашей литературе, памятли посейчас, но литературные труды его не обогатили. Костров вечно нуждался и умер в нищете, как и Гомер.

Существует рассказ, что за остальные шесть песен «Илиады» ему московский книгопродавец предложил только 150 рублей, но тот их не принял и бросил свой перевод в печку. Известно, каким образом сохранилась седьмая, восьмая и половина девятой песни, которые были напечатаны в «Вестнике Европы» 1811 года. Костров умер 9-го декабря 1796 года и похоронен в Москве, на Лазаревском кладбище. Происхождением он был крестьянин Вятской губернии, но сказывал сам о себе, что он сын дьячка.

Из старинных поэтов был еще замечательный по своим странностям – это В.П. Петров. Костров перевел «Илиаду», Петров – «Энеиду», и оба шестистопными ямбами. Петров имел важную, напыщенную наружность; он был друг Потемкина; произведения его теперь забыты – виною тяжелый, выпранный слог.

Этот бард писал свои оды, ходя по Кремлю; за ним носил бумагу и чернильницу его ливрейный лакей. При виде Кремля он наполнялся восторгом, останавливался и писал. Костров не любил стихов Петрова, но пьяный за пуншевою чашею любил их слушать.

Князь Вяземский рассказывает, что при одной барыне-старушке читали раз оду Петрова к графу Гр. Орлову:

Блюститель строгого Зенонова закона
И стоик посреди великолепий трона.

При первом стихе старая барыня прервала чтеца. «Какой вздор! Совсем не Зенонова: законная жена графа Орлова была Зиновьева; я очень хорошо знавала ее».

Глава XV

Странствующие литераторы. – Духовный майор Д-ов. – Вице-губернатор Ш-в; любитель печальных церемоний. – Заботы его о своем гробе. – Другой любитель похорон, Лужков. – Богатые помещики оригиналы Кротков и Мацнев. – Богач Фалеев

В былые годы в Малороссии существовали странствующие поэты, которые проживали в домах богатых панов и оживляли семейные празднества своими импровизациями. В XVIII веке по Малороссии в каникулярное время расхаживали киевские студенты и представляли духовные драмы, бандуристы распевали возле церквей духовные гимны, а на площадях и в домах – думы (род баллад) и патриотические песни. Из всего этого не осталось теперь и следа, но у русских помещиков еще в начале текущего столетия проживали в подмосковных и в приволжских усадьбах домашние поэты и сочинители, которые в дни тезоименитств своих помещиков писали на эти торжества вирши, сочиняли пьесы, шарады в лицах и т. д. Из таких дворовых сочинителей известны по оставленным ими печатным трудам: Матинский, дворовый человек графа Разумовского, и Вроблевский, такой же крепостной графа Шереметева; первый из них написал комическую оперу «Петербургский Гостиный двор», которая долго не сходила с репертуара; второй известен также, помимо театральных пьес, многими учеными переводами с немецкого и других языков. В старину поэзия и бедность были почти синонимы, и многие такие прислужники или жрецы Аполлона ходили по линиям Гостиного и Апраксина двора в рубище, в дырявых сапогах по лавкам, подавая каждому встречному четко написанный акростих, в довольно звучных стихах, начальные буквы которого воспроизводили фамилию поэта, а остальные гласили, что автору нужны сапоги и кусок хлеба.

Помимо таких странствующих литераторов, еще в начале сороковых годов можно было встретить объявление в газетах, что «Т-в жительство на Выборгской стороне в доме такого-то, что он сочиняет стихотворения на разные случаи, как-то: поздравительные, театральные, погребальные надписи на памятники и пишет различные письма, как амурные, так и деловые».

Долгое время в Москве пользовался большою популярностью прозванный духовным майором отставной гусар павловских времен Д-ов, который изобрел себе особого рода занятие – предшествовать все погребальные процессии и присутствовать при всех архиерейских и митрополичьих служениях. Он на богатых похоронах всегда шел впереди печального кортежа в отставном гусарском голубом мундире, с напудренными завитками на висках и с косой на спине; на голове его была огромная треугольная шляпа с полуаршинным белым плюмажем.

На митрополичьих служениях он прочищал путь владыке и во время служения ставил к образам свечи, поправлял лампы и суетился всюду. Когда, бывало, говорили о похоронах, то при этом прибавляли: «Да, похороны были богатые, с майором».

Купеческие похороны были особенно приятны для старого гусарского майора, потому что он тут был всегда почетнейшим гостем и угощаем был на славу. Занимаясь таким почетным занятием, он считал себя почти официальным лицом в городе и, проживая по квартирам, не платил домохозяевам ничего. Нанимая квартиру, он не давал хозяину никакого задатка, но заявлял, что благородное его слово вернее всяких контрактов. И в самом деле, если до переезда его на квартиру хозяин, зная его привычки, просил не задерживаться у него, то он сдерживал слово и переезжал в назначенный день. По большей же части дело выходило так: когда истекал месяц, являлся хозяин с требованием платы за квартиру; жилец отвечал, что не может теперь отдать. На другой и на третий месяц повторялось то же.

Выведенный из терпения хозяин обратился в полицию. «Да чего же вы хотите?» – спрашивали у него в участке. – «Конечно, денег». – «От Д-ва то? Да он даром живет, это всем известно и так, ведь он духовный майор, у преосвященного состоит. Мы на него и жалобы не

принимаем, и если вы искать станете, то только время потратите. А вы лучше приищите-ка для него приличную квартиру, заплатите за месяц вперед, а там поклонитесь ему и попросите его переехать». И хозяин, следуя этому благоразумному совету, поклонился павловскому служаке, сделает надлежащее приношение ему же и перевезет духовного майора к новому домохозяину.

Лет пятьдесят тому назад или немного более проживал и в Петербурге такой же любитель всяких богатых покойников. Это был отставной вице-губернатор Ш-ев, последний до того обожал усопших, что, узнав от гробовщика, что в таком-то доме скончался такой-то, брал из дому небольшую подушку и прямо переселялся в квартиру мертвеца, он его обмывал, читал по нем псалтырь, провожал на кладбище и покидал последним могилу.

Материально обеспеченный, он всю жизнь проводил в таких хлопотах и даже сам, видимо, желал поскорей умереть. Он прежде служил у известного мистика, министра императора Александра I князя Голицына, был масоном и чуть ли не принадлежал к татаринской секте. Старику шел восьмидесятый год, и смерть не приходила, старик очень скучал. Но вот легкое нездоровье посетило его. Он просто обрадовался, послал за старым своим приятелем-гробовщиком. «Что вам угодно?» – спросил последний. «Сними мерку с меня да поспеши, не медли работой. Гроб сделай из дубового дерева, полированный, под лак, лучшей работы, ручки поставь серебряные, да приделай и замок с ключом к нему. На крышке, против того места, где будет лежать моя голова, вырежь отверстие и вставь в него толстое стекло».

Но гроб простоял еще два года, Ш-в два раза в неделю ходил его осматривать. За два дня до смерти он писал гробовщику: «Приготовьте мне мое жилище, обметите его и почистите. В прошедший раз я заметил, что ручки потускли... пожалуйста, содержите гроб в чистоте...» Через два дня он умер.

В Петербурге, в первой четверти нынешнего столетия проживал другой такой же любитель похорон – это был Иван Федорович Лужков, служивший при императрице Екатерине II в Эрмитаже, в должности библиотекаря и консерватора драгоценных вещей. Императрица очень любила говорить с Лужковым; последний был человек строгой честности и говорил государыне одну правду, иногда в очень резкой форме. Екатерина часто, разбирая эстампы и камеи, спорила с ним и, выходя из Эрмитажа, нередко говорила Лужкову: «Ты всегда споришь и упрям, как осел». Лужков на это, вставая с кресел, отвечал: «Упрям, да прав!»

Император Павел I был также очень милостив с Лужковым, но, зная его упрямый характер, при вступлении на престол наградил его чином и дал отставку с пенсионом в 1200 руб., что по тогдашнему времени считалось очень щедрым.

Лужков при императрице в чине титулярного советника служил более 25 лет. Император, зная это, велел ему купить еще дом... Лужкову государя попросил, чтоб он ему дал клочок земли на Охте, вблизи кладбища, на котором он мог бы себе выстроить небольшой домик. Павел приказал исполнить его просьбу, и Лужкову была отведена на Охте, подле кладбища, земля и выстроен дом, Лужков жил на Охте до своей кончины. Занятия его были: каждый день ходить к утрени в церковь, возвратившись из храма домой, он пил чай и потом писал свои записки. Обедать ему приносили из харчевни, при нем жили два отставных солдата. Под конец своей жизни он рыл на кладбище для бедных покойников могилы и любил писать эпитафии, нередко очень игривые. Вот одна из его эпитафий, сохранившаяся на Охтенском кладбище: «»Паша, где ты?» «Здесь, а Ваня?»» Подальше немного: «»А Катя?» «Осталась в суетах!»»

В екатерининское время были известны своими странностями два помещика – С.Е. Кротков и С.Т. Мацнев. Первого из них императрица выставляла всем русским помещикам как образцового хозяина; действительно, он к своим 300 душам родовых сумел в сорок лет нажать еще 10 тыс. душ крестьян. Кротков был неутомимый хозяин, седые густые брови его почти совсем закрывали глаза, но зоркое око его еще в 70 лет пристально следило за ходом хозяйственной его машины.

Жихарев говорит, что богатство Кроткова имело источником совершенно романическое приключение. Кротков был прежде очень бедный дворянин, обремененный семейством. Пугачев во время разгрома Симбирской губернии, проезжая мимо деревушки Кроткова, полюбил местоположение этой деревушки и обратил ее в главное свое становище, а из гумна, риги и овин поделал магазины и кладовые для всего награбленного им в губернии имущества. Когда налетевшие отряды войск выгнали самозванца из его становища, Кротков, следовавший за отрядами, немедленно возвратился в свое имение и нашел в риге, овинах и даже в хлебных скирдах множество всякого добра и, между прочим, несколько баулов с деньгами, серебряной посудой и другими разными драгоценными вещами, всего тысяч на триста. Тут накопил он имений и, будучи хорошим хозяином, год от году приобретал все более и более. Благово рассказывает в своих воспоминаниях, что Кротков нашел у себя много церковной утвари, которую он и возвратил по монастырям. Но не впрок пошло богатство, доставшееся так неожиданно. У Кроткова было несколько сыновей, это были лихие молодцы и ловко спускали с рук пугачевские деньги. В особенности один из них был большой кутила и шалун на всякие проказы; он ни перед чем не останавливался: когда что задумает, то и поставит на своем. Отец был скуп и нравом крут, и очень не хотел давать детям деньги на мотовство, а проказника сына частенько и бивал из своих рук и раз даже велел конюхам выпороть на конюшне. Это в старину водилось и не считалось бесчестьем – не от чужого побои, а от отца. Сын, однако, задумал отомстить родителю и придумал следующее: без ведома отца взял да и продал одно из лучших его имений и в число крестьян во главе подворной описи поместил в продажу и самого родителя своего под скромным званием бурмистра Степана сына Кроткова. Это дело наделало в свое время много шума, и старик едва выпутался из беды, и ежели бы он не смиловался над своим сыном, тому не миновать было бы ссылки за подлог и ужасный поступок с отцом.

Впрочем, не один этот сын был замешан в этом деле: и другие братья тоже принимали в нем участие. Продавши отца, Кротков из шалости и от долгов распустил слух о своей смерти и выехал из Петербурга в гробу в свою Симбирскую губернию. Историк и критик Болтин был его пасынком, вотчим заставлял его петь в хорах, составленных из дворовых людей, и утешал себя на веселых и приятельских попойках. Пасынок урывками от пьяных бесед потихоньку, втайне предавался литературе. Чтобы наказать своих сыновей за непочтительность и чтобы они не выжидали корысти ради отцовской смерти, – старик Кротков задумал жениться на молодой женщине, бедной дворянке Марфе Яковлевне. Последняя тоже была не без крупных странностей. Она известна была в до-пожарной Москве под именем Марфы Кроткой; ей принадлежало известное подмосковное «Молоди».

В те же годы, как мы уже сказали, в России никто так не славился своими экономическими талантами, как орловский помещик Спирид. Тим. Мацнев. Он служил секретарем в орловской провинциальной канцелярии, затем вышел в отставку и принялся хозяйничать, и в несколько лет нажил и заработал так, что имел более шести тысяч душ и лесную дачу в 18 тыс. десятин. Хозяйство его было почти беспримерное: ему были ведомы все нужды его крестьян, ни один из его крепостных ни за чем не должен был ездить в город, все нужное для себя он находил в экономии своего барина и все от него покупал. Но у Мацьева, по пословице «лег и встал», надзор над всем был самый рачительный. Помещики его называли «хлебного маткою».

Сам он, при всем богатстве, по внешности не отличался ничем от своего мужика. Ходил в лаптях и простом мужицком наряде, ел на деревянных тарелках и деревянными ложками, и, больше от скупости, морил себя голодом. Самый парадный его выезд в поле был в холстинном халате, облитом масляною краскою, часто без седла, на одном потнике. Нравственности он был невысокой, со всеми ссорился и притеснял соседей. Все его богатство не пошло впрок! Был у него один сын, но и тот при нем умер. После него остался внук, который хотя и женился на богатой аристократке, родной сестре любимца Екатерины II, но из всего своего и жени на

уберег только имение в 400 душ, на котором, впрочем, долгов было больше, чем оно стоило. Дети его тоже отличались большими причудами.

В екатерининское время приобретать имения и населять их крестьянами между ловкими прожектерами считалось не особенно трудно. Известный купец Фалеев, впоследствии дворянин, любимец и компаньон в коммерческих делах Потемкина, до того эксплуатировал свою власть, что даже землю пахивал на рекрутах. Фалеев, благодаря покровительству своего друга, имел силу настолько беспредельную, что захватывал однодворческие земли и населял их целыми сотнями и тысячами рекрутов и составлял таким образом целые себе деревни. Иногда случалось у некоторых бар и наоборот. Так, к числу странных московских происшествий 1795 г. надо отнести и пропажу целых двадцати тысяч душ у известного вельможи графа Кириллы Григорьевича Разумовского. Это обстоятельство случилось между четвертою и пятою ревизиею и сделано было так искусно и скрытно, что по множеству деревень и поместий и дознаться было трудно, пропали крестьяне не в одном месте, а понемногу и в разных местах. Учинено это было, как ходили тогда слухи, главным управляющим с согласия фаворитки графа. Крестьяне очутились во владении последних двух.

Глава XVI

Граф-бродяга Р-ш. – Его загадочная судьба. – Воронский, игрок-автомат. – Кладовщик-генерал Б. – Замечательный охотник К-ий. – Откупщик-изверг П-ов. – Его печальная судьба

Один из внуков известного вельможи, графа Р., принадлежал к числу самых странных людей и мог назваться совершенным чудачком, его избаловали в детстве, дав ему полную свободу. Мать его, проживавшая всегда в роскоши за границей, внушила ему склонность к бродяжничеству, к исканию приключений. Он несколько раз убежал из богатого родительского дома, скрывался у людей самого низкого звания, – у разносчиков и рабочих, снискивая у них скудное себе пропитание. Лет четырнадцати от роду он пропадал более двух лет, скитаясь по ярмаркам с цыганами и ворами. Замечательно, что при такой бродячей жизни он не потерял познаний в разных науках и не забыл знание языков. Отыскав его, заставили заниматься делами, которые даны ему рождением и богатством. Спустя год он бросил все дела, начал кутить, мотать и задолжал до того, что должен был бежать за границу. Там, без всяких средств, он рыскал по всей Европе и пускался в сумасбродства разного рода, по его рассказам, он был конюхом у своего двоюродного брата в Австрии, где нанялся под чужой фамилией, затем был кучером, почтальоном, хлебопашцем, огородником, слугою веселого дома в Париже.

Долго так странствуя за границей, он через Бесарабию перебрался и Россию, здесь он поступил в шайку очень ловких мошенников и более пяти лет разъезжал по ярмаркам, где сбывал фальшивые виды на жительство и поддельные ассигнации. Под конец он попал в скит к раскольникам, там он подвизался более двух лет и был самым ярким поборником одного из самых вреднейших изуверских толков – самосожигателей.

После этого он был арестован и содержался более пяти лет в Соловецком монастыре, откуда уже был, по принесении полного раскаяния, выпущен на свободу. Получив родовые богатства по смерти своей матери, он отправился жить в один из наших приморских городов, где выстроил довольно большой каменный дом с хитро устроенными тайниками, подземельями, в последнем у него был устроен такой мудреный лабиринт, выход из которого был известен одному ему. Здесь была одна комната, отделанная в азиатском вкусе так роскошно и пышно, что живо напоминала одну из сказок из «Тысячи и одной ночи», в ней он и уединялся по целым месяцам и более, пищу и напитки он получал от дворецкого по запискам, которые клал ночью в одной комнате своего дома.

В такие дни его самозакупоривания слугам был дан строгий завет не встречаться с ним под угрозой смерти. Чем кончил свою жизнь этот более чем странный чудачок, так и осталось неизвестным. Кто говорил, что он тайно бежал в Турцию, рассказывали также, что он был убит в своем тайнике ловкими мошенниками, нашедшими возможность пробраться в его заповедную комнату.

В числе таких же чудачков, посвятивших себя на вечное одиночество, только в самом небольшом пространстве, был один из польских шляхтичей, Воронский. Вот его история. В конце царствования Екатерины II по России разъезжал механик Кемпелен со своим автоматом, знаменитым игроком в шахматы, с которым не могли совладать самые искусные игроки-шахматисты. Автомат Кемпелена в первый раз показывался в Варшаве 10 октября 1776 года. Автомат был сделан в рост человека и одет в турецкое платье, он сидел за ящиком длиною в три фута и три дюйма и шириною в девять дюймов, на середине ящика находилась шахматная доска. Перед началом партии механик показывал публике все затейливые пружины, колеса и цилиндры, устроенные в ящике; под конец вынимал из того же ящика шахматы и подушку, на которую должен был облокотиться турок-автомат. Затем снимал с куклы платье и таким

образом показывал его внутреннее устройство. После того механик заводил пружину ключом. Турок, кивнув головою и знак приготовления, брал пальцами пешку, переносил ее на другое место и клал руку на лежавшую возле него подушку. Так как автомат не мог объясняться, то механик предупреждал, что трехкратное наклонение головы будет значить шах королю, а двоекратное – шах королеве.

Как бы ни был силен игрок, а автомат его побеждал и был несравненно опытнее противника. Выставка автомата шахматного игрока, изобретенного и составленного механиком Кемпеленом, наделала много шума не в одной России, но и в целой Европе. Сама императрица Екатерина II пожелала видеть знаменитого шахматного игрока и убедиться в его искусстве. Государыня даже изъявила желание купить чудесного автомата, но Кемпелен умел ловко отклонить это предложение, объявив, что личное присутствие механика для шахматного игрока необходимо.

Но позднее открылось, что шахматный автомат был колоссальная мистификация. В автомате помещался безногий и с одной левой рукой поляк Воронский, пострадавший во время смут первого раздела Польши; человек он был очень умный и энергичный, и крайне небольшого роста. Во время уличной схватки он был ранен в обе ноги и руку, но успел сползти в ров и укрыться от победителей. Один хирург сумел его вылечить, отнял ноги и руку, пораженные уже гангреной. Выздоровев после такого увечья, Воронский поклялся не показываться уже людям в своем натуральном виде и сам придумал механизм, в котором он мог бы действовать как автомат шахматной игры. Механик Кемпелен был не кто иной, как его простой помощник.

К числу людей легковых, надеявшихся разбогатеть, отыскав большой клад, принадлежал один из героев кавказской войны, генерал Б. Страсть его к поискам кладов доходила до того, что он месяцами и более жил в какой-нибудь глухой лесной местности со своими копачами, питаясь скудной пищею. Генерал, выйдя в отставку, по зимам жил в Петербурге, но только лишь приходила весна, он уже снимался с места и отправлялся куда-нибудь на юг в степи или на Волгу в лесные места.

В былые годы у нас господствовало среди всех классов поверье в клады. Основанием этому служило то, что иногда зажиточные люди боясь покражи или истребления пожаром некоторых вещей и денег, зарывали их в землю, потом умирали, не взяв спрятанного ими из потаенного, известного им только одним, места. По прошествии же многих лет иногда находили случайно зарытое добро, стоимость которого слишком преувеличивала народная молва. Точно так же и разбойники зарывали иной раз награбленное ими в лесах и других намеченных ими местах.

На Волге нет, кажется, оврага или горы, о которых народная молва не рассказывала бы, что будто здесь зарыт клад. Стенькой Разиным или Кудеяром. Много также рассказывается и про Пугачева; в Пензенской губернии есть одно место по реке Мокше, о котором идет молва, что там зарыта Пугачевым целая лодка с серебром. Зарывал ли Пугачев клады – это неизвестно, но в его время действительно было немало случаев зарытия в землю денег и дорогих вещей, и с тех пор с особенною силою пошла в ход молва о богатых кладах.

Державин передает слух, что после разгрома Железняка предводительствуемые им казаки, беспощадно грабившие польских панов, шляхту и евреев, зарыли в лесах несметные богатства: золотую и серебряную посуду, а также пушки, набитые жемчугом и золотом. Вспомним также пресловутые гайдамацкие клады, зарытые в сухих колодцах Малороссии.

Генерал Б. имел старинные записи о мнимых зарытых кладах, он даже верил и тому народному поверью, что клад не дается в руки без соблюдения известных обрядов заклинаний и без знания приговоров. Приговоры же при зарытии кладов бывают весьма различны. Иногда, как рассказывают, прячут в землю клад на голову или на несколько голов человеческих. И в этом случае тот, кто захотел бы его достать, должен погубить известное заговоренное число людей, и тогда клад достанется ему без всяких затруднений. Если подозревают, что кто-нибудь

собирается зарыть клад, то близкие к нему люди подстерегают его, и когда он примется за работу, тогда подслушивают его слова и переговаривают их, после чего заклятый клад переходит легко.

Иногда клад зарывают на счастливого, и после этого клад является ему петухом, курицей, кошкой и собакой. Если клад явится в таком виде, то следует идти за ним, и когда он остановится, то не плошать, а ударить его наотмашь, чем попало, вскрикнуть аминь – рассыпья! – а где он рассыплется, там и следует копать землю. Бывают клады, известные многим, но взять их невозможно. У генерала был и мастер искать клады, это был моряк-боцман, человек весьма опытный в этом деле; он много разрыл могил в Крыму. Б. с ним искал клады более десятка лет.

Расчет на легкое верование в возможность отыскивать клады доходил до того, что еще к Петру Великому явился один серб и подбивал государя отыскивать клад царей персидского Дария Кодомана и македонского Александра Великого. По рассказам серба, клад этот находится в Венгрии и состоит из слитков золота, царских корон и золотого змия, в устах которого «учинен камень диамант, золотого болвана – бога жидовского, золотого льва и пр.».

Б. так усердно занимался кладоискательством, что, прокопав три своих богатых поместья и не встретив ни одного случая, где бы мог найти хотя одну монету, он кончил очень печально – чуть ли не в доме умалишенных.

Лет тридцать тому назад в богатом Орл-м имении проживал по-царски богатый помещик Н. К-ий, страсть которого к охоте, собакам и садовым беседкам доходила до смешного. Усадьба его издали представляла какой-то восточный заколдованный город, огромное его состояние позволяло ему вести широкую жизнь. Многие окрестные помещики составляли обычную свиту этого барина, сопровождая его на псовую охоту. Об обедах и подарках его говорили на целую губернию. Тургенев в своем «Гамлете Щигровского уезда» коснулся одного такого обеда К-го. Съезды на праздник гостей, по большей части охотников, собачеев, этого помещика выходили очень многочисленными. Один из домов в усадьбе его был отделан, как лучшая гостиница: здесь могли останавливаться более сотни приезжих, жить по неделям и даже не являться на глаза хозяина. Все желанья, все прихоти гостей исполнялись в точности его дворецким. Барский дом был громадный. Главный корпус соединялся с каждой стороны длинными галереями с флигелями, отчего строение принимало огромные размеры. Большие залы в доме были в два света. По прихоти хозяина все украшения, как наружные, так и внутренние, представляли непривычному взгляду довольно странный вид. Начиная с решетки до флюгера на крыше дома, все изображало одни принадлежности охоты. Из окон выглядывали медвежьи головы, в углу притаился пушной зверь, вместо ковров владелец набросал звериные шкуры. На стенах висели картины, изображавшие псовую охоту. Вся мебель была из оленьих и лосиных рогов, кабаньих голов, лошадиных ног и т. д.

Странные причуды были у этого помещика, собирателя охотничьих предметов. В одной из беседок в его саду, богато отделанной в виде надгробного мавзолея, внутренность здания была украшена более чем странно, здесь были собраны все враги пернатых. Над самую дверь парила с распростертыми крыльями и разинутым клювом огромная сова. По стенам, окрашенным черным цветом, прибиты крылья и головы филинов, орлов, коршунов, копчиков, ворон, обведенные каймою из мышей, крыс, хорьков, ласточек, все эти хищники прибиты к стене узорами и составляли звезды, треугольники, розетки, словом все украшения, которые только умудрилось большое воображение нарисовать крыльями, головами, ногами и корпусами птиц и животных. Так же отделан и потолок. В простенках между окнами прибиты головы кошек, под ними укреплены накрест их лапки в том положении, как на надгробных камнях ставят кости над мертвыми головами. Это головы казненных кошек. Над каждой надпись, когда и за какое преступление виновная лишена жизни. Например «Приговорена к смерти за покушение на жизнь голубя», на другой надписи виднелось «лишена жизни за убийство воробья» и т. д.

Но самая любопытная особенность этой беседки была другая комната, она отделана была в мавританском вкусе, где потолок и стены были убраны золотыми арабесками, лучистыми венками и целыми двустигиями из наших поэтов доброго старого времени, и все эти хитро-сплетения букв, венков делались из мышинных и крысиных хвостов, которые известным путем очищались, сортировались, делались твердыми, полировались и покрывались позолотою. Для этой работы у помещика жил специалист по части крысоистребления – старик-венгерец, должность его состояла в том, что он ходил по усадьбе, отыскивая норы крыс. Способ ловли его был замысловат и любопытен: он раскладывал у всех щелей и прогрызанных крысами дыр кусочки сала. Крысы, как известно, отличаются прекрасным чутьем, и долгохвостые лакомки являлись в первую же ночь, чтобы удовлетворить свой аппетит.

Так делалось в продолжение двух-трех дней, наконец, в одни сумерки венгерец, вооружив свой каблук стальным острием вроде долота, насаживал под пятку кусок сала и становился на страже при одной из щелей, где клал приманку. Крысы, не подозревая, к какому низкому предательству способен человек, вылезали из нор своих, и как только рты разверзлись, чтобы схватить добычу, венгерец делал прыжок назад – и крыса была обезглавлена. Он никогда не делал промахи и продолжал эти убийственные скачки, переходя от щели к щели, от подвала к чердаку до тех пор, пока целое поколение крыс не истребилось.

В былые годы имение К. кипело жизнью шумной и полной всякого довольства; внимательная барская дворня ловила желание гостей, многолюдство посетителей всегда было приятно владельцу этого роскошного сельского уголка. Часто многие из бедных дворян жили здесь по несколько месяцев, не смея из скромности представиться хозяину. Они все-таки пользовались всеми удобствами широкой барской жизни. Более десятка линейек, шарабанов, троек всегда были готовы для выезда гостей. На пруде ждали желающих шлюпки, лыжи, гондолы с гребцами. Сад был прохладный, дремучий, разбитый на сорока десятинах; были аллеи, где не видно было голубого неба – все зелень и тень. По главной аллее стояли статуи, памятники. В куцах дерев виднелись храмики с названиями, значение которых было особенно приятно только одному владельцу. Они были построены во имя дружбы, истины, любви и терпения и т. д. Но особенно были великолепны беседки. Помещик имел к ним особенную слабость и не жалел десятки тысяч. Одна из таких была построена над прахом его любимого кобеля «Любезного» и стоила владельцу около пятидесяти тысяч, другая – в память ахалцихского дела, была вся выстроена из железа и окрашена очень искусно под цвет кашемировой шали; стоимость этой беседки чуть ли не превышала названную стоимость первой.

Особенно пышными выходили у этого барина так называемые «отъезжие поля»; стая его гончих состояла более чем из двухсот смычков «выжлецов и выжловков», выжлятники были одеты в красные куртки и синие шаровары с желтыми лампасами; у ловчих, для отличия, были куртки, обшитые позументом, рога у всех висели на красной тесьме с кистями, каждый имел борзых собак на своре не более трех; хортых собак К-ий не любил, борзые у него были чистопсовые и густопсовые. К походу всегда играли борзятники «позов». Выезд тянулся с обозами ими чуть ли не на версту, так много приглашалось гостей на травлю волков и русаков. На болотную дичь К-ий отъезжал тоже не с меньшим парадом, один обоз состоял не менее как из сорока телег. Сам барин с почетными гостями ехал в линии, остальные гости в тарансах и беговых дрожках. Охотничьих ружей у него было более сотни, здесь были также и драгоценные, как-то: Пюр-де, Мортимер, Ланкастер. Затем, в лучших образцах и старых мастеров, как Лебеда и Лепаж, и такие древние, как шведский Стар-бук, и работы испанского оружейника Лазаро-Лазарини; стволы последнего мастера, по преданию, отличались такою мягкостью, что, будучи измятыми, после первого выстрела выпрямлялись. Сам К-ий имел ружье необыкновенной легкости, весом немного более четырех фунтов, над работой которого известный французский оружейник Гастон Ренет трудился чуть ли не десять лет. Бой этого ружья был удивительный –

дробь приносилась в цель кучно в окружности чайного блюдечка. К-ий прожил в своем имении более пятидесяти лет не выезжая иначе, как только на охоту.

Особенною его странностью была еще нелюбовь к прекрасному полу, и как ни хлопотали соседки хоть одним глазком взглянуть на роскошное житье соседа, но доступ им в усадьбу, как на Афон женщинам, был невозможен.

В первых годах текущего столетия в Курской губернии проживал богатый откупщик-помещик П-в; он считался одним из крупнейших землевладельцев – его владения были на пространстве 80 000 десятин. П-в приобретал имения, не стесняясь никакими незаконными средствами. Он был так богат, что самые дикие и бессердечные его выходки сходили ему с рук. После его смерти у него в кабинете нашли большой куль, наполненный золотыми табакерками и бриллиантовыми перстнями; в его сараях стояло около сотни новых экипажей, еще зашитых в чехлы и рогожи. Табакерки, перстни, экипажи были назначены «на подарки» губернским чиновникам.

Люди, не занимавшие видных мест в губернской иерархии, трепетали перед именем П-ва и творили всякие беззакония по воле этого денежного мешка. В своих приобретениях этот помещик-откупщик не брезговал никакими мерами. Так, раз облюбовав именице одного мелкопоместного дворянина, он позвал его к себе и предложил ему продать свое имение. Дворянин наотрез отказал ему. Тогда П-в стал настаивать, бедняк упрямылся; наконец, выведенный из терпения, П-в объявил ему, что не отпустит его домой, пока не будет составлена запродажная запись, и эта угроза не подействовала на бедняка; тогда П-в позвал своих слуг и приказал запереть его в сырой погреб, где несчастный провел целых два года.

Сырая тюрьма и вечная непробудная темнота сокрушили силы несчастного, он согласился на требование откупщика и совершил купчую крепость. П-в возвратил ему свободу и вручил сторублевую ассигнацию.

Но еще и не такие драмы разыгрывались в доме этого бессердечного палача; под домом его было устроено подземелье, в котором содержались провинившиеся пред этим богачом лица; рассказывали, что после смерти его было здесь найдено несколько костяков с цепями. Исход всякого уголовного следствия против П-ва можно было заранее предугадать: не было таких денег, которых бы он не дал следователям.

Много шума наделало в губернии одно из таких дел. На его земле у него были устроены шлагбаумы, у которых стояли сторожа – ни один из приезжающих не мог здесь проехать. Но раз случилось, что один из петербургских сановников хотел без пропуска проехать, сам спустил цепь, и когда коляска уже тронулась, то в ту же минуту стражник успел спустить цепь, и поднявшийся шлагбаум быстро опустился и ударил по голове сидевшего в коляске камердинера сановника; удар был настолько силен, что последний пролежал более двух недель в уездном городе. Сановник доложил об этом случае императору, наряжено было строгое следствие. П-в, узнав, что едет на следствие чиновник по фамилии М., велел тотчас же донести ему, когда он приедет в город.

Вскоре приехал в город господин, носивший такую фамилию, для покупки себе имения; П-в, полагая, что тут кроется хитрость, приехав в город, поселился в одной с ним гостинице и, разузнав, что он не сторговал имение за недостатком нужной суммы, предложил ему банковский билет, превышающий требуемые деньги. Последний воспользовался таким великодушным предложением, взял деньги и уехал. Вскоре открылось, что М. – был не тот, а только однофамилец. Настоящий следователь, носивший фамилию М., тоже был уловлен этим богачом; он после долгих переговоров не устоял от крупной взятки, – вложил ломбардные билеты в конверт, переслал жене и детям, а сам застрелился.

П-в от закона возмездия не ушел – смерть его вышла более чем странная, об ней говорили во всей России. Миллионер-палач был найден прислугой в одно утро при следующей печальной обстановке. При входе в его роскошную спальню, на расстоянии одного аршина от постели

виднелась целая куча пепла, в которой можно было различить две целые ноги, от пяток до колен, и руки. Между ногами лежала голова. Остальное тело превратилось в пепел, имевший то особенное свойство, что от прикосновения к нему на пальцах оставалась жирная и зловонная мазь. При этом замечено было, что воздух в комнате был наполнен точно сажей. Карсельская лампа оказалась без масла, а две свечи на ночном столике истаяли, только одна светильня висела. Вся постель и драпировка были покрыты сероватой сажей. В соседней комнате тоже слышался запах жареного и виднелась всюду сажа.

Смерть П-ва была объяснена, что он сгорел от внутреннего и невидимого огня. Камердинер его рассказывал, что за последнее время он имел обыкновение натираться каким-то ароматическим спиртом, который он употреблял в большом количестве, и думали, что это snadь было одной из причин замечательной смерти его.

После уже, спустя несколько лет, ходили слухи в губернии, что он был убит своими дворовыми самым безжалостным образом: у него живого были выжжены внутренности. Убийство происходило в теплице-ананаснице, палачами этого палача были – камердинер, садовник и два доезжачих.

Глава XVII

Князь Голицын. – «Фирс». – Актеры-любители. – «La princesse Moustache» старушка Загряжская. – Странности красавицы П-вой. – Чудак-сенатор. – Старосветская помещица. – Сутяга-оригинал. – Меховицк-путешественник

В сороковых годах в петербургском высшем обществе было несколько князей Голицыных, известных под разными кличками. Был Голицын «рябчик», был еще Голицын «кулик» и был Голицын, известный под именем «Фирса». Последний играл замечательную роль в тогдашней петербургской молодежи. Роста и сложения атлетического, веселости неистощимой, куплетист, певец, рассказчик, балагур, куда он только ни являлся, начинался смех, и он становился душою общества, причем постоянное дергание его лица придавало его физиономии особый комизм.

Про свое прозвище «Фирс» он рассказывал, что оно всюду ему мешало, потому что было связано с днем 14 декабря.

Любопытно происхождение этого названия. Сначала никто не понимал, почему и отчего оно произошло; но потом оно объяснилось следующим образом.

Князь С.Г. Голицын, прекрасный певец-бас, был почти домашним человеком в доме Чернышева, впоследствии графа и князя. Он был приятный собеседник и притом всегдашний певец у них романсов и оперных арий, почему дети Чернышева и прозвали его в шутку Тирсисом, по-русски – Фирс. Но как по русским святцам празднуется 14 декабря память св. мученика Фирса и других с ним, то при производстве следствия над декабристами возникло подозрение, не имело ли прозвание Фирс какого-нибудь отношения к событию 14 декабря 1825 года, и от князя С.Г. Голицына потребовано было объяснение, которое и оказалось единственно означенною выше детскою шуткой. Но это прозвание с тех пор осталось ему на целую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.